

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Костылева Ольга Владимировна

**Публичные призывы к осуществлению террористической
деятельности, публичное оправдание и пропаганда терроризма:
уголовно-правовое исследование**

Специальность 5.1.4 Уголовно-правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук,
доцент Крылова Н.Е.

Москва – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ И НАЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПУБЛИЧНЫЕ ПРИЗЫВЫ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПУБЛИЧНОЕ ОПРАВДАНИЕ И ПРОПАГАНДУ ТЕРРОРИЗМА	
§ 1.1. Уголовно-правовой запрет публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания и пропаганды терроризма в аспекте международно-правовых обязательств Российской Федерации.....	23
§ 1.2. Уголовно-правовой запрет публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания и пропаганды терроризма в свете свободы выражения мнения	35
§ 1.3. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание и пропаганда терроризма как преступные посягательства на общественную безопасность.....	54
§ 1.4. Проблемы определения вреда, причиняемого общественной безопасности публичными призывами к осуществлению террористической деятельности, публичным оправданием и пропагандой терроризма.....	71
ГЛАВА 2. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ И (ИЛИ) МАТЕРИАЛОВ КАК ДЕЯНИЕ, ОБРАЗУЮЩЕЕ ОБЪЕКТИВНУЮ СТОРОНУ ПУБЛИЧНЫХ ПРИЗЫВОВ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПУБЛИЧНОГО ОПРАВДАНИЯ И ПРОПАГАНДЫ ТЕРРОРИЗМА	
§ 2.1. Понятие распространения информации и (или) материалов в определении пропаганды терроризма.....	88
§ 2.2. Распространение информации и (или) материалов как признак публичных призывов к осуществлению террористической деятельности и публичного оправдания терроризма	102
§ 2.3. Публичность распространения информации и (или) материалов	108

§ 2.4. Понятие распространения информации и (или) материалов с использованием средств массовой информации	123
§ 2.5. Понятие распространения информации и (или) материалов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.....	133
ГЛАВА 3. ПУБЛИЧНЫЕ ПРИЗЫВЫ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПУБЛИЧНОЕ ОПРАВДАНИЕ И ПРОПАГАНДА ТЕРРОРИЗМА: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И РАЗГРАНИЧЕНИЯ.....	154
§ 3.1. Объективные и субъективные признаки публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма и пропаганды терроризма: общие замечания	154
§ 3.2. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности.....	172
§ 3.3. Публичное оправдание терроризма	191
§ 3.4. Пропаганда терроризма.....	212
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	232
БИБЛИОГРАФИЯ	239

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Мировое сообщество, активно ведущее несколько последних десятилетий борьбу с терроризмом, сделало в ней ставку на принятие самых широких мер упреждающего характера. Не является исключением и уголовно-правовая составляющая этой борьбы. Если ранее на повестке дня стоял вопрос о криминализации актов терроризма, несколько позднее – оказания материальной поддержки терроризму, то сегодня уголовно-правовая репрессия не в последнюю очередь направлена на противодействие распространению идеологии терроризма, что выражается в появлении в уголовном законодательстве разных стран не только специальных норм об ответственности за публичное подстрекательство (призывы) к совершению террористических преступлений, но и широких запретов публичной апологии (прославления, оправдания, поощрения) и пропаганды террористических преступлений (терроризма).

Криминализация указанных деяний преследует цель снизить риски совершения террористических преступлений. С одной стороны, это отвечает позитивным обязательствам государств по защите граждан от террористических угроз, с другой, – ставит сложный вопрос о границах уголовно-правового запрета как с точки зрения его исключительности (*ultima ratio*), так и необходимости его согласования с правовыми гарантиями свободы выражения мнения.

В 2023 году в Российской Федерации зарегистрировано 2382 преступления террористического характера¹, из них 624 преступления, предусмотренных ст. 205² УК РФ («Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма»)². Данные судебной статистики свидетельствуют о постоянно возрастающем внимании следственно-судебной практики к указанному виду уголовно наказуемого деяния. Так, если в первые годы действия ст. 205² УК РФ число осужденных по ст. 205² УК РФ не превышало 2-5 чел. в год, то к 2017 г. оно достигло 100 чел., а в 2022 г. – превысило 300 чел. В 2023 г. число осужденных по ст. 205² УК РФ составило 345 чел., 90% из которых – по ч. 2 ст. 205² УК РФ (с использованием

---

¹ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2023 года // URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/>

² Согласно информации, основанной на материалах, предоставленных Генеральному секретарю ООН Российской Федерацией. (См.: Меры по ликвидации международного терроризма: Доклад Генерального секретаря, 27.06.2024, A/79/99 // URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n24/187/20/pdf/n2418720.pdf>).

средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей)³.

Рост числа осужденных за совершение подобных преступлений отмечается и в других европейских государствах, сталкивающихся с всплеском террористического насилия. Например, показательным является увеличение соответствующих статистических показателей после ряда террористических нападений, совершенных в различных городах Европы в 2015 – 2016 гг. Так, если в Испании в 2011 г. за публичные оправдание и восхваление терроризма был осужден 1 человек, то в 2016 г. – 35 человек; во Франции в 2014 г. за прямую провокацию и публичную апологию терроризма осуждено 3 человека, а в 2016 г. – 306 человек⁴.

Чем чаще применяются подобные уголовно-правовые запреты, тем больше вероятность того, что они могут быть применены чрезмерно, к ситуациям, которые не требуют столь жесткой государственной реакции. Будучи в определенном смысле временными мерами, они «просыпаются» и активно применяются прежде всего в условиях повышенной террористической угрозы. Преобладающие в такие времена идеи жесткого ограничения свободы выражения мнения как эффективного средства борьбы с терроризмом перемещают границы исключительности уголовного права, захватывая уголовной репрессией и те высказывания, которые ранее рассматривались как заслуживающие менее сурового осуждения.

Практика применения в разных национальных правовых системах уголовно-правовых запретов публичного оправдания, восхваления, апологии террористических преступлений (терроризма) не раз становилась предметом критики со стороны межгосударственных органов (должностных лиц) по защите прав и свобод человека (Европейского Суда по правам человека, Комитета по правам человека ООН, Комиссара Совета Европы по правам человека и др.). Это является реакцией на общемировую тенденцию к ужесточению уголовно-правовой политики в сфере борьбы с распространением террористической пропаганды, проявляющуюся как в расширении

---

³ См. статистику числа осужденных лиц за 2007-2023 гг. на сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ (отчеты № 10-а) // URL: <http://www.cdep.ru/?id=79>

⁴ Цит. по: Костылева О.В. Пределы уголовно-правового запрета публичной апологии терроризма: опыт конституционного контроля во Франции и в Испании // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2021. №5. С. 73.

круга криминализируемых деяний, так и в подчас неизбирательном применении соответствующих норм.

Складывающаяся в смежной сфере уголовно-правового противодействия экстремистским преступлениям практика вызвала обеспокоенность и на внутригосударственном уровне. В 2018 г. Пленум Верховного Суда РФ дополнил свое постановление от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» указаниями, призванными способствовать применению антиэкстремистского уголовного законодательства с учетом гарантий свободы выражения мнения. Внимание судов было обращено на необходимость устанавливать умысел и цели лица, распространяющего информацию, а также обсуждать возможность применения нормы о малозначительности, не в последнюю очередь учитывая обострившуюся проблему квалификации действий по размещению чужих сообщений в социальных сетях путем репостов⁵.

В Российской Федерации вопрос об обоснованности криминализации публичного оправдания идеологии терроризма ставился еще на этапе парламентских обсуждений законопроекта; тогда же было отклонено предложение указать в ст. 205² УК РФ на «публичную пропаганду идей терроризма», поскольку ее «весьма сложно определить» на практике⁶. Спустя же чуть более десяти лет состав пропаганды терроризма все же нашел свое место в ст. 205² УК РФ, что предоставило уголовно-правовой доктрине и практике новые вопросы для обсуждения.

Применению ст. 205² УК РФ сопутствуют не только сложности, связанные с необходимостью оценивать принимаемые решения с точки зрения соблюдения гарантий реализации свободы выражения мнения, но и сохраняющиеся проблемы непротиворечивого толкования соответствующей уголовно-правовой нормы и ее применения. Даже, казалось бы, традиционный для отечественного уголовного законодательства состав публичных призывов продолжает вызывать большое число

---

⁵ Подробнее о постановлении см.: Костылева О.В. Уголовная ответственность за возбуждение ненависти или вражды: новые разъяснения Пленума Верховного Суда и международные стандарты в области прав человека // Уголовное право. 2018. № 6. С. 66-80.

⁶ Проект федерального закона № 282601-4 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму». Таблица поправок, рекомендованных Комитетом по безопасности к отклонению; поправки 48, 49 // URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/282601-4>

квалификационных сложностей, не говоря уже о публичном оправдании и пропаганде терроризма. Проблемы обостряются и в связи с тем, что следственно-судебная практика готова отдать важные правоприменительные вопросы на усмотрение судебным экспертам, которые подчас начинают решать не входящие в их компетенцию правовые вопросы.

Отмеченное предопределяет высокую актуальность диссертационного исследования.

Степень разработанности темы. Вопросы уголовно-правовой квалификации преступлений, предусмотренных ст. 205² УК РФ, становятся предметом исследований в научной и учебно-методической литературе, посвященной уголовно-правовой охране информационной безопасности, противодействию распространению криминогенной информации (А.И. Антипов, А.А. Балашов, М.А. Ефремова, Д.А. Ковлагина, И.М. Кунов и др.), преступлениям террористической направленности (И.А. Анисимова, А.М. Багмет, В.В. Бычков, С.И. Бушмин, Р.И. Диваева, В.А. Мазуров, Г.Л. Москалев, В.В. Палий, А.И. Рарог, И.В. Шевченко и др.), преступлениям против общественной безопасности и общественного порядка (Д.Ж. Гостькова, Ю.В. Грачева, Т.А. Далгалы, А.А. Задоян, А.Г. Кибальник, А.В. Наумов, А.И. Чучаев и др.). Опубликовано немало научных статей, посвященных вопросам квалификации преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ (П.В. Агапов, Д.К. Боков, С.В. Борисов, Е.Б. Вахонина, В.С. Комиссаров, А.А. Кунашев, А.Г. Кибальник, Д.А. Ковлагина, А.В. Лагодин, Д.В. Лобач, Г.Л. Москалев, С.Н. Помнина, И.С. Соломоненко, А.Н. Тарбагаев, А.Г. Хлебушкин, Э.Ю. Чуклина и др.).

Таким образом, утверждать об отсутствии интереса у представителей отечественной уголовно-правовой науки к рассматриваемой теме не приходится. Тем не менее единственным монографическим исследованием, специально посвященным уголовно-правовому запрету, предусмотренному ст. 205² УК РФ, остается кандидатская диссертация З.А. Шибзухова «Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма» (2012). Написанное более десяти лет назад это исследование еще не могло охватить собой тот более серьезный объем судебной практики, который появился позднее, а также по понятным причинам не касалось вопросов уголовной ответственности за пропаганду терроризма.

Более подробного изучения требуют проблемы применения уголовно-правового запрета, предусмотренного ст. 205² УК РФ, в контексте международных и конституционных гарантий реализации свободы выражения мнения. Несмотря на то, что в диссертации З.А. Шибзухова этому вопросу посвящен один из параграфов, рассмотрение указанного вопроса нельзя назвать полным, в частности указанным автором не рассматривается важная в этом отношении и сохраняющая свою актуальность для Российской Федерации практика Европейского Суда по правам человека и Комитета по правам человека ООН. Отметим проведенный в этой связи анализ практики Конституционного Суда РФ в кандидатской диссертации И.М. Кунова «Уголовно-правовое противодействие распространению криминогенной информации» (2017).

Кроме того, в опубликованных работах, посвященных уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст. 205² УК РФ, в небольшой степени освещается опыт зарубежных государств по криминализации публичного подстрекательства, оправдания, пропаганды терроризма и практике применения подобных запретов, изучение которого также может способствовать разрешению возникающих в российском уголовном праве вопросов.

Изложенное свидетельствует о явной недостаточности разработки темы и о необходимости проведения настоящего диссертационного исследования.

Целью исследования является комплексная разработка проблемы уголовной ответственности за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание и пропаганду терроризма, учитывающая международно-правовой, конституционно-правовой, сравнительно-правовой, уголовно-политический, судебно-экспертный и лингвистический аспекты данной тематики.

Указанная цель обусловила постановку и решение следующих основных **задач исследования:**

– оценить соответствие уголовно-правового запрета, предусмотренного ст. 205² УК РФ, международно-правовым обязательствам Российской Федерации, с которыми было связано введение соответствующих положений в российское уголовное законодательство;

– рассмотреть различные правовые подходы (условно называемые в диссертации общеевропейский и североамериканский) к определению пределов уголовно-правовых

запретов террористической пропаганды (публичного подстрекательства к совершению террористических преступлений, апологии, оправдания, восхваления, пропаганды терроризма и тому подобных запретов) в контексте соблюдения международно-правовых и национально-правовых гарантий реализации свободы выражения мнения;

– определить, каким общественным отношениям причиняется вред или создается угроза причинения вреда в результате совершения деяния, предусмотренного ст. 205² УК РФ, в чем состоит этот вред и каков механизм его причинения;

– установить содержание признаков, являющихся общими для альтернативных форм поведения в составе, предусмотренном ст. 205² УК РФ («распространение информации и (или) материалов», «публичность»), в том числе квалифицированном составе («использование средств массовой информации», «использование информационно-телекоммуникационных сетей»);

– выявить и разрешить существующие противоречия между правовыми и лингвистическими значениями основных в рамках диссертационного исследования понятий «призывы», «оправдание», «пропаганда»;

– рассмотреть основные проблемы квалификации, возникающие при применении ст. 205² УК РФ, и предложить решение данных проблем;

– выработать критерии разграничения действий, предусмотренных ст. 205² УК РФ: публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма, пропаганды терроризма;

– сформулировать рекомендации по применению уголовно-правовых норм об ответственности за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание и пропаганду терроризма.

Объектом диссертационного исследования является комплекс общественных отношений, возникающих в связи с установлением и применением уголовно-правовых запретов публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания и пропаганды терроризма, в том числе обусловленных их столкновением с гарантированной международными и национальными правовыми нормами свободой выражения мнения.

Предметом исследования являются конституционно-правовые нормы Российской Федерации об основах конституционного строя, правах и свободах человека и

гражданина; международно-правовые нормы, предусматривающие обязательства государств по криминализации публичного подстрекательства к террористическим преступлениям, с одной стороны, и защите свободы выражения мнения, – с другой; правовые позиции Европейского Суда по правам человека, касающиеся пределов вмешательства в свободу выражения мнения при применении национальных уголовно-правовых запретов распространения террористической пропаганды, а также правовые позиции Комитета по правам человека ООН; нормы национального уголовного права, предусматривающие наказание за террористическую пропаганду (публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание и пропаганду терроризма); правовые позиции Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, нижестоящих судов по вопросам применения указанных выше уголовно-правовых запретов, в том числе в контексте реализации конституционной свободы слова; научные (теоретические) представления представителей уголовно-правовой доктрины по указанным вопросам. Предметом исследования стали также уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за распространение террористической пропаганды, в отдельных иностранных государствах, правовые позиции судов и органов конституционного контроля некоторых зарубежных стран, теоретические воззрения зарубежной уголовно-правовой науки.

Методология диссертационного исследования базируется на одном из универсальных научных методов – диалектическом, что связано в частности с необходимостью выявления и изучения возможного противоречия и подходов к согласованию интересов общественной безопасности и гарантированной международными и национальными правовыми нормами свободы выражения мнения. Этот же метод используется в работе при сопоставлении лингвистических и правовых значений основных для исследования понятий – призывов, оправдания и пропаганды.

Среди общенаучных методов, примененных в процессе исследования, выделим системный, который позволил не только проанализировать законодательные основы и практику применения ст. 205² УК РФ, но и, согласно заявленной цели, учесть многоаспектность избранной тематики.

Автором также использовались специальные методы исследования правовых явлений: формально-юридический (например, при толковании законодательных

положений, являющихся предметом исследования); историко-правовой (при анализе признака публичности в составе публичных призывов к осуществлению террористической деятельности и публичного оправдания терроризма, изучении подходов к наказуемости деяний, совершаемых с использованием средств массовой информации и др.); сравнительно-правовой (при анализе такого общественно опасного последствия рассматриваемых преступлений, как создание опасности совершения преступления, при анализе понятий «призывы», «оправдание терроризма», «пропаганда терроризма», квалифицирующего признака «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» и др.).

Нормативную основу исследования составили Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, иные федеральные законы Российской Федерации; международные договоры, в том числе в которых Российская Федерация не участвует (Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г.); Резолюция 1624 (2005) Совета Безопасности ООН; Директива Европейского парламента и Совета от 15 марта 2017 г. «О борьбе с терроризмом»; уголовное законодательство ряда зарубежных государств (Великобритании, Испании, Нидерландов, США, Турции, Франции). В работе также проанализированы отдельные положения уголовного законодательства дореволюционной и советской России (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Уголовное уложение 1903 г., постановление Временного Правительства от 6 июля 1917 г., Уголовные кодексы РСФСР 1922, 1926, 1960 гг.).

Теоретическую основу исследования составили работы отечественных и зарубежных специалистов в области квалификации преступлений против общественной безопасности, против государственной власти и основ конституционного строя (П.В. Агапов, С.В. Борисов, В.А. Бурковская, Й. Кейлер, А.Г. Кибальник, В.С. Комиссаров, А.А. Кунашев, И.М. Кунов, Ю.Е. Пудовочкин, С.Н. Фридинский, Д.О. Чернявский, А.Г. Хлебушкин, З.А. Шибзухов, А. Шмид и др.), в сфере проблематики ограничения конституционных прав и защиты свободы выражения мнения, в том числе исследований прецедентной практики Европейского Суда по правам человека и североамериканской доктрины Первой поправки (А. Бойзе, Е. Волох, Б. ван Гинкель,

Т. Мендель, Э. Познер, М. Редиш, Я. Ронен, К.Санстейн, С. Сотьо, Ф. Тюлькенс, Ф. Шауэр и др.), специалистов в сфере судебных лингвистических экспертиз, а также лингвистов, в том числе действующих судебных экспертов-лингвистов (А.Н. Баранов, Е.И. Галяшина, И.В. Гарт, Л.М. Голиков, И.М. Кобозева, Э.П. Лаврик, В.Д. Никишин, М.А. Осадчий, Т.Б. Радбиль, Е.В. Щенникова и др.). В диссертации также нашли отражение работы отечественных специалистов в области уголовного права, посвященные общей теории квалификации преступлений и учению о составе преступления (М.С. Гринберг, П.С. Дагель, А.В. Иванчин, Д.П. Котов, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, Н.Е. Крылова, В.Б. Малинин, К.В. Ображиев, А.А. Пионтковский, А.И. Рарог, П.С. Яни и др.)

Эмпирическую основу исследования составили:

– результаты анализа неопубликованной судебной практики Российской Федерации, включающей материалы 45 уголовных дел по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. 205² УК РФ, рассмотренные Московским окружным военным судом (ныне – 2-ой Западный окружной военный суд) в период 2015-2020 г.;

– результаты изучения 28 судебных актов, вынесенных Верховным Судом РФ и нижестоящими судами (преимущественно за 2018-2023 г.), размещенных на сайтах судов и в справочных правовых системах Российской Федерации;

– результаты изучения действующих постановлений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам правоприменения за 2002-2023 г.;

– результаты изучения судебной практики Конституционного Суда РФ за 2011-2023 г.;

– результаты изучения судебной практики Европейского Суда по правам человека за 1999-2023 г.;

– результаты изучения практики применения уголовно-правовых норм об ответственности за публичное оправдание (прославление, апологию) террористических преступлений, поощрение, пропаганду и материальную поддержку терроризма в зарубежных странах (Бельгии, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Испании, Нидерландов, Соединенных Штатов Америки, Турции, Франции);

– результаты изучения практики официальных лиц и договорных органов Организации Объединенных Наций (Генерального секретаря ООН, Комитета по правам человека ООН, Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав

человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом), а также результаты изучения отчетов государств-участников Контртеррористическому комитету об осуществлении Резолюции 1624 (2005) Совета Безопасности ООН;

– результаты изучения проектов федеральных законов Российской Федерации и материалов законопроектной работы по ним;

– результаты изучения материалов, касающихся процесса подготовки и принятия Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма (2005);

– результаты изучения материалов средств массовой информации Российской Федерации и зарубежных стран;

– результаты анализа данных официальной статистики.

Научная новизна диссертации определяется тем, что в ней автором:

– внесен вклад в разработку проблемы уголовной ответственности за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание и пропаганду терроризма, что выразилось в уточнении терминологического аппарата, раскрытии содержания элементов и признаков преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, в частности, выявлены, охарактеризованы, разрешены противоречия, существующие между лингвистическими и правовыми значениями основных в диссертационном исследовании понятий – «призывы», «оправдание», «пропаганда»; предложено решение проблемы преувеличенного значения заключений судебных экспертов по изучаемой категории дел; обоснованы альтернативные решения проблемы разграничения публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма и пропаганды терроризма; предложены решения проблемы разграничения публичных призывов к осуществлению преступной деятельности и подстрекательства к совершению преступления, определения субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, момента окончания и отдельных вопросов соучастия в указанном преступлении;

– представлены новые результаты исследования о соответствии уголовно-правового запрета, предусмотренного ст. 205² УК РФ, международно-правовым и конституционным гарантиям свободы выражения мнения;

– сформулированы рекомендации правоприменителю по толкованию и применению такого признака состава преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, как

распространение информации и материалов, в том числе с учетом особенностей распространения с использованием средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей; а также признака публичности, в том числе на основе проведенного историко-правового анализа;

– введена в научный оборот информация, содержащаяся в зарубежных научных исследованиях, не издававшихся на русском языке, а также отражены не получившие широкого распространения в современных уголовно-правовых исследованиях отдельные работы российских ученых-криминалистов конца XIX - начала XX века, в частности В.Д. Набокова, Н.С. Тимашева.

Положения, выносимые на защиту:

1. Отказ российского законодателя от предложенного в Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма (2005) подхода к конструированию уголовного-правового запрета публичного подстрекательства к совершению террористического преступления (с указанием двух его признаков – намерения побудить к террористическому преступлению и создания в результате такого побуждения опасности совершения данного преступления) усиливает значение правоприменительной практики в обеспечении разумного баланса между необходимостью защиты общественной безопасности и соблюдением гарантированной международными и национальными правовыми нормами свободы выражения мнения при применении ст. 205² УК РФ.

Обеспечение указанной свободы на правоприменительном уровне предполагает решение вопроса, не является ли преследуемое поведение реализацией свободы выражения мнения, среди прочего заставляя правоприменителя устанавливать общественно опасные последствия, причиняемые распространением той или иной информации и (или) материалов, несмотря на конструирование состава преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, по типу формального.

2. Хотя составляющими общественной безопасности – непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ – являются объективное состояние защищенности общества от опасности совершения преступных посягательств (внешний аспект) и субъективная уверенность граждан в обеспеченности такого состояния (внутренний аспект), общественная опасность указанного деяния, предопределяющая его криминализацию, не должна связываться исключительно с

причинением вреда внутреннему аспекту безопасности. Общественная опасность таких деяний объясняется прежде всего порождаемой ими угрозой совершения преступлений террористической направленности отдельными лицами или в составе преступных организаций, которая (угроза) в свою очередь может влиять на уровень субъективной уверенности населения или его групп в своей безопасности.

Опасность осуществления террористической деятельности другими лицами связывается со способностью того или иного высказывания убеждать, направлять аудиторию, побуждать к совершению или несовершению каких-либо действий. Указанная практическая (деятельная) сила высказывания порождается как коммуникативной направленностью (содержанием) высказывания, так и его контекстом (формой и способом передачи сообщения, значимостью или известностью автора сообщения, характеристиками адресата, ситуацией, сложившейся в области безопасности во время опубликования сообщения и проч.). На основании содержания и контекста, с одной стороны, должен уясняться смысл самого сообщения, с другой, – оцениваться его потенциальная опасность (воздействие, которое оно может оказать на адресата).

3. Установлению подлежит объективный смысл высказывания, то есть тот, которым оно обладает в восприятии непредвзятого и способного к восприятию информации адресата. Объективный смысл высказывания определяется исходя из употребляемых слов, языкового контекста, сопутствующих высказыванию обстоятельств, в той мере в которой они доступны адресатам, а также характеристик самого адресата. Субъективное намерение высказывающегося при определении объективного смысла решающим не является.

Если высказывание многозначно, то толкование его в ущерб обвиняемому возможно лишь в том случае, если все иные варианты понимания обоснованно исключены. С учетом того значения (часто преувеличенного), которое придается правоприменительной практикой заключениям экспертов-лингвистов, перед ними необходимо ставить вопросы обо всех объективно возможных, альтернативных смыслах текстов, являющихся объектом судебной экспертизы.

При оценке того, способно ли то или иное сообщение оказать опасное воздействие на адресатов, создающее угрозу осуществления ими террористической деятельности, правоприменитель, обращаясь за помощью к судебным экспертам, не должен

ограничиваться лишь общим вопросом о наличии в представленном на экспертизу материале признаков побуждения, оправдания или пропаганды. Необходимо, чтобы эксперты, основываясь на достижениях науки (речь может идти не только о психологической, но и социологической науке), могли пояснить суду, какие обстоятельства совершения деяния свидетельствуют о достоверной вероятности влияния тех или иных высказываний на убеждения и поведение адресатов.

4. Признак распространения информации и (или) материалов в составе пропаганды терроризма не является бланкетным и не требует обращения, в частности, к определению распространения информации, содержащемуся в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» 2006 г. Понятие распространения информации и (или) материалов в ст. 205² УК, имея отраслевое (уголовно-правовое) содержание, означает любое расширение круга лиц, которые потенциально могут попасть под воздействие такой пропаганды, что предполагает, что информация и (или) материалы передаются и становятся доступными как неопределенному, так и определенному кругу лиц.

С объективной стороны публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма, как и пропаганда терроризма, состоят в распространении информации и (или) материалов, но в отличие от пропаганды терроризма:

а) предполагают личное обращение, то есть распространение информации и (или) материалов, содержание которых виновное лицо распознаваемо одобрило, идентифицировало в качестве собственного сообщения;

б) не требуют в качестве обязательного признака системности действий по распространению информации и (или) материалов;

в) содержат в качестве обязательного признака публичность распространения информации и (или) материалов.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, характеризуется, помимо прямого умысла, конечной целью, присущей каждой из указанных в ст. 205² УК РФ альтернативных форм поведения, а именно целью вовлечь других лиц в осуществление террористической деятельности. Указанная цель может в зависимости от конкретной формы поведения выражаться в цели побудить других лиц к

осуществлению террористической деятельности, сформировать у них идеологию терроризма или представление о допустимости осуществления террористической деятельности. Отсутствие такой цели будет означать отсутствие преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ.

5. Сложности, связанные с определением публичности в ст. 205² УК РФ, являются частью общей проблемы толкования и применения уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за деяния, совершенные публично. Понятие публичности, будучи относительно оценочным, может и должно определяться применительно к разным составам (группам составов) преступлений по-разному, исходя из места той или иной уголовно-правовой нормы в системе и взаимосвязи с другими уголовно-правовыми нормами, в том числе с учетом охраняемых ими объектов, что не противоречит принципу единства терминологии.

Для целей применения ст. 205² УК РФ под совершением указанных в ней деяний публично предлагается понимать обращенность и доступность распространяемой информации или материалов неопределенному кругу лиц, что предполагает намерение виновного оказать влияние на взгляды, убеждения или поведение адресатов, которые не индивидуализируются на момент обращения. Речь идет о реализованном намерении обратиться к любому, кто находится в определенном месте или может ознакомиться с обращением. Публичность, таким образом, связывается в первую очередь с характеристикой адресата, к которому обращена и которому доступна соответствующая информация и (или) материалы.

б. Распространение информации (для целей применения ст. 205² УК РФ) – это передача (сообщение) информации другому лицу или другим лицам, в результате которой информация становится известной хотя бы одному из них (непубличное распространение), либо передача (сообщение) информации неопределенному кругу лиц, в результате которой информация становится доступной такому кругу лиц (публичное распространение).

Распространение материалов (для целей применения ст. 205² УК РФ) – это передача материалов другому лицу или другим лицам, в результате которой хотя бы одно лицо получило, стало обладателем таких материалов (непубличное распространение), либо передача материалов одному, нескольким или неопределенному числу лиц, в результате

которой материалы становятся доступными неопределенному кругу лиц (публичное распространение).

Распространение информации и (или) материалов с использованием средств массовой информации, а также информационно-телекоммуникационных сетей должно определяться в качестве самостоятельных понятий в связи с существующими особенностями распространения информации и (или) материалов указанными способами.

7. Распространение информации и (или) материалов с использованием средств массовой информации (для целей применения ст. 205² УК РФ) – это сообщение или передача информации и (или) материалов неопределенному кругу лиц посредством предоставления информации для публикации (демонстрации, трансляции) в средствах массовой информации или принятия решения о выпуске в свет (эфир) продукции средства массовой информации, а также передача информации и (или) материалов, осуществляемая распространителями и вещателями, действующими во исполнение общего преступного плана с лицами, предоставляющими информацию и (или) материалы для публикации (демонстрации, трансляции) или принимающими решение о выпуске в свет (эфир) продукции средств массовой информации, когда в результате указанных действий информация и (или) материалы становятся доступными неопределенному кругу лиц.

8. Распространение информации и (или) материалов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (для целей применения ст. 205² УК РФ) – это передача (сообщение) информации через информационно-телекоммуникационные сети или размещение материалов в информационно-телекоммуникационных сетях, в результате которых указанные информация и (или) материалы становятся доступными неопределенному кругу лиц, а равно совершение информационным посредником заранее обещанных действий по передаче, предоставлению возможности размещения или доступа к указанным информации и материалам. Бездействие информационного посредника, заключающееся в неисполнении обязанности по удалению или ограничению доступа к информации или материалам, распространением не является.

Под материалом, распространяемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, предлагается понимать информацию, представленную в электронной форме, ознакомление с которой возможно в течение всего срока ее

размещения в информационно-телекоммуникационной сети, неограниченное число раз лицом или лицами, имеющими к ней доступ.

9. Распространение материалов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, состоящее в их размещении пользователем, не образует состав длящегося преступления. Такое размещение (публикация) является одноактным действием, момент окончания которого определяется моментом появления у других лиц возможности ознакомления с тем или иным материалом. Последующее нахождение материала в информационно-телекоммуникационной сети, дающее возможность ознакомиться с ним неопределенному кругу лиц, не может расцениваться как непрерывное осуществление состава данного преступного деяния, что характерно для длящегося преступления, поскольку доступность материала неопределенному кругу лиц должна рассматриваться в качестве результата его размещения, который определяет момент юридического и фактического окончания рассматриваемого преступления.

Вместе с тем неоднократное распространение информации и (или) материалов может признаваться продолжаемым преступлением, если такое распространение охватывается единым умыслом виновного лица. Единый умысел устанавливается, исходя из продолжительности разрыва во времени между публикациями, единства места размещения информации или материалов (например, на одном информационном ресурсе или в одной и той же группе в социальной сети), непосредственного контекста, в котором осуществлялось их опубликование (например, единая целевая направленность материалов на личной странице в социальной сети), тождественности мотивов и целей виновного, а также других обстоятельств. При этом единство умысла не исключает, что он может носить характер возобновляемого: не требуется, чтобы умысел на все входящие в продолжаемое преступление тождественные деяния возник у лица до начала или в процессе совершения первого из них.

10. Следует разграничивать публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма и пропаганду терроризма не только по признакам, указанным в выносимом на защиту положении № 4, но и по содержанию распространяемой информации (материалов).

При публичном оправдании терроризма распространяются сообщения, убеждающие других лиц в том, что конкретные совершенные или совершаемые преступления

террористической направленности должны рассматриваться как допустимое поведение, то есть такое, которое при необходимости может или должно воспроизводиться, но, в отличие от призывов к осуществлению террористической деятельности, не содержащие прямого (явно выраженного) побуждения других лиц к осуществлению террористической деятельности.

В отличие от публичного оправдания терроризма, которое связывается с оправданием конкретных совершенных или совершаемых преступлений, пропаганда терроризма, когда она совершается публично, заключается в распространении информации и (или) материалов, которые по своему смыслу так же, как и оправдание терроризма, состоят в убеждении адресата в допустимости осуществления террористической деятельности, но вне связи с конкретными совершенными или совершаемыми преступлениями, в том числе лицами и группами (организациями), причастными к их совершению. Когда смыслом сообщения, распространенного непублично, вне зависимости от указанного выше содержания сообщения, является убеждение адресата в допустимости осуществления террористической деятельности, действия лица могут квалифицироваться как пропаганда терроризма. В этом случае необходимо также разрешать вопрос о разграничении пропаганды терроризма с составом вовлечения в террористическую деятельность (ч. 1 и 1¹ ст. 205¹ УК РФ).

В отличие от публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, которые содержат прямое (явно выраженное) побуждение других лиц к совершению соответствующих преступлений, при пропаганде терроризма, когда она совершается публично, коммуникативная направленность распространяемого сообщения состоит в формировании у адресата идеологии терроризма или убежденности в допустимости осуществления террористической деятельности.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Изложенные в диссертационном исследовании научные идеи, положения, выводы, в том числе с учетом их полемического характера, могут способствовать развитию научной дискуссии по проблемам криминализации деяний, связанных с пропагандой тех или иных идей, взглядов, представлений; развитию теории уголовного права по вопросам а) соотношения преступного подстрекательства, публичных призывов к совершению преступлений, оправдания и пропаганды преступной деятельности и запрещенных идеологий, б)

квалификации преступлений, связанных с распространением информации и (или) материалов, в том числе с использованием средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей; развитию междисциплинарных исследований на стыке права прав человека, конституционного и уголовного права по вопросам ограничения свободы выражения мнения уголовно-правовыми средствами, а также на стыке лингвистических и правовых исследований по вопросам квалификации преступлений, связанных с осуществлением речевых актов.

Отдельные положения и выводы, представленные в диссертации, могут быть использованы в правоприменительной и законотворческой деятельности не только в контексте применения или реформирования ст. 205² УК РФ, но и других уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступное распространение той или иной информации.

Изложенные в диссертационном исследовании положения и выводы могут быть использованы в процессе преподавания общих курсов уголовного права, а также специальных курсов, посвященных вопросам противодействия преступлениям террористической и экстремистской направленности, в образовательных организациях высшего профессионального образования.

Достоверность исследования обусловлена методологией исследования, применяемым при разрешении рассматриваемых проблем системным подходом, изучением опыта иностранных правовых порядков, теоретической и эмпирической базой исследования, состоящей из значительного массива научных работ отечественных и зарубежных специалистов, а также материалов уголовных дел.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные результаты научного исследования изложены автором в 6 научных статьях, опубликованных в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России (утв. Решением Ученого совета МГУ 20 марта 2023 г.).

Основные идеи и результаты исследования были озвучены в докладах и сообщениях автора на научных конференциях и круглых столах: Совместной Международной научно-практической конференции «Конституция Российской Федерации и современный правовой порядок» в рамках VIII Московской юридической недели (Москва, 2018); Круглом столе «Интернет на службе террористической пропаганды: международный и

зарубежный опыт противодействия» (Москва, 2020); Международной конференции «Concept of Enemy Criminal Law in Modern Law» (Лейден, Нидерланды, 2020); Кузнецовских чтениях «Конституция РФ и уголовный закон: проблемы взаимодействия» в рамках X Московской юридической недели (Москва, 2020). Отдельные положения и выводы диссертационного исследования докладывались автором и обсуждались участниками заседаний Клуба уголовного права «De lege lata» в рамках двух круглых столов: «Пределы действия нормы об ответственности за публичное подстрекательство к терроризму» (2021) и «Публичное оправдание и пропаганда терроризма: где заканчивается свобода выражения мнения?» (2021).

Результаты исследования использовались в учебном процессе при ведении семинарских занятий и чтении лекций в рамках общего курса уголовного права, курса «Актуальные проблемы Общей части уголовного права» в рамках магистратуры, а также докладывались и обсуждались на заседании кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, где получили одобрение.

Структура диссертации предопределена обозначенными выше целями и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка.

ГЛАВА 1. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ И НАЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПУБЛИЧНЫЕ ПРИЗЫВЫ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПУБЛИЧНОЕ ОПРАВДАНИЕ И ПРОПАГАНДУ ТЕРРОРИЗМА

§ 1.1. Уголовно-правовой запрет публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания и пропаганды терроризма в аспекте международно-правовых обязательств Российской Федерации

Статья 205² Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), предусматривающая уголовную ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма, была введена в действие Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»⁷. Таким образом, само название закона прямо указывало на его связь с ратификацией Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г. (далее также – Варшавская конвенция)⁸.

Отметим, что Россия, принявшая активное участие в разработке Варшавской конвенции, стала первым государством, ее ратифицировавшим⁹. Несмотря на выход из Совета Европы¹⁰ и последующее прекращение участия в ряде международных договоров¹¹, Российская Федерация и сегодня остается участником Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма, так как участие в последней не обуславливается вхождением государства в указанную международную организацию¹².

---

⁷ Федеральный закон от 27.07.2006 № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» // Российская газета. № 165 от 29.07.2006.

⁸ Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (CETS № 196) (Заключена в г. Варшаве 16.05.2005) // Собрание законодательства РФ. 18.05.2009. № 20. Ст. 2393.

⁹ Министерство иностранных дел РФ. В связи со вступлением в силу Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 года. Сообщение для СМИ // URL: <https://www.mid.ru/tv/?id=1727363&lang=ru>

¹⁰ Resolution CM/Res(2022)2 on the cessation of the membership of the Russian Federation to the Council of Europe (Adopted by the Committee of Ministers on 16 March 2022 at the 1428ter meeting of the Ministers' Deputies) // URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=0900001680a5da51

¹¹ Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202302280017>

¹² Вместе с тем в ноябре 2022 г. Консультация Сторон Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма и Дополнительного протокола к ней приняла решение об ограничении полномочий российских представителей в этом конвенционном органе. (См.: The Consultation of the Parties to the Council of Europe Convention

Варшавская конвенция стала первым международным договором, предусматривающим обязательство государств криминализировать публичное подстрекательство («*public provocation*») к совершению террористического преступления¹³. Под таким подстрекательством в ст. 5 Конвенции понимается «распространение или иное представление какого-либо обращения к общественности в целях побуждения к совершению террористического преступления, когда такое поведение, независимо от того, пропагандирует оно или нет непосредственно террористические преступления, создает опасность совершения одного или нескольких таких преступлений».

Авторы законопроекта, дополняющего Уголовный кодекс РФ статьей 205², связывали ее появление в национальном законодательстве также с необходимостью выполнения Российской Федерацией антитеррористических резолюций Совета Безопасности ООН¹⁴. Прежде всего имелась в виду Резолюция 1624 (2005)¹⁵, в которой содержался призыв к государствам запретить подстрекательство («*incitement*») к совершению террористических актов.

Отметим, что на этапе обсуждения законопроекта по внесению в Уголовный кодекс статьи 205² была предложена поправка, исключая указание в статье на публичное оправдание терроризма и раскрывающая понятие публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, созвучно ст. 5 Варшавской конвенции: «распространение или иное представление какого-либо обращения к общественности в целях побуждения к совершению преступлений, предусмотренных статьями 205, 205¹, 205², 206, 208, 211, 277-279 и 360 настоящего Кодекса, когда такое поведение, независимо от того, пропагандирует оно или нет непосредственно данное преступление, создает

---

on the Prevention of Terrorism (CETS No. 196) and its Additional Protocol (CETS No. 217). 7 th Meeting Strasbourg (France), 29 November 2022 // URL: <https://rm.coe.int/cop-2022-07-eng-list-of-decisions-fin/1680aa90f7>).

¹³ Выступление вице-председателя Комитета экспертов Совета Европы по борьбе с терроризмом (CODEXTER) А.В. Змеевского на политической конференции ОБСЕ по партнерству государств, гражданского общества и бизнеса в противодействии терроризму (Вена, 31 мая - 1 июня 2007 г.) // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1692342/

¹⁴ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» // URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/282601-4>

¹⁵ Резолюция 1624 (2005), принятая Советом Безопасности на его 5261-м заседании 14 сентября 2005 года // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/510/54/PDF/N0551054.pdf>

опасность совершения хотя бы одного из таких преступлений»¹⁶. Это предложение было отклонено во втором чтении законопроекта по рекомендации ответственного комитета (Комитета по безопасности). Комитет указал, что «исключение оправдания терроризма из статьи нецелесообразно», и сослался на Резолюцию 1624 (2005) Совета безопасности ООН, которая «требуется криминализовать именно **оправдание** терроризма»¹⁷.

Вместе с тем необходимо отметить, что Резолюция 1624 (2005) не содержит прямого требования криминализовать указанное деяние. О том, что Совет Безопасности ООН отвергает «попытки оправдания или прославления (апологии) террористических актов, которые могут побудить к совершению новых террористических актов», упоминается в преамбуле Резолюции. В постановляющей же ее части содержится призыв к государствам запретить **подстрекательство** (*incitement*) к совершению террористического акта или актов, определения которому не дается. В этой связи отмечается существование между формулировками преамбулы и постановляющей части Резолюции некоторого противоречия, которое фактически оставило за государствами право решать, насколько широкими будут определения соответствующих уголовно-правовых запретов в национальном законодательстве¹⁸. Требование «запретить подстрекательство к совершению террористического акта или актов» с учетом преамбулы Резолюции предполагает криминализацию не только прямого, но и косвенного подстрекательства¹⁹.

Отмеченная двусмысленность Резолюции была следствием компромисса, которого пытались достичь в рамках Совета Безопасности ООН. Речь шла о достижении на глобальном (то есть не только европейском) уровне консенсуса относительно границ уголовно-правового запрета с учетом гарантий реализации свободы выражения мнения. Необходимо было выработать такие формулировки, с которыми могли бы согласиться все государства-члены Совета Безопасности, и прежде всего Соединенные Штаты Америки, известные своим подходом к защите свободы слова, основанным на Первой поправке к Конституции США²⁰.

---

¹⁶ Таблица поправок к проекту федерального закона № 282601-4, рекомендованных Комитетом по безопасности к отклонению; поправка 48 // URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/282601-4>.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Cram I. *Terror and the War on Dissent: Freedom of Expression in the Age of Al-Qaeda*. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2009. P. 40-41.

¹⁹ Ibid. P. 41.

²⁰ Barak-Erez D., Scharia D. *Freedom of Speech, Support for Terrorism, and the Challenge of Global Constitutional Law* // *Harvard National Security Journal*. 2011. Vol. 2. P. 22.

В этой связи показательна позиция Генерального секретаря ООН, выраженная в докладе «Защита прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом». С одной стороны, он подчеркнул, что такие «расплывчатые термины неопределенного содержания, как «прославление» или «восхваление» терроризма, не должны использоваться при ограничении свободы выражения мнения. А с другой, – предложил понимать подстрекательство только как «прямой призыв к участию в терроризме с намерением поощрять терроризм и в таком контексте, в котором данный призыв имеет прямую причинно-следственную связь с увеличением фактической вероятности совершения террористического акта»²¹.

Важно также отметить, что в отличие от большинства других резолюций Совета Безопасности ООН, касающихся борьбы с терроризмом, Резолюция 1624 (2005) не основывалась на главе 7 Устава Организации Объединенных Наций, а потому не имела обязательного характера. Хотя, как замечают исследователи, содержащееся в Резолюции обращение к государствам сообщать Контртеррористическому комитету о принимаемых во исполнение Резолюции мерах делает неясной границу между обязательностью и необязательностью таких мер²².

Статья 5 Варшавской конвенции, в отличие от Резолюции, более определенно указывает на запрет как **прямого**, так и **косвенного** подстрекательства²³ к террористическим преступлениям. Необходимо подчеркнуть и то, что определение публичного подстрекательства к совершению террористического преступления в Варшавской конвенции так же являлось результатом определенного компромисса.

С одной стороны, в нем отсутствует прямое указание на публичные апологию, оправдание или восхваление терроризма. Отметим, что в одном из первых предложений Комитета экспертов Совета Европы по борьбе с терроризмом²⁴ (далее – Комитет

---

²¹ Защита прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом: Доклад Генерального секретаря, 28.08.2008, A/63/337 (п. 61) // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N08/493/05/pdf/N0849305.pdf>

²² Ronen Y. Incitement to Terrorist Acts and International Law // Leiden Journal of International Law. 2010. Vol. 23. P. 650.

²³ Отметим, что Варшавская конвенция и Резолюция 1624 (2005) оперируют разными терминами, хотя оба переведены на русский язык как «подстрекательство» (Варшавская конвенция оперирует понятием «*provocation*», Резолюция – «*incitement*»). Не исключаем, что термин «*provocation*» более точно может быть отражен буквальным переводом – «провокация».

²⁴ Комитет экспертов по борьбе с терроризмом (CODEXTER) — межправительственная инстанция, являющаяся основным координатором деятельности Совета Европы в сфере борьбы с терроризмом, в задачи которого вошла подготовка проекта Конвенции о предупреждении терроризма.

экспертов) публичное подстрекательство понималось как «доступное широкой общественности сообщение, побуждающее к совершению актов терроризма [или представляющее акты терроризма в качестве необходимых и оправданных]»²⁵.

С другой стороны, согласно сформулированному определению, криминализации подлежит не только прямое, но и косвенное подстрекательство: как следует из ст. 5 Варшавской конвенции, не важно, пропагандируются террористические преступления **непосредственно** («*directly*»), то есть **прямо**²⁶, или нет. Разногласия, которые существовали в Комитете экспертов относительно необходимости запрета косвенного подстрекательства, в итоге были разрешены в пользу его закрепления, и в первую очередь по той причине, что именно в нем видели ценность и значимость ст. 5 Варшавской конвенции ее разработчики²⁷.

В Пояснительном докладе к Варшавской конвенции указывается: «Прямое подстрекательство (*direct provocation*) не вызывает каких-либо особых проблем, поскольку оно уже является преступлением в той или иной форме в большинстве правовых систем. Признание преступлением косвенного подстрекательства преследует цель устранить существующие пробелы ... путем дополнения положений в этой области»²⁸. В связи с этим можно согласиться с тем, что основной целью ст. 5 Варшавской конвенции было положительное решение вопроса о криминализации именно этой особой формы подстрекательства²⁹.

Косвенное подстрекательство может охватывать широкий спектр высказываний, которые не содержат прямого побуждения к совершению террористических преступлений, но способны в контексте, в котором они произносятся, склонить отдельных лиц к их совершению или обычно имеют такие последствия³⁰. В качестве примеров косвенного подстрекательства в Пояснительном докладе к Варшавской

---

²⁵ Committee of Experts on Terrorism (CODEXTER) – Abridged report of the 3rd meeting (Strasbourg, 6-8 July 2004). Appendix II. Results of the meeting of the Working Party CODEXTER-APOLOGIE of 7 July 2004 // URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805dc839

²⁶ Варшавская конвенция использует слово «*directly*», что в официальном переводе значит как «непосредственно», но может быть также переведено как «прямо».

²⁷ Hunt A. The Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism // European Public Law. 2006. Vol. 12. Issue 4. P. 622.

²⁸ Explanatory Report to the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism, para. 97 // URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016800d3811>

²⁹ Loof J.-P. Restricting Free Speech in Times of Terror: An ECHR Perspective // Freedom of Speech under Attack / A. Ellian, G. Molier (Eds.). Hague, 2015. P. 211.

³⁰ Hunt A. The Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism // European Public Law. 2006. Vol. 12. № 4. P. 620-621.

конвенции приводятся следующие: представление террористического преступления в качестве необходимого и оправданного, восхваление исполнителя нападения, унижение его жертв, призывы к финансированию организаций, признанных террористическими³¹.

Таким образом, публичная апология терроризма, понимаемая как «выражение похвалы, поддержки или оправдание террористов и (или) террористических актов»³², по мнению разработчиков Конвенции, подлежит криминализации в тех случаях, когда с учетом обстоятельств она представляет собой публичное подстрекательство к совершению террористического преступления. Другими словами, уголовно-правовой запрет должен распространяться на такие случаи публичного оправдания или восхваления террористических преступлений или лиц, их совершивших, когда существует *намерение побудить* к совершению террористического преступления и *создается опасность* совершения такого преступления. Эти два условия должны были служить гарантиями против злоупотреблений со стороны государств при введении соответствующих норм в национальные законодательства и их применении, в том числе обеспечивая соблюдение международно-правовых гарантий свободы выражения мнения.

В российском же уголовном законе публичное оправдание терроризма было решено запретить в качестве самостоятельного преступного деяния, а не как один из видов косвенного подстрекательства к совершению преступлений террористической направленности. Такое законодательное решение, как представляется, может приводить к «изоляции» публичного оправдания терроризма от концепции подстрекательства, закрепленной в Варшавской конвенции.

Показательными в этом смысле являются правовые нормы, действующие в Испании и во Франции, которые изучались Комитетом экспертов по борьбе с терроризмом при разработке Варшавской конвенции³³. Уголовно-правовые запреты публичного оправдания и восхваления террористических преступлений (Испания) и публичной аполгии актов терроризма (Франция) представляли собой немногочисленные на тот

---

³¹ Explanatory Report to the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism, para. 95, 98.

³² Committee of Expert on Terrorism. Third Meeting. Strasbourg. 6-8 July 2004. Apologie du terrorisme and incitement to terrorism. Analytical Report // URL: https://www.researchgate.net/profile/Olivier-Ribbelink/publication/284176612_Apologie_du_terrorisme_and_Incitement_to_terrorism_A_report_for_the_Committee_of_Experts_on_Terrorism_CODEXTER_of_the_Council_of_Europe_2004/links/564df86708aeafc2aab12fc8/Apologie-du-terrorisme-and-Incitement-to-terrorism-A-report-for-the-Committee-of-Experts-on-Terrorism-CODEXTER-of-the-Council-of-Europe-2004.pdf

³³ Ibid.

момент примеры реализации в уголовном законодательстве конкретных стран концепции «*apologie du terrorisme*» (франц. «восхваление терроризма», «апология терроризма»).

Во французском Законе «О свободе прессы» 1881 г.³⁴ уголовная ответственность за публичные прямую провокацию и апологию актов терроризма предусматривалась с 1986 года³⁵. Отмечается, что в отличие от прямой провокации, публичная апология актов терроризма предполагает, что виновное лицо не призывает к совершению или повторению актов терроризма. Прямая провокация направлена в будущее, в то время как апология предполагает прославление, оправдание или иным образом выражение положительного взгляда на уже совершенные преступления и их исполнителей, представление их в благоприятном свете³⁶. При этом моральный (психологический) элемент публичной аполгии актов терроризма не включает намерение подстрекать к указанным актам, в отличие от Варшавской конвенции, которая в ст. 5 указывает на соответствующую цель.

Практика испанских судов долгое время также исходила из отсутствия необходимости доказывать наличие побуждения к совершению террористического преступления в случае публичного восхваления и оправдания террористических преступлений (ст. 578 Уголовного кодекса Испании³⁷), полагая, что указанные преступные действия не являются формой провокации³⁸. Ситуация начала меняться после решения Конституционного Суда Испании № 112/2016 от 20.06.2016 г., в котором было

---

³⁴ Loi du 29 juillet 1881 sur la liberté de la presse // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGITEXT000006070722>

³⁵ В 2014 году указанный состав был перенесен в Уголовный кодекс Франции с исключением при этом из основного состава признака публичности применительно к прямой провокации. (См.: Code pénal (Version au 01 janvier 2024), article 421-2-5 // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGISCTA000006149845>).

³⁶ Belavusau U., Boutin B., Grozdanova R., Noorloos M., Paulussen Ch. A Comparative Research Study on Radical and Extremist (Hate) Speakers in European Member States. Hague, 2019. P. 19.

³⁷ С 2000 года ст. 578 Уголовного кодекса Испании предусматривает ответственность за «совершаемые любыми средствами публичного выражения или распространения восхваление или оправдание преступлений, предусмотренных статьями 571–577 настоящего Кодекса, или лиц, участвовавших в их совершении, или же совершение действий, подразумевающих дискредитацию, оскорбление или унижение жертв террористических преступлений или их родственников». (Об истории нормы см.: Tenorio P. The Impact of Antiterrorist Legislation in the Freedom of Speech in Spain. P. 16 // URL: <https://www.rodriuezarribas.es/wp-content/uploads/2017/01/2.28.-The-impact-of-anti-terrorist-legislation-on-freedom-of-speech-in-spain.pdf>).

³⁸ Такая практика складывалась несмотря на положения ст. 18 УК Испании: «Признается апологией и подпадает под действие настоящего Кодекса представление идей или теорий, которые восхваляют преступление или превозносят его исполнителя, перед скоплением народа или через средства массовой информации. Апология считается преступной только как форма провокации, и если по своему характеру и обстоятельствам она содержит прямое побуждение к совершению преступления». Под провокацией понимается «прямое побуждение лица к совершению преступления посредством печати, радио или иных аналогичных по эффективности средств, обеспечивающих публичность, или перед скоплением народа». (См.: Report of Spain on the implementation of Security Council resolution 1624 (2005) on further measures to combat terrorism // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N07/309/63/pdf/N0730963.pdf>).

обращено внимание на необходимость учета как направленности умысла обвиняемого, так и существования опасности «для человека, прав третьих лиц или системы свобод как таковой»³⁹.

Возвращаясь к запрету публичного оправдания терроризма в российском уголовном законе, отметим в этой связи следующее. С одной стороны, законодательная дефиниция публичного оправдания терроризма («заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании» – примечание 1 к ст. 205² УК РФ) предполагает, что ею охватывается публичное распространение заявления, которое с учетом контекста (кто, в какой форме, в каких обстоятельствах делает заявление, кто является адресатом и т.д.) может быть воспринято как побуждающее к подражанию, то есть повторению преступлений террористической направленности. И в этом смысле оправдание терроризма вписывается в концепцию публичного подстрекательства, в данном случае косвенного.

С другой стороны, указанное законодательное определение (в том числе с учетом упоминания в нем идеологии терроризма) не исключает, что запрет публичного оправдания терроризма охватывает собой распространение заявлений, которые побуждают не столько к преступному поведению, сколько к принятию соответствующих идей и взглядов. Такое понимание, тем не менее, все еще может быть согласовано с концепцией косвенного подстрекательства, если считать, что в последнее включаются также сообщения, «которые влияют на убеждения или мнение аудитории относительно законности террористических актов и тем самым способствуют созданию социального климата, который может привести к актам насилия в будущем»⁴⁰. Вопрос, таким образом, в конечном счете состоит в том, насколько широко может пониматься подстрекательство, включает ли оно в себя создание общественной атмосферы, благодаря которой совершение террористических преступлений в какое-то неопределенное время в будущем становится более вероятным⁴¹.

---

³⁹ См. подробнее: Костылева О.В. Пределы уголовно-правового запрета публичной апологии терроризма: опыт конституционного контроля во Франции и в Испании // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2021. №5. С. 83-92.

⁴⁰ Gur-Arye M. Can Freedom of Expression Survive Social Trauma: The Israeli Experience // Duke Journal of Comparative and International Law. 2003. Vol. 13. P. 192.

⁴¹ Hunt A. The Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism // European Public Law. 2006. Vol. 12. Issue 4. P. 621.

Кроме того, нельзя исключать, что определение оправдания терроризма в российском уголовном законе допускает, что уголовной ответственности подлежат также лица, которые распространяют заявления, представляющие собой выражение мнения и не содержащие при этом даже косвенного подстрекательства, в том числе в более широком его понимании, выявленном выше. В этом случае заявление выражает особые взгляды заявителя, его желание привлечь к себе внимание или шокировать окружающих, и при этом ни объективно, ни субъективно не направлено на формирование или изменение взглядов других лиц. При допустимости такого толкования наиболее ярко демонстрируется разрыв между публичным оправданием терроризма и публичным подстрекательством к совершению террористических преступлений, как оно понимается в Варшавской конвенции.

Заметим, что, на взгляд некоторых российских специалистов, криминализация публичного оправдания терроризма, понимаемого лишь как выражение определенной точки зрения, вызывает сомнения по причине отсутствия общественной опасности подобных действий⁴². В этой связи обращалось внимание на то, что ст. 5 Варшавской конвенции требует криминализировать распространение сообщений, которые **пропагандируют**, прямо или косвенно, совершение террористических преступлений, и предлагалось в ст. 205² УК РФ предусмотреть запрет не оправдания, а пропаганды терроризма⁴³. Вместе с тем подчеркнем, что в ст. 5 Варшавской конвенции слово, производное от термина «пропаганда», употребляется для обозначения содержания распространяемых сообщений⁴⁴, запрету же подлежит публичное подстрекательство к совершению террористического преступления, которое, помимо, указанного содержания, характеризуется целью побудить к совершению такого преступления и созданием опасности его совершения.

---

⁴² Борисов С.В. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Российский следователь. 2007. № 19 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴³ Борисов С.В. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Российский следователь. 2007. № 19; Шевченко И.В. Уголовная ответственность за террористическую деятельность. М., 2011. С. 100, 104.

⁴⁴ На это обращает внимание и З.А. Шибзухов (См.: Шибзухов З.А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 53).

Уголовная ответственность за пропаганду терроризма была введена российским законодателем в 2017 г.⁴⁵, но с одновременным сохранением состава публичного оправдания терроризма. Под пропагандой терроризма в соответствии с примечанием 1¹ к ст. 205² УК РФ понимается «деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности».

Запрет пропаганды терроризма, если она направлена на формирование взглядов *неопределенного* числа лиц, может быть согласован при определенных условиях с концепцией публичного подстрекательства, если понимать его в указанном выше, более широком смысле. Вместе с тем, определение пропаганды терроризма в российском уголовном законодательстве предполагает, что пропагандистское сообщение может быть обращено и к *конкретным (определенным)* лицам или даже одному лицу. Очевидно, что такой запрет уже не вписывается в предписания ст. 5 Варшавской конвенции, которые не ставили задачу охватить запретом частные сообщения.

Отметим, что законопроект, предусматривавший криминализацию пропаганды терроризма, первоначально касался лишь состава вербовки или иного вовлечения в террористическую деятельность (ст. 205¹ УК РФ): предлагалось ужесточить наказание за указанный вид преступных деяний. В пояснительной записке указывалось: «главной целью вербовщиков, как в личном общении, так и посредством интернет-пропаганды, является глубокая психологическая обработка, вовлечение все большего числа сторонников в незаконные вооруженные формирования»⁴⁶.

На этапе второго чтения указанного законопроекта депутатами А.Л. Шхагошевым и А.С. Грибовым было предложено дополнить ст. 205² УК РФ указанием на пропаганду терроризма. В интервью одному из средств массовой информации А.Л. Шхагошев, поясняя предложенную поправку, привел в качестве «классического примера»

---

⁴⁵ Федеральный закон от 29.12.2017 № 445-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования мер противодействия терроризму» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201712290061>

⁴⁶ Пояснительная записка к законопроекту № 230595-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования мер противодействия терроризму» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/230595-7>

воздействия пропаганды историю студентки Варвары Карауловой⁴⁷, осужденной за попытку присоединиться к террористической организации, которую она предприняла в том числе в результате личной онлайн-переписки с вербовщиком.

На пленарном заседании Государственной Думы другой автор законопроекта А.С. Грибов при пояснении необходимости уголовно-правового запрета пропаганды терроризма расставлял акценты несколько иначе: речь в его выступлении, скорее, шла о предотвращении идеологической обработки не при личном общении, а в результате публичного распространения информации, которая способна сформировать у неопределенного круга лиц соответствующую идеологию⁴⁸.

Пропаганда терроризма, обращенная к отдельным лицам, схожа с публичными пропагандистскими сообщениями в том, что эти две формы пропаганды (публичная и непубличная) являются составляющими элементами процесса радикализации – «процесса, в результате которого человек принимает террористическое насилие как допустимый или даже правильный образ действий»⁴⁹.

Таким образом, запрет публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания и пропаганды терроризма призван выступать мерой раннего предупреждения. Как и основные положения Варшавской конвенции (ст. 5 «Публичное подстрекательство к совершению террористического преступления», ст. 6 «Вербовка террористов», ст. 7 «Подготовка террористов»), уголовно-правовой запрет, предусмотренный ст. 205² УК РФ, направлен на предотвращение поведения, которое способствует, облегчает, делает возможным совершение преступлений террористической направленности. Другими словами, речь идет об уголовно-правовых нормах с двойной превенцией⁵⁰. А.Г. Безверхов отмечает, что в таких преступлениях момент их окончания

---

⁴⁷ Семь лет за пропаганду терроризма. В Госдуме подготовили поправку в антитеррористическое законодательство // URL: <https://iz.ru/660798/marina-iurshina/sem-let-za-propagandu-terrorizma>

⁴⁸ Стенограмма пленарного заседания Государственной Думы РФ от 14.12.2017 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/230595-7>

⁴⁹ Предупреждение терроризма и борьба с насильственным экстремизмом и радикализацией, ведущими к терроризму. Подход, основанный на взаимодействии полиции с населением. Руководство Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. Вена, 2014. С. 41 // URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/3/e/116413.pdf>

⁵⁰ Ображиев К.В., Шуйский А.С. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией: понятие, сущность и виды // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 12. С. 116-122; Чуклина Э.Ю. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией: понятие, механизм превентивного воздействия и виды // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 5 (150). С. 107-122.

«перемещен законодателем в комплекс криминогенных детерминант» (!), «которые с известной долей вероятности обуславливают совершение преступного посягательства»⁵¹.

Изложенное выше позволяет сделать следующие выводы.

Несмотря на то, что российский законодатель вышел за пределы криминализации публичного подстрекательства к совершению террористического преступления, которые предполагались ст. 5 Варшавской конвенции⁵² и постановляющей частью Резолюции Совета Безопасности ООН 1624 (2005), нужно также признать, что возможность такого «выхода» не в последнюю очередь была предопределена компромиссным характером этих документов. Основной их целью было положительное решение вопроса о криминализации в рамках национальных правовых систем косвенного подстрекательства, то есть распространения обращений, которые, хотя и не содержат прямого побуждения к совершению террористических преступлений, но способны в контексте, в котором они произносятся, склонить отдельных лиц к их совершению (например, в которых оправдывается или восхваляется совершение террористических преступлений).

Широкие уголовно-правовые запреты публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания и пропаганды терроризма могут быть оправданы с позиции раннего предупреждения и предотвращения процесса радикализации, в результате которого отдельные лица принимают террористическое насилие как допустимый и правильный образ действий. Однако они порождают риски необоснованного смещения границы исключительности уголовного права (*ultima ratio*) и несоразмерного ограничения прав и свобод человека⁵³.

Разработчики Варшавской конвенции постарались избежать включения избыточных уголовно-правовых запретов в национальное законодательство, предусмотрев в определении публичного подстрекательства к совершению террористического

---

⁵¹ Безверхов А.Г. О проблеме конструирования составов преступлений по моменту окончания // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2012. № 1 (11). С. 76.

⁵² На это обращают внимание и другие авторы: Князькина А.К. Международный договор как основание криминализации деяний // Lex Russica. 2007. № 2. С. 79; Ковлагина Д.А. Актуальные проблемы квалификации и применения ст. 205² УК РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Том. 13. № 5. С. 154; Чуклина Э.Ю. Проблемы законодательной конструкции и применения нормы, предусмотренной ст. 205² Уголовного кодекса Российской Федерации // Фундаментальные исследования, инновационные технологии и передовые разработки в интересах долгосрочного развития Юга России. Материалы Международного научного форума, посвященного 20-летию ЮНЦ РАН. Ростов-на-Дону, 2023. С. 398.

⁵³ Duffy H., Pitcher K. Inciting Terrorism? Crimes of Expression and the Limits of the Law // Working Paper Series. № 2018/076-HRL. Leiden, 2018. P. 4 // URL: <https://ssrn.com/abstract=3156210>

преступления два признака – намерение подстрекать к такому преступлению и создание опасности его совершения. Указанные признаки в составе преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, отсутствуют, что расширяет границы соответствующего уголовно-правового запрета, по сравнению с теми, которые были предусмотрены международно-правовыми обязательствами, выступавшими одним из оснований криминализации рассматриваемых деяний.

Несмотря на то, что предложенный в ст. 5 Варшавской конвенции подход к конструированию уголовно-правового запрета не был воспринят российским законодателем, разумный баланс между необходимостью защиты общественной безопасности и соблюдением конституционных прав и свобод лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, может и должен обеспечиваться на уровне правоприменительной практики.

В связи с этим более подробного рассмотрения требуют следующие вопросы: каким конкретно общественным отношениям причиняется вред (создается угроза причинения вреда) в результате совершения рассматриваемых деяний, в чем состоит этот вред и каков механизм его причинения? Кроме того, поскольку совершение действий, запрещенных ст. 205² УК РФ, может рассматриваться как распространение не разделяемых большинством и шокирующих общество идей или взглядов, в том числе с целью их навязывания другим лицам, предварительно необходимо разрешить проблему допустимости подобных запретов с учетом гарантий реализации свободы выражения мнения. Если распространения того или иного сообщения, каким бы неприятным, шокирующим или раздражающим оно ни было, находится в пределах указанной свободы, оно не может быть объявлено преступлением. Рассмотрению указанных вопросов будут посвящены следующие параграфы настоящей главы.

§ 1.2. Уголовно-правовой запрет публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания и пропаганды терроризма в свете свободы выражения мнения

Противоречия, которые могут возникнуть между свободой выражения мнения и необходимостью предотвращения терроризма, стали предметом дискуссии уже на первых

этапах подготовки Варшавской конвенции, при обсуждении концепций косвенного подстрекательства и публичной апологии терроризма⁵⁴.

О необходимости соблюдения гарантий свободы выражения мнения при имплементации положения ст. 5 Варшавской конвенции в национальные законодательства напоминает ст. 12 Конвенции. Она в частности устанавливает, что криминализация публичного подстрекательства к совершению террористического преступления и последующее применение этого уголовно-правового запрета должны осуществляться при соблюдении права на свободу выражения мнения, закрепленного, «когда это применимо для данной Стороны, в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Международном пакте о гражданских и политических правах», а также «отвечать принципу своей соразмерности преследуемым законным целям и необходимости в демократическом обществе».

Как известно, Российская Федерация является участницей Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.⁵⁵, а также Факультативного протокола к нему⁵⁶, согласно которому государство признает компетенцию Комитета по правам человека ООН «принимать и рассматривать сообщения от подлежащих его юрисдикции лиц, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения данным государством-участником какого-либо из прав, изложенных в Пакте»⁵⁷. Отмечается также, что при реализации положений Пакта государствами не могут не учитываться принимаемые Комитетом замечания общего порядка, в которых отражены наиболее значимые и повторяемые его позиции, основанные на практике рассмотрения индивидуальных

---

⁵⁴ Committee of Expert on Terrorism. 3rd Meeting. Strasbourg. 6-8 July 2004. Apologie du terrorisme and incitement to terrorism. Analytical Report. P. 5.

⁵⁵ Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // // Ведомости Верховного Совета СССР. 28.04.1976. № 17, ст. 291.

⁵⁶ Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpro1.shtml

⁵⁷ Несмотря на то, что значение сообщений Комитета по правам человека, принимаемых по итогам рассмотрения индивидуальных жалоб, в указанных международных договорах не определено, это не освобождает Российскую Федерацию «от добросовестного и ответственного выполнения сообщений Комитета в рамках добровольно принятых на себя международно-правовых обязательств» (См.: Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 № 1248-О «По жалобе гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 статьи 403, частью четвертой статьи 413 и частями первой и пятой статьи 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»).

сообщений и оценке периодических докладов государств о соблюдении ими обязательств по Пакту⁵⁸.

В аспекте обсуждаемой проблемы необходимо отметить, что прецедентное право Европейского Суда по правам человека, касающееся свободы выражения мнения, по сравнению с весьма ограниченной практикой Комитета по правам человека, – это «гораздо бóльшая сокровищница для поиска нужного аргумента в том или ином деле»⁵⁹. Кроме того, правовые позиции Европейского Суда, безусловно, отражают и складывающиеся в национальных правовых порядках тенденции в вопросах ограничения свободы выражения мнения в связи с угрозой международного терроризма. Учитывая отмеченное, представляется вполне очевидным, что рассмотрение стоящих перед настоящим исследованием вопросов было бы неполным без обращения к практике Европейского Суда, несмотря на утрату для России юридической значимости решений указанного суда.

Свобода выражения мнения, как неоднократно отмечалось и Комитетом по правам человека ООН, и Европейским Судом по правам человека, имеет ключевое значение для любого общества, является одной из основ демократической системы, условием общественного прогресса и развития каждого человека⁶⁰. При этом важно подчеркнуть, что вопрос защиты этой свободы важен прежде всего для идей и мнений, которые не разделяются большинством. Ведь в противоположных случаях она не так часто подвергается риску государственного вмешательства⁶¹. По этой причине оба указанных межгосударственных органа по защите прав человека исходят из того, что свобода выражения мнения распространяется не только на высказывания, которые считаются

---

⁵⁸ Зимненко Б.Л. О значении для судов Российской Федерации практики международных договорных органов ООН // *Правосудие/Justice*. 2023. Т. 5. № 1. С. 83-84.

⁵⁹ Buysse A. Tacit citing: The Scarcity of Judicial Dialogue between the Global and the Regional Human Rights Mechanisms in Freedom of Expression Cases // *The United Nations and Freedom of Expression and Information: Critical Perspectives* / Edited by T. McGonagle and Y. Donders. Cambridge, 2013. P. 454.

⁶⁰ Комитет по правам человека. Замечания общего порядка № 34. Статья 19: Свобода мнений и их выражения (принято Комитетом по правам человека на его 102-й сессии 11-29 июля 2011 г.), п. 2 // URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2FC%2FGC%2F34&Lang=ru; Council of Europe: European Court of Human Rights, Guide on Article 10 of the European Convention on Human Rights - Freedom of Expression, 31 August 2020, § 8-9 // URL: https://www.echr.coe.int/documents/guide_art_10_eng.pdf

⁶¹ Macovei M. Freedom of expression. A guide to the implementation of Article 10 of the European Convention on Human Rights. Human rights handbooks, No. 2. Strasbourg, 2004. P. 15 // URL: <https://www.refworld.org/docid/49f17f3a2.html>

«безвредными или нейтральными», но также на «шокирующие», «причиняющие беспокойство»⁶² и «глубоко оскорбительные»⁶³.

Перед настоящим диссертационным исследованием не стоит задача обоснования значения свободы слова для отдельных лиц и общества в целом, но этот вопрос требует хотя бы краткого освещения, поскольку без него затруднительно решать проблему возможных противоречий между необходимостью обеспечения свободы выражения мнения и требованиями защиты других правоохраняемых благ, в частности общественной безопасности. Кроме того, как отмечается в конституционно-правовой науке, установление интересов, которым служат те или иные конституционные права и свободы, является определяющим для понимания их природы⁶⁴.

Одной из укоренившихся в дискурсе свободы слова является концепция **«рынка идей»** (*«marketplace of ideas»*), согласно которой значение этой свободы усматривается в **поиске и установлении истины**. Полагают, что никто не владеет монополией на истину, и что достижение последней скорее произойдет в условиях **конкуренции** идей, взглядов, мнений⁶⁵. Согласно британскому философу Дж. Ст. Миллю, на учении которого построена эта теория, истина выявляется, когда идеями обмениваются, когда они обсуждаются и развиваются с течением времени. Всякое столкновение истины с заблуждением позволяет более ясно осмыслить истину и убедиться в ней⁶⁶.

Американская юриспруденция исходит из того, что запрет пропагандистских высказываний, поддерживающих нарушение закона, в том числе выступающих за применение насилия, допустим лишь в том случае, когда порождаемая такими высказываниями опасность, выражаясь словами судьи Л.Д. Брандиса, столь неизбежна (неотвратима), что вред может произойти раньше, чем появится возможность для полноценного обсуждения. Если же «есть время разоблачить ложь и заблуждения,

---

⁶² European Court of Human Rights, Case «Dmitriyevskiy v. Russia» (application no. 42168/06), Judgment, 3 October 2017, para. 90 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-177214>; European Court of Human Rights, Case «Stomakhin v. Russia» (application no. 52273/07), Judgment, 9 May 2018, para. 88 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-182731>; European Court of Human Rights, Case «Savva Terentyev v. Russia» (Application no. 10692/09), Judgment, 28 August 2018, para. 60 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-185307>

⁶³ Комитет по правам человека. Замечания общего порядка № 34, п. 34.

⁶⁴ Кульнев А. Свобода выражения мнения: обзор основных теорий // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 2 (129). С. 92.

⁶⁵ Napolitano A.P. Protecting Hatred Preserves Freedom: Why Offensive Expressions Command Constitutional Protection // Journal of Law and Policy. 2016. Vol. 25. Issue 1. P. 172.

⁶⁶ Милль Дж. Ст. О свободе. «Public Domain», 1859. С. 15 // URL: <https://www.litres.ru/book/dzhon-stuart-mill/o-svobode-8521374/>

предотвратить вред процессами образования, то средство, которое должно применяться – это другая речь, а не принуждение к молчанию»⁶⁷.

Во многом на этой идее основывается подход, отраженный в знаковом решении Верховного Суда США по делу «Бранденбург против Огайо» (1969), в котором была установлена одна из категорий высказываний, не защищенных Первой поправкой к Конституции США (*unprotected speech*), – подстрекательство (*incitement*). Согласно указанному прецеденту («бранденбургский стандарт»), «абстрактная пропаганда насилия или нарушения закона» может быть ограничена лишь в случае, если она «направлена на подстрекательство или осуществление неизбежных (*imminent*) незаконных действий и при этом существует вероятность, что это спровоцирует или вызовет такие действия»⁶⁸. Отметим, что признак неизбежности не считается до конца проясненным понятием, хотя в деле «Хесс против Индианы» (1973) Верховный Суд США придал ему относительную определенность, постановив, что является ненаказуемой «пропаганда незаконных действий в каком-то неопределенном будущем»⁶⁹. Для того чтобы незаконные действия считались «неизбежными», говорящий должен обратиться к конкретным лицам, которые намерены и могут действовать без дальнейшего обсуждения. Неизбежность – это вопрос времени: пропаганда должна быть направлена на осуществление немедленных действий, то есть действий, которые вот-вот должны произойти⁷⁰.

В первую очередь именно требование неизбежности препятствует на сегодняшний день широкому уголовному преследованию в США разного рода террористических высказываний: «даже призывы к осуществлению террористического насилия на странице в Интернете, по всей вероятности, не обладают достаточным потенциалом, чтобы вызвать совершение неизбежных противоправных деяний»⁷¹. Так, Аль-Хусайен, обвиненный в оказании материальной поддержки терроризму за публикацию в Интернете различных материалов (статей, лекций, видеозаписей), оправдывающих и прославляющих

⁶⁷ Whitney v. California, 274 U.S. 357 (1927). Mr. Justice Brandeis, concurring // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/274/357/>

⁶⁸ Brandenburg v. Ohio, 395 U.S. 444 (1969) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/395/444/#tab-opinion-1948083>

⁶⁹ Hess v. Indiana, 414 U.S. 105 (1973) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/414/105/>

⁷⁰ Fraleigh D.M., Tuman J.S. Freedom of Speech in the Marketplace of Ideas. Boston, N.Y., 1997. P. 115; Tedford T.L. Freedom of Speech in the United States. Second Edition (1993). P. 72.

⁷¹ Response of the United States of America to the Counter-Terrorism Committee: United States implementation of Security Council resolution 1624 (2005) // URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n06/395/24/pdf/n0639524.pdf?token=g0H3XUYCIUCAT3Klcy&fe=true>

насильственный джихад, с целью вдохновить зрителей на участие в нем и его финансовую поддержку, был признан присяжными невиновным, поскольку те посчитали, что обвинение не отвечало требованию неизбежности со ссылкой на отсутствие «твердых доказательств»⁷².

При подготовке Варшавской конвенции в одном из первых вариантов определения публичного подстрекательства к совершению террористического преступления признак опасности совершения такого преступления предварялся прилагательным «*imminent*»⁷³ («неизбежная», «неотвратимая»). Отказ от него в окончательной редакции ст. 5 Варшавской конвенции вероятно был связан с возможностью именно такого строгого понимания указанного термина, как он воспринят в североамериканской судебной практике. В Пояснительном докладе к Варшавской конвенции рекомендовалось при решении вопроса о том, создана ли опасность совершения террористического преступления, учитывать прецедентную практику Европейского Суда по правам человека⁷⁴.

В связи с этим отметим, что в практике Европейского Суда по правам человека иногда применяется тест «явной (*clear*) и неизбежной (*imminent*) опасности». Так, в деле «Кылыч и Эрен (*Kılıç and Eren*) против Турции» Суд отметил, что ни в решениях национальных судов, ни в замечаниях властей нет никаких указаний на то, что существовала явная и неизбежная опасность, которая требовала вмешательства, и признал нарушение ст. 10 («Свобода выражения мнения») Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод⁷⁵.

При этом с уверенностью нельзя утверждать, что Европейский Суд по правам человека имеет в виду тот же высокий стандарт «неизбежности», который подразумевается американской судебной практикой. В постановлении по делу «Савва

---

⁷² См. подробнее: Montgomery C. Can Brandenburg v. Ohio Survive the Internet and the Age of Terrorism? The Secret Weakening of a Venerable Doctrine // Ohio State Law Journal. 2009. Vol. 70. P. 166-168; Hoffman D. Online Terrorism Advocacy: How AEDPA and Inchoate Crime Statutes Can Simultaneously Protect America's Safety and Free Speech // National Security Journal. 2014. Vol. 2. P. 229-230.

⁷³ «...an imminent danger or likelihood of one or more terrorist acts being committed». See: Ministers' Deputies, 911 Meeting, 12 January 2004 // URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805db4e3

⁷⁴ Explanatory Report to the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism, para. 100.

⁷⁵ European Court of Human Rights, Case «Kılıç and Eren v. Turkey», Judgment, 29 November 2011, para. 28, 29 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-107591/>. См. также: Case «Gul and Others v. Turkey», Judgment, 08 September 2010 // URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/view.asp?item=3&portal=hbk&action=html&highlight=Gul&sessionid=82552861&skin=hudoc-en>

Терентьев против Российской Федерации» Суд фактически приравнял потенциальную возможность спровоцировать насилие к явной и неизбежной опасности⁷⁶. Поэтому можно предложить, что для обоснования вмешательства Европейскому Суду достаточно продемонстрировать риски вредного воздействия, которое может оказать то или иное высказывание, причем эти риски не связаны с опасностью *немедленной* их реализации.

Впрочем, особенности современной террористической пропаганды вызвали дискуссию о применимости к ней теории рынка идей и среди американских юристов. Так, К.Р. Санстейн полагает, что в условиях масштабной пропагандистской деятельности террористических организаций, ведущейся прежде всего в социальных сетях, правительство должно реагировать на реальную угрозу общественной безопасности, даже если эта опасность не является неизбежной (неотвратимой). Он замечает, что «другая речь», о которой писал судья Л.Д. Брандис, вряд ли эффективна в таких ситуациях, а, значит, возникает угроза гибели десятков, сотен и даже тысяч граждан⁷⁷. «Другая речь» вряд ли может разубедить того, кто, будучи предрасположенным к принятию радикальных взглядов, не склонен верить альтернативным источникам или вообще консультироваться, – полагает А. Чен⁷⁸. К тому же, как отмечает известный американский юрист Ф. Шауэр, люди далеко не всегда выбирают свои убеждения, руководствуясь критерием их истинности, часто выбор основан на других факторах, например, на харизме и положении того, кто высказывает идеи, или на их поддержке большинством граждан⁷⁹.

В связи с этим нельзя не отметить разрешенное Верховным Судом США дело «Холдер против Проекта гуманитарного права» (2010)⁸⁰, которое открыло дорогу к более активному противодействию террористической пропаганде в США, предоставив возможность в этих целях применять §2339В раздела 18 Свода законов США⁸¹. После

---

⁷⁶ European Court of Human Rights, Case «Savva Terentyev v. Russia» (Application no. 10692/09), Judgment, 28 August 2018, para. 84 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-185307>

⁷⁷ Sunstein C.R. Islamic State's Challenge to Free Speech. Does "clear and present danger" fit the age of terror and social media? // URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2015-11-23/islamic-state-s-challenge-to-free-speech>

⁷⁸ Chen A. Free Speech and the Confluence of National Security and Internet Exceptionalism // Fordham Law Review. 2017. Vol. 86. Issue 2.P. 394-395.

⁷⁹ Цит. по: Кульнев А. Указ. соч. С. 95.

⁸⁰ Holder v. Humanitarian Law Project 561 U.S. 1 (2010) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/561/1/> С подробным критическим анализом указанного судебного решения можно ознакомиться в работе: Cole D. The First Amendment's Borders: The Place of Holder v. Humanitarian Law Project in First Amendment Doctrine // Harvard Law & Policy Review. 2012. Vol. 6. P. 147-177.

⁸¹ Указанным параграфом предусматривается ответственность за совершенные осознанно (*knowingly*) оказание, попытку оказать или сговор с целью оказать материальную поддержку или предоставить ресурсы иностранной террористической организации. (См.: 18 U.S.C. §2339B // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/2339B>).

разрешения указанного дела стало возможным наказывать до сих пор защищенную «бранденбургским стандартом» абстрактную пропаганду террористической деятельности, если она (пропаганда) осуществляется *под руководством или в координации* с иностранными (не внутригосударственными!) группами, которые признаны террористическими организациями в соответствии с существующей правовой процедурой⁸². Как объясняет А. Цесис, речь, произнесенная в пользу идеологии иностранной террористической группы, все еще защищена Конституцией США, но работа с этой группой – нет⁸³.

Так, в деле «Соединенные Штаты Америки против Джубайра Ахмада (*Jubair Ahmad*)» был признан виновным в материальной поддержке терроризма обвиняемый, изготовивший и разместивший в Сети по просьбе сына основателя террористической организации «Лашкаре-Тайба» видеоролик в поддержку этой организации⁸⁴.

Еще два обоснования свободы выражения мнения, которые часто упоминаются совместно, основываются на автономии и самореализации личности. Согласно этим теориям, значение свободы выражения мнения состоит в **обеспечении автономии, саморазвития и самореализации личности**: без этой свободы невозможен обмен мнениями, который в свою очередь является важнейшим средством формирования и развития собственных взглядов. Если государство будет решать за человека, какие высказывания уместны, а какие нет, то это подорвет автономию личности и будет мешать процессу ее развития⁸⁵.

Свобода коммуникации – это свобода лица на беспрепятственный доступ к тем аргументам и информации, которые необходимы ему для принятия решения о том, что и как именно ему следует делать. Любая попытка правительства помешать коммуникации, необходимой для принятия решения, была бы равносильна неуважению к автономии получателя информации. Как отмечает Р. Дворкин, цензура не должна быть основана на том, что без нее граждане начнут разделять вредные убеждения, потому что это несовместимо с уважением к людям, к которым нужно относиться как ответственным

---

⁸² Holder v. Humanitarian Law Project 561 U.S. 1 (2010).

⁸³ Tsesis A. Terrorist Speech on Social Media // Vanderbilt Law Review. 2017. Vol. 70 (2). P. 701.

⁸⁴ Pakistani Man Arrested on U.S. Terrorism Charges // URL: <https://www.reuters.com/article/us-pakistan-usa-arrest-idUSTRE7815M920110902>; Morrison S.R. The System of Modern Criminal Conspiracy // Catholic University Law Review. 2014. Vol. 63. Issue 2. P. 400 // URL: <http://scholarship.law.edu/lawreview/vol63/iss2/7>

⁸⁵ Fraleigh D.M., Tuman J.S. Op. cit. P. 8.

моральным агентам⁸⁶. Таким образом подчеркивается, что потенциальные вредные последствия всегда отделены от передачи сообщения действиями независимого, автономного получателя информации, что и создает для высказывающихся иммунитет от ответственности.

С этой точки зрения интересно, как американская правовая доктрина обосновывает ответственность за подстрекательство (*solicitation*) – один из видов неоконченной преступной деятельности. Суть подстрекательства как самостоятельного преступного деяния в уголовном праве США состоит в склонении другого лица совершить преступление. Подстрекательство считается оконченным с момента совершения попытки склонения, вне зависимости от результата. Другими словами, в правовой системе США подстрекательство (*solicitation*) всегда является неудавшимся. Согласие склоняемого совершить преступление или совершение им преступления дает основания говорить уже о сговоре (ином самостоятельном виде преступного деяния) или соучастии в преступлении. *Mens rea* подстрекательства требует лишь намерения подстрекателя добиться совершения намеченного преступления⁸⁷. При этом важно подчеркнуть, что подстрекательство не обязательно направлено на индивидуально определенное лицо или группу лиц. В этом смысле оно может носить и публичный характер⁸⁸. Для простоты и более точного отражения смысла подстрекательства – *solicitation* – далее будем называть его неудавшимся подстрекательством, в том числе в целях различения его на терминологическом уровне с подстрекательством – *incitement*, о котором идет речь в «бранденбургском стандарте».

В уголовном праве США неудавшееся подстрекательство традиционно рассматривается в рамках такой категории незащищенной Первой поправкой речи, как речь, являющаяся неотъемлемой частью преступного поведения (*speech integral to criminal conduct*)⁸⁹. Несмотря на то, что американские суды пока так и не пришли к

---

⁸⁶ Цит. по: Кульнев А. Указ. соч. С. 100.

⁸⁷ Есаков Г.А. Учение о преступлении в странах семьи общего права: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2007. С. 376-379.

⁸⁸ Там же. С. 378.

⁸⁹ Volokh E. The Speech Integral to Criminal Conduct Exception // Cornell Law Review. 2016. Vol. 101. P. 981-1052. Отметим, что после рассмотрения Верховным Судом США дела «Соединенные Штаты против Уильямса» (2008) отдельные специалисты готовы называть подстрекательство (*solicitation*) самостоятельной категорией незащищенной речи.

однозначному определению признаков неудавшегося подстрекательства⁹⁰, весьма красноречиво идею о них передавал Т. Эмерсон, полагавший, что подстрекательство должно наказываться, когда «коммуникация так близка, так пряма, эффективна и непосредственна в своем влиянии, что она является частью действия»⁹¹. Названный автор поясняет: «Чем более общей является коммуникация, чем больше она касается общих вопросов, адресуется ряду лиц, побуждает к общим действиям, тем легче ее квалифицировать как ненаказуемое выражение мнения. Коммуникация же ... направленная на определенного человека и побуждающая к конкретным действиям, приближается к действию»⁹².

Верховный Суд США в деле «Соединенные Штаты против Уильямса» (2008) подчеркнул, что существует «важное различие между предложением заниматься незаконной деятельностью и абстрактной пропагандой незаконных действий»⁹³, но, как отмечается, не воспользовался возможностью подробнее разъяснить, где должна быть проведена эта разграничительная черта⁹⁴. Тем не менее Суд все же приводит пример, демонстрирующий разницу между неудавшимся подстрекательством и абстрактной пропагандой, которая защищается «бранденбургским стандартом». Последняя имеет место по мнению Верховного Суда США в таких высказываниях: «Я считаю, что детская порнография должна быть законной» или «Я призываю вас получить детскую порнографию». Неудавшееся подстрекательство предполагает «предложение конкретного предмета предполагаемой детской порнографии с намерением инициировать его передачу». Иными словами, Суд различает «абстрактную» пропаганду и «конкретное» неудавшееся подстрекательство.

Вместе с тем, как отмечает Е. Волох, насколько конкретным должен быть призыв, чтобы высказывание составляло наказуемое неудавшееся подстрекательство, а не широко защищенную абстрактную пропаганду, суды США еще твердо не определились⁹⁵. Сам он

---

⁹⁰ Некоторое обобщение подходов судов США к этому вопросу представлено в работе: First Amendment — Freedom of Speech — Criminal Solicitation — United States v. Sineneng-Smith // Harvard Law Review. 2020. Vol. 134, Issue 1. P. 480-489.

⁹¹ Emerson T. The System of Freedom of Speech. New York, 1970. P. 404.

⁹² Ibid. P. 405.

⁹³ United States v. Williams, 553 U.S. 285 (2008) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/553/285/>

⁹⁴ Hoffman D. Op. cit. P. 246.

⁹⁵ Volokh E. Is it a crime to encourage an audience to physically attack hecklers? Washingtonpost. March 14, 2016 // URL: <https://www.washingtonpost.com/news/volokh-conspiracy/wp/2016/03/14/is-it-a-crime-to-encourage-an-audience-to-physically-attack-hecklers>

полагает, что о конкретности может свидетельствовать указание на определенного потерпевшего или потерпевших, орудие, способ совершения преступления⁹⁶. Тем не менее Е. Волох признает, что могут существовать пограничные случаи, в которых непросто решить вопрос, достаточно ли конкретно ли то или иное высказывание, чтобы быть наказуемым в качестве неудавшегося подстрекательства⁹⁷.

Судебная практика североамериканских судов свидетельствует о том, что для уголовного преследования за террористическую пропаганду, содержащую признаки неудавшегося подстрекательства, используется прежде всего § 373 раздела 18 свода законов США⁹⁸. Согласно этому законодательному положению, преступлением является осуществление деятельности, направленной на то, чтобы «склонить, уговорить или иным образом попытаться убедить другое лицо или приказывать ему» применить или прибегнуть к угрозе применения физической силы в отношении имущества или личности другого в нарушение законодательства Соединенных Штатов. Данный запрет делает высказывания наказуемыми, когда обвиняемый имеет намерение, чтобы другое лицо совершило преступное деяние, и когда имеются внешние обстоятельства, «определенно подтверждающие такое намерение»⁹⁹.

По одному из уголовных дел Т. Макнил, 24-летний американец, был приговорен к 20 годам лишения свободы (тюремного заключения). Он признал вину по 10 пунктам обвинения, среди которых были обвинения в неудавшемся подстрекательстве согласно § 373 раздела 18 свода законов США. Эти обвинения основывались на размещении Макнилом нескольких сообщений в двух социальных сетях. Сообщения представляли собой файлы с фотографиями более сотни американских военнослужащих, с указанием их имен и домашних адресов. Файлы начинались словами, содержащими призывы к убийству «кафиров» («неверных»), провозглашалось, что это является «необходимостью», частью «всемирного джихада»¹⁰⁰.

---

⁹⁶ Volokh E. Brief Amicus Curiae of Professor Eugene Volokh in Support of Neither Party, 9 Dec. 2019. P. 4-5 // URL: https://www.supremecourt.gov/DocketPDF/19/19-67/124856/20191209115753057_19-67acVolokh.pdf

⁹⁷ Ibid. P. 7.

⁹⁸ 18 U.S. Code § 373 // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/373>

⁹⁹ Hoffman D. Op. cit. P. 242.

¹⁰⁰ The U.S. District Court for the Northern District of Ohio. Second Superseding Indictment. Case № 5:15CR00046; Sentencing Press Release of Department of Justice № 17-864, August 2, 2017 // URL: <https://www.investigativeproject.org/case/812/us-v-mcneil>

Показательно, что после вынесения приговора специальный агент ФБР, отвечавший за это дело, подчеркнул: «ФБР и дальше решительно будет защищать права Первой поправки, но в данном деле Макнил вышел за пределы свободы слова, опубликовав адреса сотни американских служащих, имея намерение, чтобы они были убиты»¹⁰¹. Действительно до этих публикаций Макнил не скрывал свои убеждения и приверженность насильственному джихаду, помещая на свои страницы в социальных сетях многочисленные заявления, оправдывающие терроризм. В итоговом обвинении они подтверждали серьезность преступных намерений обвиняемого, склонявшего других лиц к убийствам американских военнослужащих.

Ф. Шауэр полагает, что попытки выявить принципиальные для права отличия между речью (или шире – самовыражением) и действием в большинстве своем терпят неудачу. На его взгляд, теория свободы слова, основанная на автономии личности, во многом исходит из неустановленного и, скорее, ложного вывода о безвредности речи. Можно предположить, что речь причиняет вредные последствия с меньшей эффективностью, чем действия, но и это, как полагает Ф. Шауэр, почти невозможно доказать¹⁰². Вопрос в конечном итоге должен заключаться не в наказуемости безвредного выражения мнения, а в проведении границы между речевым поведением, которое в причинном отношении к вредному результату является инертным, и тем, которое в этом же отношении действенно. При этом, как подчеркивает Ф. Шауэр, то же самое можно сказать и в отношении любого неречевого поведения¹⁰³.

М. Редиш отмечает, что смысл свободы слова был бы сильно урезан, если бы люди были вынуждены прибегать к самоцензуре из опасения, что их безвредные комментарии могут быть истолкованы как незаконная пропаганда¹⁰⁴, и именно это представляет опасность для свободы слова (т.н. охлаждающий эффект¹⁰⁵). Но занимая более умеренную позицию, он полагает, что обмен идеями, информацией и предложениями должен быть

---

¹⁰¹ Department of Justice. Office of Public Affairs. For Immediate Release. Wednesday, August 2, 2017. Ohio Man Sentenced to 20 Years in Prison for Soliciting Murder of U.S. Military Members // <https://www.justice.gov/opa/pr/ohio-man-sentenced-20-years-prison-soliciting-murder-us-military-members>

¹⁰² Schauer F. On the Distinction between Speech and Action // Emory Law Journal. 2015. Vol. 65. P. 451.

¹⁰³ Ibid. P. 452.

¹⁰⁴ Redish M.H. Advocacy of Unlawful conduct and the First Amendment: in Defense of Clear and Present Danger // California Law Review. 1982. Vol. 70. P. 1165.

¹⁰⁵ «Охлаждающий эффект» («*chilling effect*») – явление, когда отдельные лица или группы воздерживаются от выражения мнения из-за страха нарушить правовые нормы, чаще всего, в ситуации, когда последние являются слишком расплывчатыми и неопределенными.

свободным и открытым до тех пор, пока правительство не может продемонстрировать существование реальной угрозы причинения вреда¹⁰⁶. Ограниченная ценность террористической пропаганды для получения информации или самовыражения перевешивается общественным интересом к сохранению безопасности и порядка¹⁰⁷.

Наиболее влиятельной в правовых системах Европы¹⁰⁸ является теория, обосновывающая значение свободы выражения мнения **развитием демократии**. В этом случае ценность указанной свободы усматривается в том, что она гарантирует человеку возможность участвовать в управлении, выражая свое мнение по острым вопросам, имеющим политический и общественный интерес. Свобода слова является жизненно необходимым условием для демократического правления и предотвращения тирании большинства¹⁰⁹. Общество, желающее участвовать в принятии решений, должно иметь возможность слышать разные мнения и идеи¹¹⁰.

Такое особое внимание к свободе публичного обсуждения политических и общественно значимых вопросов постоянно отражается в практике Европейского Суда по правам человека. В его решениях подчеркивается, что высказывания по политическим вопросам и вопросам, имеющим общественный интерес, в том числе критика правительства, могут быть по своей природе противоречивыми, резкими (*virulent*)¹¹¹, им может быть свойственна некоторая неумеренность¹¹², но они заслуживают более надежной защиты во имя фундаментальных принципов демократического общества. Комитет по правам человека ООН также отмечает особое значение, которое придается в Международном пакте о гражданских и политических правах беспрепятственному выражению мнений во время политических дискуссий, проводимых в демократическом обществе с участием государственных и политических деятелей, а также обмену информацией и мнениями по государственным и политическим вопросам между гражданами, кандидатами и избранными представителями народа¹¹³.

---

¹⁰⁶ Redish M.H. Op. cit. P. 1164-1165.

¹⁰⁷ Tsesis A. Op. cit. P. 701.

¹⁰⁸ Кульнев А. Указ. соч. С. 96.

¹⁰⁹ Napolitano A.P. Op. cit. P. 170

¹¹⁰ Fraleigh D.M., Tuman J.S. Op. cit. P. 6-7.

¹¹¹ Постановление Европейского суда по правам человека от 15.10.2015 «Перинчек (Perincek) против Швейцарии» (жалоба № 27510/08), п. 231 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹² European Court of Human Rights, Case «Otegi Mondragon v. Spain» (Application no. 2034/07), Judgment. 15 March 2011, para. 54 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-103951>

¹¹³ Замечания общего порядка №34, п. 20, 34.

Т. Мендель отмечает, что ни Европейский Суд по правам человека, ни Комитет по правам человека не дают понять, считают ли они высказывания, содержащие язык ненависти, политическими. Он полагает, что ответ на этот вопрос должен быть утвердительным, поскольку такие высказывания так или иначе выражают мнение о социальной организации общества. Иногда они могут носить и более откровенный политический характер, когда используются в качестве призыва к сплочению непосредственно на политической арене¹¹⁴.

Поскольку европейский подход далек от американской установки «правды нет, есть лишь конкуренция идей», демократия в этой теории приобретает черты «воинствующей», или демократии, способной себя защитить. В этой парадигме, несмотря на то, что человек не может быть обвинен по причине того, что он придерживается того или иного мнения, все же существуют высказывания, которые не совместимы с демократией¹¹⁵. Поэтому даже политические или имеющие общественный интерес сообщения не должны переходить черту, после которой они превращаются в подстрекательство к насилию, ненависти или нетерпимости.

Для Европейского Суда по правам человека, который за последние несколько десятилетий выработал «полноценную доктрину оценки вмешательства в свободу выражения мнения, когда последняя представляет потенциальную угрозу для национальной безопасности»¹¹⁶, решающим критерием необходимости вмешательства в свободу выражения мнения является ответ на вопрос, подстрекает ли речь к насилию или ненависти. При этом несмотря на то, что Суд проводит различие между «подстрекательством к ненависти» и «подстрекательством к насилию» (второе понятие является более узким), очевидных последствий для него это отличие не имеет¹¹⁷. С одной стороны, это можно связать с тем, что ненависть нередко является частью целого, которое

---

¹¹⁴ Mendel T. Does International Law Provide for Consistent Rules on Hate Speech? // The content and context of hate speech: rethinking regulation and responses / [edited by] Michael Herz, Peter Molnar. Cambridge University Press, 2012. P. 422.

¹¹⁵ Tulkens F. When to say is to do Freedom of expression and hate speech in the case-law of the European Court of Human Rights // European Court of Human Rights – European Judicial Training Network Seminar on Human Rights for European Judicial Trainers. Strasbourg, 3 September 2013 // URL: http://www.ejtn.eu/Documents/About%20EJTN/Independent%20Seminars/ECtHR%20for%20EU%20Judicial%20Trainers/ECHR_and_Hate_Speech_2013_Tulkens.pdf

¹¹⁶ Sottiaux S. Terrorism and the Limitation of Rights. The ECHR and the US Constitution. Oxford-Portland (Oregon), 2008. P. 88.

¹¹⁷ Oetheimer M. Protecting Freedom of Expression: The Challenge of Hate Speech in the European Court of Human Rights Case Law // Cardozo Journal of International and Comparative Law. 2009. Vol. 17. P. 435.

содержит призывы к насилию или вражде¹¹⁸. С другой, – с тем, что речь, подстрекающая к ненависти, способствует насилию в долгосрочной перспективе¹¹⁹.

Важно отметить, что целый ряд относящихся к теме настоящего исследования постановлений Европейского Суда снабжен особыми мнениями судей. Это является следствием чрезвычайной сложности оценки влияния того или иного высказывания на общественную безопасность. Так в деле «Зана (Zana) против Турции», которое во многом определило последующую практику Суда, Большая Палата не сочла нарушением ст. 10 Европейской конвенции осуждение заявителя (бывшего мэра города на юго-востоке Турции) за оправдание преступных деяний, но решение было далеко не единогласным: двенадцать голосов против восьми¹²⁰.

Кроме того, есть основания полагать, что за последние несколько лет Европейский Суд по правам человека существенно изменил (дополнил) свой подход, определив еще одной самостоятельной категорией высказываний, оправдывающих вмешательство в свободу выражения мнения, те, в которых содержится оправдание насилия, ненависти или нетерпимости. На это новшество обратил внимание судья Европейского Суда П. Леменс, который в совпадающем мнении по делу «Эркизия Альмандос (*Erkizia Almandoz*) против Испании» отметил, что несмотря на то, что основным вопросом всегда считалось установление «подстрекательства к насилию или ненависти», большинство в деле *Альмандос* указали также на «оправдание, восхваление насилия, ненависти или нетерпимости»¹²¹.

---

¹¹⁸ Tulkens F. Op. cit. Para. 21.

¹¹⁹ Buysse A. Dangerous expressions: the ECHR, violence and free speech // *The International and Comparative Law Quarterly*. 2014. Vol. 63. № 2. P. 493.

¹²⁰ В основе обвинения лежало данное заявителем интервью, опубликованное в одной из крупнейших ежедневных газет страны, в котором он произнес: «Я поддерживаю национально-освободительное движение – Курдскую рабочую партию; но с другой стороны, я против резни. Любой может ошибаться, и КРП убивает женщин и детей по ошибке». (См.: European Court of Human Rights, Case «Zana v. Turkey» (Application №18954/91), Judgment, 25 November 1997 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/tpk197/view.asp?i=001-58115>).

Ярким примером сложностей, с которыми сталкиваются суды при установлении смысла высказываний и определения их влияния на состояние общественной безопасности, можно также назвать дело Эркизия Альмандоса, в котором Конституционный Суд Испании и Европейский Суд по правам человека пришли к разным мнениям; при этом и к решению национального суда, и к постановлению Европейского Суда были приложены особые мнения судей указанных судов. (См. подробно: Костылева О.В. Пределы уголовно-правового запрета публичной апологии терроризма: опыт конституционного контроля во Франции и в Испании // *Вестник Московского университета*. Серия 11: Право. 2021. №5. С. 86-89).

¹²¹ Вместе с тем отметим, что П. Леменс полагал, что имела место лишь терминологическая неточность в изложении позиции Суда, создающая неверное впечатление, что «оправдание насилия, ненависти или нетерпимости» является самостоятельным видом высказываний, которые оправдывают вмешательство в свободу выражения мнения. (См.: Cour européenne des droits de l'homme, Affaire «Erkizia Almandoz c. Spain», 22 juin 2021. Opinion Concordante du Jude Lemmens, para. 9 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-210492>).

Подтверждается это и рассмотренным позднее делом «Z.V. против Франции», в котором заявитель полагал, что его осуждение за публичную апологию преступления, связанного с умышленным посягательством на жизнь, нарушило его право на свободное выражение мнения. Заявитель подарил на день рождения (11 сентября) своему трехлетнему племяннику по имени Джихад футболку с надписями: «Я бомба» (на груди) и «Джихад, родившийся 11 сентября» (на спине), в которой он был отправлен в детский сад в сентябре 2012 г.¹²². Футболка была прикрыта свитером, но в процессе переодевания ребенка работники детского сада обнаружили эти надписи, о чем сообщили властям¹²³.

Европейский Суд, разрешая жалобу заявителя, сосредоточил свое внимание в большей степени на установлении того, имело ли место оправдание насилия или ненависти, а не подстрекательство к ним. Суд согласился с выводами национального суда о том, что ссылки заявителя на дату рождения ребенка и многозначность слова «бомба» (в разговорном французском языке может означать «привлекательный человек», «красавчик») в действительности служили отговоркой для того, чтобы посредством преднамеренного сочетания терминов, относящихся к массовому насилию, представить в позитивном свете преднамеренное убийство.

Оценивая необходимость вмешательства, Европейский Суд учел важность общего контекста: деяние, совершенное заявителем, имело место спустя всего несколько месяцев после ряда террористических нападений, в результате которых погибли три ребенка в другой школе, то есть в условиях существующей террористической угрозы. Суд согласился с доводами национальных властей, что акт, совершенный заявителем, вызвал эмоции и напряженность, а также создавал опасность для социального согласия. Это в частности объяснялось местом, где были преданы гласности надписи – не просто общественное место, а школьный комплекс, где находились дети¹²⁴.

Несмотря на отмеченное, вряд ли такая реакция отдельных представителей общественности (спорные надписи увидели лишь два человека) равносильна «способности высказывания спровоцировать насилие», с которой Европейский Суд

---

¹²² На момент совершения рассматриваемого преступного деяния уголовная ответственность за него была предусмотрена Законом Франции «О свободе прессы» 1881 г. (ст. 23, 24). В 2014 г. норма об уголовной ответственности за публичную апологию актов терроризма была перенесена в УК Франции (ст. 421-2-5).

¹²³ Conviction of man for giving his three-year-old nephew a T-shirt, worn at nursery school, with the slogans «I am a bomb» and «Jihad, born on 11 September»: no violation of Article 10 of the Convention. Press Releases issued by the Registrar of the Court. ECHR 258 (2021). 02.09.2021 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=003-7106070-9621500>

¹²⁴ Ibid.

обычно связывает доказывание наличия подстрекательства в случаях, когда оно не следует из буквального значения спорного текста. Это подтверждает готовность Европейского Суда признавать достаточным для вмешательства в свободу выражения мнения наличие в высказываниях оправдания насилия, ненависти или нетерпимости¹²⁵. Такой подход оказывается менее требовательным, чем предложен разработчиками Варшавской конвенции, в которой одним из признаков публичного подстрекательства к совершению террористического преступления названо создание опасности совершения такого преступления.

В связи с этим нельзя не указать и на еще одно расхождение практики Европейского Суда по правам человека с требованиями ст. 5 Варшавской конвенции. Оно в частности проявилось в двух рассмотренных им делах – «Леруа (*Leroy*) против Франции» и «Гюрбюз и Баяр (*Gürbüz u Bayar*) против Турции». В обоих случаях в постановлениях Европейского Суда содержались отсылки к ст. 5 Варшавской конвенции, но указанная в ней цель побуждения общественности к совершению террористического преступления Судом фактически была проигнорирована¹²⁶.

Во втором из названных дел особое мнение было выражено судьей Д. Павли, который подчеркнул, что без намерения побудить к совершению террористического преступления подстрекательство превратится в преступление, которое допускает объективное вменение¹²⁷. Как отмечают Р. О'Фатай и Д. Ворхоф, оспариваемый подход Суда подрывает сформулированный им же в деле Джерсилд (*Jersild*) принцип, согласно

---

¹²⁵ Косвенно подтверждается это и двумя решениями Европейского Суда, которыми были признаны неприемлемыми жалобы двух испанских реперов. Европейский Суд в обоих делах подчеркнул, что основания, на которых были основаны приговоры заявителей, а именно борьба с публичным одобрением или оправданием терроризма, являлись релевантными и достаточными, чтобы оправдать рассматриваемое вмешательство, и в этом смысле отвечали насущной общественной необходимости. Этот вывод Европейский Суд, впрочем, сделал, согласившись с национальными властями также в том, что лежащие в основе обвинений высказывания содержали недвусмысленные призывы к насилию. (См.: European Court of Human Rights, Decision, Case «Saúl Jorge Lopez against Spain» (application no. 54140/21), 20 September 2022 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-220219>; European Court of Human Rights, Case «Pablo Rivadulla Duró against Spain» (application no. 27925/21), Decision, 12 October 2023 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-229004>).

¹²⁶ Информация о постановлении ЕСПЧ от 02.10.2008 по делу «Леруа (*Leroy*) против Франции» (жалоба № 36109/03) // СПС «Консультант Плюс»; Legal Summaries. *Gürbüz and Bayar v. Turkey*, Judgment 23 July 2019 // URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=002-12572:_Affaire «Gürbüz et Bayar c. Turquie», 23 juillet 2019, §44](https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=002-12572:_Affaire%20«Gürbüz%20et%20Bayar%20c.%20Turquie») // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-194948>

¹²⁷ Cour européenne des droits de l'homme, *Affaire «Gürbüz et Bayar c. Turquie», 23 juillet 2019, Opinion Dissidente du Jude Pavli* // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-194948>

которому намерение лица имеет значения для установления необходимости вмешательства в свободу выражения мнения¹²⁸.

Представленные в настоящем параграфе подходы к пределам ограничения свободы выражения мнения при введении уголовно-правовых запретов распространения «террористических высказываний» свидетельствуют о следующем. Ответ на вопрос, какова должна быть близость и степень опасности осуществления террористической деятельности в результате распространения таких высказываний, чтобы последние могли быть запрещены без нарушения свободы выражения мнения, зависит как от правовых традиций (сильной или менее благоприятной защиты свободы выражения мнения), так и от того контекста, в том числе уровня террористической угрозы, в котором приходится существовать тому или иному государству. Причем именно второе обстоятельство оказывает серьезное влияние на ослабление привычных для того или иного государства стандартов защиты свободы выражения мнения.

Транснациональный характер, который приобрела террористическая угроза, в серьезной степени «затрудняет установление того, в какой момент ситуация в области безопасности в той или иной стране достигает такого уровня, когда можно утверждать, что ограничительные меры в отношении определенного выражения могут быть оправданы»¹²⁹. Проблема заключается в том, что вряд ли кто-то может доподлинно знать, какие высказывания и в каком контексте могут приводить к насилию или создавать такую опасность. В таких условиях законодателям легче обосновывать введение широких уголовно-правовых запретов оправдания или пропаганды терроризма, апеллируя к цели снижения рисков¹³⁰ осуществления террористической деятельности отдельными лицами или преступными группами и ссылаясь на порождение указанными деяниями некой социальной атмосферы, которая создает питательную почву для совершения преступлений террористической направленности.

---

¹²⁸ Ó Fathaigh R., Voorhoof D. ECtHR engages in dangerous «triple pirouette» to find criminal prosecution for media coverage of PKK statements did not violate Article 10 // URL: <https://strasbourgobservers.com/2019/10/14/ecthr-engages-in-dangerous-triple-pirouette-to-find-criminal-prosecution-for-media-coverage-of-pkk-statements-did-not-violate-article-10>

¹²⁹ Loof J.-P. Op. cit. P. 202.

¹³⁰ В данном контексте уместным представляется замечание М.М. Бабаева и Ю.Е. Пудовочкина: «риск – это возможная опасность», характеризующаяся «необязательностью последствий», что отличает риск от реальных опасностей и угроз. (См.: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Феномен риска в контексте криминологической профилактики (криминальная рискология) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. № 1. С. 139-140).

В свою очередь Европейский Суд по правам человека нередко осуществляет «мягкий надзор» за выполнением национальными государствами обязательств по защите свободы выражения мнения, когда последнее связано с терроризмом. Он в большей степени, чем в других случаях, опирается на мнение национальных властей, которые в связи «с прямыми и постоянными контактами с жизненно важными структурами своей страны» «находятся в более выгодной позиции, нежели международный судья», для оценки необходимости ограничения и санкций, направленных на достижение законных целей (доктрина свободы усмотрения государств)¹³¹. Так, в деле «Z.B. против Франции» Европейский Суд не в последнюю очередь исходил именно из того, что национальные суды лучше понимают и оценивают социальные проблемы в определенном обществе, они ближе к контексту, в котором имели место рассматриваемые факты, и это ставит их в привилегированное положение при оценке необходимости применения уголовных наказаний¹³².

В этой связи интерес представляет и риторика Верховного Суда США в упомянутом выше деле «Холдер против Проекта гуманитарного права». Суд обратил внимание на то, что «когда дело доходит до сбора доказательств и фактических выводов» в области «чувствительных и весомых интересов национальной безопасности», со стороны судов отмечается недостаток компетенции, а потому в этих случаях уместно опираться на выводы Правительства. По мнению Верховного Суда США, законодательная и исполнительная власти «имеют уникальную возможность проводить принципиальные различия между действиями, которые способствуют террористическому поведению ... и теми, которые этого не делают»¹³³.

Тем не менее, как справедливо замечают исследователи, ни один орган законодательной или исполнительной власти не наделен полномочиями объявлять какие-либо конкретные послание, лозунг или философию априори опасными. Такой предусмотренный ст. 5 Варшавской конвенции элемент публичного подстрекательства, как создание опасности совершения террористического преступления, предполагает, что

---

¹³¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 07.12.1976 по делу «Handyside против Соединенного Королевства» (жалоба № 5493/72), п. 48 // СПС «КонсультантПлюс»; Cour européenne des droits de l'homme, Affaire «Z.B. c. France» (requête no 46883/15), Arrêt, 2 septembre 2021, paragraphe 63 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-211600>

¹³² Cour européenne des droits de l'homme, Affaire «Z.B. c. France» (requête no 46883/15), Arrêt, 2 septembre 2021, paragraphe 64.

¹³³ Holder v. Humanitarian Law Project 561 U.S. 1 (2010).

он должен быть установлен в конкретном фактическом контексте независимым судебным органом в предусмотренном законом порядке¹³⁴.

§ 1.3. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание и пропаганда терроризма как преступные посягательства на общественную безопасность

Согласно распространенной в российской уголовно-правовой доктрине позиции, непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие основы общественной безопасности¹³⁵. Под такими основами обычно понимается «совокупность базовых условий безопасности общества»¹³⁶ или «состояние защищенности личности, общества, государства от внутренних и внешних угроз»¹³⁷.

С.В. Максимов и А.В. Павлинов относят определение безопасности как состояния защищенности от угроз различного характера к общепринятому¹³⁸. Такое понимание отражено в ряде федеральных законов, в частности «О пожарной безопасности»¹³⁹, «О транспортной безопасности»¹⁴⁰, «О безопасности критической информационной инфраструктуры в Российской Федерации»¹⁴¹. В Концепции общественной безопасности в Российской Федерации общественная безопасность определяется как «состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных

¹³⁴ Laborde J.-P., DeFeo M. Problems and Prospects of Implementing UN Action against Terrorism // Journal of International Criminal Justice. 2006. Vol. 4. Issue 5. P. 1097.

¹³⁵ Борисов С.В. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Российский следователь. 2007. № 19; Преступления террористической направленности: научно-практический комментарий к нормам УК РФ / под ред. П.В. Агапова. М., 2019. С. 37 (автор комментария к ст. 205² УК РФ – А.А. Кунашев); Шевченко И.В. Уголовная ответственность за террористическую деятельность. М., 2011. С. 95.

¹³⁶ Шевченко И.В. Уголовная ответственность за террористическую деятельность. М., 2011. С. 46.

¹³⁷ Преступления террористической направленности: научно-практический комментарий к нормам УК РФ / под ред. П.В. Агапова. М., 2019. С. 37.

¹³⁸ Максимов С.В., Павлинов А.В. Проект Модельного закона СНГ «Об общественной безопасности»: недостатки и предложения по доработке // Международное публичное и частное право. 2023. № 1. С. 13.

¹³⁹ Федеральный закон от 21.12.1994 № 69-ФЗ (ред. от 19.10.2023) «О пожарной безопасности», ст. 1 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033559>

¹⁴⁰ Федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О транспортной безопасности», п. 10) ст. 1 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102111823>

¹⁴¹ Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры в Российской Федерации» 26.07.2017 № 187-ФЗ (в ред. Федерального закона от 10.07.2023 № 312-ФЗ), п. 2) ст. 2 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102439340>

конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»¹⁴².

На первый взгляд, общественная безопасность объявляется непосредственным объектом рассматриваемого преступления в связи с тем, что целью соответствующего уголовно-правового запрета является предупреждение совершения преступлений террористической направленности¹⁴³. Видимо поэтому публичные призывы к осуществлению преступлений экстремистской направленности (ст. 280 УК РФ) признаются преступлением против основ конституционного строя и безопасности государства, а публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 354 УК РФ) – преступлением против мира и безопасности человечества. Такой подход оказывается основанным на двойном превентивном эффекте таких норм: «одно преступление, предусмотренное нормой с двойной превенцией (объект первичного превентивного воздействия), выступает в качестве условия, способствующего совершению другого преступного деяния (объект вторичного превентивного воздействия)»¹⁴⁴.

Нужно отметить, что новыми подобные суждения не являются. Так, Н.С. Тимашев, характеризуя состав публичного возбуждения к учинению тяжкого преступления, бунтовщического, изменнического деяния или ниспровержению существующего в государстве общественного строя (ст. 129 Уголовного уложения 1903 г.), отмечал, что он лишен самостоятельного, «специального объекта», поскольку им является объект того преступления, к которому призывает виновный¹⁴⁵.

Иное мнение высказывал С.В. Познышев, полагавший, что указанный выше состав, как и состав публичного восхваления преступных деяний (ст. 133 Уголовного уложения), направлены «против покойного течения правовой жизни общества, т.е. такого состояния общества, при котором граждане, в массе своей, подчиняются праву и относятся с

---

¹⁴² Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴³ Так, З.А. Шибзухов пишет: «Преступление, предусмотренное ст. 205² УК РФ, создает условия для террористической деятельности, способствует совершению преступлений террористического характера, а, значит, ставит под угрозу состояние защищенности неопределенного круга лиц, социальных институтов и общества в целом, тем самым посягая на общественную безопасность». (См.: Шибзухов З.А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 82).

¹⁴⁴ Ображиев К.В. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2010. № 3. С. 170-171.

¹⁴⁵ Тимашев Н.С. Преступное возбуждение масс по действующему русскому праву (статьи 129-132 угол. улож.). Петроград, 1915. С. 61-62.

достаточным уважением к его велениям», что в свою очередь вызывает у них «в большей или меньшей степени чувство безопасности»¹⁴⁶. Таким образом, указанные уголовно-правовые запреты охраняли объективное состояние господства права в обществе и субъективное чувство безопасности.

Такой взгляд созвучен и современным теоретическим представлениям о характере вреда, который причиняется рассматриваемыми деяниями. Так, российскими учеными отмечается, что публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма подрывают правопорядок и гражданский мир¹⁴⁷, существенно дестабилизируют социально-политическую обстановку в стране, нарушают общественное спокойствие, вызывают неуверенность граждан в возможности государства обеспечить безопасные условия их жизни¹⁴⁸.

Отмеченное позволяет утверждать, что непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, не должен связываться исключительно с теми охраняемыми законом интересами, которым угрожает конечная цель этого преступного посягательства.

О внутригосударственном общественном спокойствии как защищаемом подобными запретами благо пишут израильские юристы М. Кремницер и Х. Ганаим, ссылаясь на представителей немецкой уголовно-правовой науки¹⁴⁹. Под общественным спокойствием понимается состояние обеспеченности социально-правового порядка, с одной стороны, и общественное доверие к способности государства его поддерживать, а также чувство общественной и личной безопасности, – с другой¹⁵⁰.

Отметим, что несмотря на то, что согласно господствующему в немецкой уголовно-правовой науке мнению защищаемым благом в рассматриваемых случаях действительно является общественное спокойствие, немецкие специалисты отмечают отсутствие окончательной ясности в вопросе, «что на самом деле подразумевается под этим довольно

---

¹⁴⁶ Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов старого и нового Уложений. М., 1912. С. 359-360.

¹⁴⁷ Лобач Д.В. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: проблемные аспекты регламентации в фокусе критического анализа // Черные дыры в Российском законодательстве. 2017. № 5. С. 71.

¹⁴⁸ Агапов П. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: анализ законодательной новации // Уголовное право. 2007. № 1. С. 4.

¹⁴⁹ Kremnitzer M., Ghanayim Kh. Incitement, Not Sedition. Jerusalem, 2002. P. 26-27, 41.

¹⁵⁰ Ibid.

расплывчатым понятием»¹⁵¹. В связи с этим высказываются опасения относительно возможности надежного обоснования уголовно-правовых запретов понятием «общественное спокойствие». Полагают, что заявления о том, что это благо было подорвано теми или иными действиями, часто являются либо просто предположениями, либо отражением субъективных представлений судей о том, насколько предосудительным является то или иное поведение¹⁵².

Те же затруднения сопутствуют применению французской концепции публичного порядка (*ordre public*), защита которого выступает целью уголовно-правового запрета публичной апологии актов терроризма (ст. 421-2-5 Уголовного кодекса Франции)¹⁵³. Понятие публичного порядка имеет множество разных значений во французском праве, в том числе с учетом тех его отраслей¹⁵⁴, в которых используется, оставаясь крайне противоречивым и неопределенным¹⁵⁵. Французские специалисты, анализируя принимаемые последние годы исключительные антитеррористические меры, делают вывод о том, что они оказываются направленными в первую очередь на защиту психической безопасности (*sécurité psychique*) как нематериального компонента понятия публичного порядка¹⁵⁶.

Возвращаясь к российскому уголовному праву, согласимся с тем, что общественная безопасность представляет собой «не только определенный уровень защищенности интересов общества» (внешний аспект), но и «соответствующие субъективные ощущения членов общества, основанные на их оценке степени защищенности своего настоящего и будущего положения» (внутренний аспект)¹⁵⁷. При этом, как замечает Е.А. Дрожжина,

---

¹⁵¹ Eser A. The law of Incitement and the Use of Speech to Incite Others to Commit Criminal Acts: German Law in Comparative Perspective // Freedom of speech and incitement against democracy / Aditors: D. Kretzmer, F.K. Hazan. Hague, 2000. P. 140.

¹⁵² Hörnle T. Legal Regulation of Offence // Incivilities: Regulating Offensive Behavior / Edited by A. von Hirsch and A. Simester. Oxford and Portland, Oregon, 2006. P. 135-136.

¹⁵³ Constitutional Council of France. Decision 2018-706 QPC of 18 May 2018 (English version), para. 19-20 // URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/en/decision/2018/2018706QPC.htm>

¹⁵⁴ Впервые понятие «публичный порядок» было введено в оборот во французском законодательстве в Гражданском кодексе Франции 1804 г. (Касьянов Р.А. Понятие публичного порядка в правовых системах государств (на примере России и Франции) // Цивилист. 2013. № 4. С. 23).

¹⁵⁵ В частности, даже самое конкретизированное из определений не лишено той же неопределенности, которая характерна для немецкого «общественного спокойствия». Так, под публичным порядком понимается «социальное состояние, существующее в определенной стране на определенный момент, в котором мир, спокойствие и публичная безопасность непоколебимы» (См.: Касьянов Р.А. Указ. соч. С. 28).

¹⁵⁶ Такое замечание делает Ж. Эйдан. Цит. по: Pasquet L. The French State of Emergency: From Crime Repression to the Protection of Public Order // Austrian Review of International and European Law. 2017. Vol. 22(1). P. 97.

¹⁵⁷ Дрожжина Е.А. Общественная безопасность как объект преступления: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 121.

термин «общественное спокойствие» в большей степени отражает лишь вторую составляющую общественной безопасности¹⁵⁸.

Таким образом, непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, является общественная безопасность – объективное состояние защищенности общества (всех и каждого) от опасности совершения преступных посягательств и субъективная уверенность граждан в обеспеченности (сохранении) такого состояния. Подчеркнем, что речь идет об обеспечении поддержания определенного уровня общественной безопасности, достаточного для нормального функционирования общества¹⁵⁹, поскольку очевидно, что обеспечить полную безопасность объективно невозможно.

Несмотря на встречающиеся утверждения о том, что «посягательство на безопасность может происходить путем воздействия на любую из указанных сторон: на окружающую реальность и/или на внутренние ощущения человека»¹⁶⁰, полагаем, что общественная опасность запрещенных ст. 205² УК РФ деяний не должна связываться исключительно с возникновением беспокойства от столкновения с шокирующими большинством мнениями и взглядами. Общественная опасность рассматриваемого деяния объясняется прежде всего порождаемой им угрозой совершения преступлений террористической направленности отдельными лицами или в составе преступных организаций, которая (угроза) в свою очередь может влиять на уровень уверенности населения или его групп в своей безопасности.

Отметим, что совершение преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ, создает ту же опасность совершения другими лицами преступных деяний, к которым осуществляется призыв, и сказывается на степени уверенности населения в своем безопасном существовании. Отнесение же законодателем указанного посягательства к преступлениям, посягающим на основы конституционного строя, на практике приводит к искусственной совокупности преступлений, предусмотренных ст. 205² УК РФ и ст. 280 УК РФ, в случаях, когда имеет место публичное распространение одного материала, в

---

¹⁵⁸ Там же. С. 132.

¹⁵⁹ Комиссаров В.С. Общественная безопасность как объект уголовно-правовой охраны // Пробелы в законодательстве и пути их преодоления: Сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции 14-15 сентября 2007 года / под ред. В.И. Каныгина, С.В. Изосимова, А.Ю. Чупровой. Н. Новгород, 2008. С. 275.

¹⁶⁰ Дрожжина Е.А. Указ. соч. С. 121.

котором обнаруживаются призывы к осуществлению и террористической, и экстремистской деятельности¹⁶¹.

Механизм возникновения или возрастания террористической угрозы в результате совершения действий, запрещенных ст. 205² УК РФ, отличается в зависимости от того, о каких формах преступного поведения идет речь – публичных призывах, публичном оправдании или пропаганде терроризма.

Так, для публичных призывов характерно непосредственное побуждение других лиц, круг которых не определен, к совершению преступлений террористической направленности. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности в определенных чертах схожи с подстрекательством, но все же имеют принципиальное отличие от последнего. Подстрекательство представляет собой «воздействие на волю исполнителя с целью склонения его к совершению преступления»¹⁶², связывается с побуждением определенного лица или группы лиц к совершению определенного преступления. Весьма конкретно по указанному вопросу высказываются немецкие юристы: для подстрекательства необходимо личное отношение подстрекателя к исполнителю, позволяющее воздействовать на последнего; в случаях же публичных призывов «говорящий не обладает возможностью лично влиять на адресата», «не в силах усилить давление, побуждающее к действию, или адаптировать его к конкретному индивидууму»¹⁶³. Воздействие в последнем случае обладает меньшей эффективностью как по причине отсутствия личного контакта с адресатом, так и в связи с наличием других, в том числе противоположных оказываемых на аудиторию влияний, которыми не может управлять призывающий. Последствия публичного призыва к совершению преступных деяний трудно контролировать: «Никто не может знать, что будет с искрой, брошенной в толпу, – разгорится ли она в опустошительный пожар, или же потухнет бесследно и безвредно»¹⁶⁴.

---

¹⁶¹ Приговор Московского окружного военного суда от 30.11.2018 по уголовному делу № 2-94/2018; Приговор Московского окружного военного суда от 03.10.2017 по уголовному делу № 2-72/2017; Приговор от 22.08.2018 по уголовному делу №2-74/2018 // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

¹⁶² Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. Часть 2: Виды соучастников и формы участия в преступной деятельности. Учёные труды Свердловского юридического института. Серия «Уголовное право». Т. V. Свердловск, 1962. С. 60.

¹⁶³ Timmermann W.K. International Speech Crimes following the Šešelj Appeal Judgment // Propaganda and International Criminal Law: From Cognition to Criminality. Routledge, Abingdon, 2020. P. 112.

¹⁶⁴ Ibid.

На эти отличительные черты обращалось внимание и представителями дореволюционной российской уголовно-правовой доктрины. Так, С. Баршев указывал, что «подстрекательство есть чисто личное отношение и состоит в нравственном воздействии одного лица на другое»¹⁶⁵. При публичном же возбуждении к преступным деяниям «виновный обращается к неопределенным лицам, которых он может не только не знать, но и не видеть»¹⁶⁶.

В отличие от публичных призывов, для которых характерно непосредственное побуждение к совершению преступных деяний, публичное оправдание терроризма «направлено на то, чтобы вызвать сочувствие, симпатию к террористам, придать им ореол героев, борцов за правду... обосновать целесообразность и правильность их преступного поведения»¹⁶⁷. Тем не менее отмечается, что «пропагандистское воздействие публичного оправдания практики терроризма вполне сопоставимо с тем, которое оказывают публичные призывы к ее осуществлению»¹⁶⁸.

С одной стороны, публичное оправдание терроризма способно выступать способом косвенного подстрекательства к совершению преступлений террористической направленности, создавая опасность совершения таких преступлений другими лицами. С другой стороны, в значительном числе случаев побудительный потенциал публичного оправдания терроризма существенно снижен и с большим трудом поддается установлению (доказыванию).

Учитывая отмеченное, не удивительно, что общественная опасность публичного оправдания терроризма чаще связывается не с тем, что оно, подобно прямому подстрекательству, оказывает непосредственное побудительное воздействие на адресатов, тем самым создавая опасность осуществления ими террористической деятельности, а с тем, что оно формирует особую общественную атмосферу, в которой становится более вероятным совершение террористических преступлений в какое-то

---

¹⁶⁵ Цит по.: Балашов А.А. Уголовная ответственность за публичные призывы к совершению противоправных действий: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 92.

¹⁶⁶ Уголовное уложение 22 марта 1903 г. с мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Мин. Юстиции в Государственный Совет и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. Издание Н.С. Таганцева. СПб., 1904. С. 237.

¹⁶⁷ Кунашев А.А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: уголовно-правовой анализ и вопросы квалификации // Уголовное право. 2018. № 6. С. 86.

¹⁶⁸ Шибзухов З.А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 10, 47.

неопределенное время в будущем¹⁶⁹. А.А. Кунашев отмечает, что подобные деяния «продуцируют террористическую активность, готовят почву для совершения новых преступлений террористической направленности»¹⁷⁰. Конституционный Суд РФ, подчеркивая, что запрещенное уголовным законом деяние должно представлять общественную опасность, усматривает ее в публичном оправдании терроризма по той причине, что такие действия создают «обстановку приемлемости идеологии терроризма и даже желательности ее претворения в общественную практику»¹⁷¹.

Конституционный Суд Испании пошел в этом выводе дальше, допустив, что поскольку публичное восхваление террористических преступлений и лиц, их совершивших, «создает питательную почву, атмосферу или социальную среду для террористических действий, что является прелюдией к самому преступлению», то оно представляет собой подстрекательство к насилию¹⁷². Такое понимание подстрекательства, нужно признать, является довольно широким, и не все готовы его поддерживать¹⁷³.

На пропаганду терроризма, когда она осуществляется публично, можно смотреть схожим образом: она, как и публичное оправдание терроризма, создает определенный социальный климат, в котором возрастает риск формирования у неопределенного круга лиц мотивов к осуществлению преступной деятельности. Однако общей для обоснования указанных запретов проблемой является то, что эта особая общественная атмосфера не формируется благодаря какому-то одному конкретному высказыванию, она является

---

¹⁶⁹ Gur-Arye M. Op. cit. P. 192; Keiler J. Terrorist Speech and the Criminal Law – A Comparative Analysis // *European Journal of crime, criminal law and criminal justice*. 2017. Vol. 5. P. 235-236.

¹⁷⁰ Кунашев А.А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: уголовно-правовой анализ и вопросы квалификации // *Уголовное право*. 2018. № 6. С. 86.

¹⁷¹ Определение Конституционного Суда РФ от 21.09.2017 г. № 1797-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дильмухаметова Айрата Ахнафовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 47 и частью первой статьи 205² Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷² Spanish Constitutional Court. Cabinet of President. Press Office. Informative note №72/2016 // URL: https://www.tribunalconstitucional.es/NotasDePrensaDocumentos/NP_2016_072/Nota%20Informativa%20n_%2072-2016_EN.pdf

¹⁷³ Так, показательным является дело репера Х. Бельтрана (сценический псевдоним – *Valtonic*), осужденного испанским судом за публичное восхваление террористических преступлений. Испанскими властями был выдан европейский ордер на арест Бельтрана, но Бельгия отказалась его исполнить, в том числе ссылаясь на невыполнение требования двойной криминальности. Бельгийское уголовное законодательство предусматривает ответственность за публичное подстрекательство (как прямое, так и косвенное) к террористическим преступлениям (ст. 140bis УК Бельгии), но само по себе прославление или восхваление террористических преступлений под указанную норму не подпадает. (См.: *Baseline Studies on the Legislative implementation and application of Directive 2017/541 (Belgium, Spain, Germany, The Netherlands and Italy)*. Background research material. Justice project. June 2019 // URL: https://www.icj.org/wp-content/uploads/2020/11/Summary-Baseline-Studies_6_2019.pdf).

результатом множества сообщений, исходящих от множества лиц. Осуществить же *правовую* оценку вклада конкретного сообщения в создание или поддержание такой среды практически невозможно¹⁷⁴.

В связи с отмеченным затруднением акцент в обосновании общественной опасности публичного оправдания и пропаганды терроризма смещают на формирование у других лиц идеологии терроризма. Это обстоятельство приобретает особое значение в условиях современного терроризма, характерными чертами которого называют следующие: он не ограничен ни временем, ни местом; его структура в большей степени горизонтальна и децентрализована, чем иерархична; зачастую он нацелен не на конкретные политические цели, а на государственно-организационную структуру самого общества¹⁷⁵. Эти особенности определяют то, что результативность современного терроризма зависит от множества исполнителей, что предполагает массовое распространение соответствующей идеологии. Принятие определенного мировоззрения позволяет преодолевать социальные барьеры, которые мешают большинству людей совершать акты террористического насилия, тем более когда речь идет о достижении абстрактных целей: «чем туманнее дело, тем больше усилий нужно приложить для привлечения людей к служению ему»¹⁷⁶.

Немаловажным в этой связи становится широкое использование Интернета в целях распространения террористической идеологии. Интернет предоставляет прежде невиданные возможности распространения материалов в поддержку террористических организаций и их методов, создавая «герметичную среду (эхо-камеру) радикализации»¹⁷⁷. Именно изменение технологий, а не характер внешних угроз, считает Э. Познер, породил беспрецедентную в истории опасность, исходящую от онлайн-радикализации, которая рассматривается как «процесс, в ходе которого люди, взаимодействуя в Сети и подвергаясь воздействию различной интернет-среды, приходят к убеждению, что насилие

---

¹⁷⁴ Keiler J. Terrorist Speech and the Criminal Law – A Comparative Analysis // European Journal of crime, criminal law and criminal justice. 2017. № 5. P. 234.

¹⁷⁵ Ronen Y. Terrorism and Freedom of Expression // Research Handbook on International Law and Terrorism / Edited by B. Saul. Second Edition. Edward Elgar Publishing, 2020. P. 402.

¹⁷⁶ Ibid.

¹⁷⁷ Posner E. ISIS Gives Us No Choice but to Consider Limits on Speech. America faces unprecedented danger from the group's online radicalization tactics // URL: <https://slate.com/news-and-politics/2015/12/isiss-online-radicalization-efforts-present-an-unprecedented-danger.html>

рассматривается как законный метод разрешения социальных и политических конфликтов»¹⁷⁸.

К. Санстейн отмечает, что пропагандистская деятельность террористических организаций, которая ведется в социальных сетях, значительно увеличивает риск насилия, которое может произойти в любом месте и в любое время. Процесс радикализации происходит в Интернете более широко и анонимно, что повышает вероятность нападений со стороны неизвестных групп и отдельных лиц, которых сложно определить заранее¹⁷⁹. О том, что современная онлайн-пропаганда терроризма нацелена именно на долгосрочную идеологическую обработку, пишут и другие американские специалисты¹⁸⁰, ставя вопрос о необходимости пересмотра традиционных для США подходов к защите от государственного регулирования сообщений, пропагандирующих насилие.

Вместе с тем радикализация является процессом, в котором участвует множество факторов, сочетающихся в каждом отдельном случае своим особым образом¹⁸¹, в связи с чем вряд ли стоит придавать Интернету значение особого, специфического фактора риска. Так, если рассматривать радикализацию, результатом которой стало участие в террористической деятельности, то по данным различных исследований, исключительно онлайн-радикализация характерна для меньшего числа случаев по сравнению с ситуациями, в которых имела место офлайн-радикализация и радикализация при сочетании и того, и другого влияния¹⁸².

Онлайн-радикализация действительно приобрела черты одного из устоявшихся путей к осуществлению террористической деятельности¹⁸³, но вряд ли можно утверждать,

---

¹⁷⁸ Radicalisation in the digital era. The use of the internet in 15 cases of terrorism and extremism / Ines Von Behr, Anaïs Reding, Charlie Edwards, Luke Gribbon. RAND Europe, 2013. P. 2-3.

¹⁷⁹ Sunstein C.R. Op. cit.

¹⁸⁰ Han D.S. Terrorist Advocacy and Exceptional Circumstances // Fordham Law Review. 2017. Vol. 86. Issue 2. P. 489-491; Thesis A. Op. cit. P. 653-654.

¹⁸¹ Предупреждение терроризма и борьба с насильственным экстремизмом и радикализацией, ведущими к терроризму. Подход, основанный на взаимодействии полиции с населением. Руководство Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. Вена, 2014. С. 41-42.

¹⁸² Binder D.F., Kenyon J. Terrorism and the internet: How dangerous is online radicalization? // URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC9606324/#ref27>; Hamid N., Ariza C. Offline Versus Online Radicalisation: Which is the Bigger Threat? Tracing Outcomes of 439 Jihadist Terrorists Between 2014–2021 in 8 Western Countries. London, 2022 // URL: <https://gnet-research.org/wp-content/uploads/2022/02/GNET-Report-Offline-Versus-Online-Radicalization.pdf>; Reinares F., García-Calvo C., Vicente Á. Differential Association Explaining Jihadi Radicalization in Spain: A Quantitative Study // CTC Sentinel. 2017. June. // URL: https://www.researchgate.net/publication/319493051_Differential_Association_Explaining_Jihadi_Radicalization_in_Spain_A_Quantitative_Study

¹⁸³ Binder D.F., Kenyon J. Op. cit.

что она является основным источником угрозы. Это, кстати, может составлять еще один довод в поддержку предложений, которые высказываются в научных исследованиях, об исключении такого квалифицирующего признака состава преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, как использование информационно-телекоммуникационных сетей. Этот способ, скорее, является одним из факторов, предопределившим криминализацию этих деяний, нежели обстоятельством, повышающим их общественную опасность. Как отмечает Д.К. Боков, он является стандартным для совершения любого из деяний, предусмотренных ст. 205² УК РФ, то есть «выступает в качестве «базовой» характеристики степени общественной опасности»¹⁸⁴ указанных преступлений.

В европейских научных исследованиях обращается внимание также на следующее: лишь немногие лица радикализируются самостоятельно, в подавляющем большинстве случаев необходимым компонентом указанного процесса выступает непосредственное (личное) влияние на них радикализирующих агентов, например, родственников, друзей или профессиональных вербовщиков¹⁸⁵. Исследования, проводившиеся в США, также указывают на то, что важную роль в принятии соответствующей экстремистской идеологии играют имеющиеся у человека социальные связи¹⁸⁶. Это обстоятельство актуализирует постановку вопроса об уголовно-правовой борьбе с пропагандой, осуществляемой в отношении конкретного лица или группы лиц.

Рассматривая непосредственный объект пропаганды, осуществляемой в отношении отдельного лица или нескольких определенных лиц, отметим, что в этом случае речь, скорее, должна идти об общественных отношениях, являющихся объектом тех преступлений, совершение которых должно стать результатом усвоенной, воспринятой адресатом идеологии. Пропаганда терроризма в этом смысле больше примыкает к составу содействия террористической деятельности, предусмотренному ст. 205¹ УК РФ, который, в частности, предполагает вовлечение в совершение преступлений террористической

---

¹⁸⁴ Боков Д.К. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдание терроризма и пропаганда терроризма: трудности доктринального понимания // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 5 (97). С. 129. См. также: Кибальник А.Г. Уголовная ответственность за публичное распространение фейков об использовании Вооруженных Сил РФ. Как применять новую статью УК // Уголовный процесс. 2022. № 5. С. 68.

¹⁸⁵ Hamid N., Ariza C. Op. cit.; Reinares F., García-Calvo C., Vicente Á. Op. cit.

¹⁸⁶ Hafez M., Mullins C. The Radicalization Puzzle: A Theoretical Synthesis of Empirical Approaches to Homegrown Extremism // Studies in Conflict & Terrorism. 2015. Vol. 38. Issue 11. P. 966-967.

направленности. Напомним, что пропаганда терроризма в ст. 205² УК РФ появилась в рамках законопроекта, имевшего целью внесение изменений именно в ст. 205¹ УК РФ.

Как представляется, дополнение статьи 205² УК РФ указанием на пропаганду терроризма во многом было связано с тем, что состав вовлечения в террористическую деятельность (ч. 1, ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ) требует определенной конкретизации преступления, к которому происходит склонение, то есть воспринимается в большей степени как подстрекательство, за тем исключением, что охватывает собой и те случаи, когда подстрекательство оказалось неудавшимся. Так, А.К. Субачев указывает, что диспозиции соответствующих частей ст. 205¹ УК РФ «подразумевают вовлечение конкретного лица в совершение конкретных преступлений», признавая, что упомянутый состав преступления является частным видом подстрекательства¹⁸⁷. Правоприменительная практика также не поддерживает позицию тех специалистов, которые полагают, что формирование «общих преступных настроений у того или иного конкретного лица» может быть квалифицировано как вовлечение по ст. 205¹ УК РФ¹⁸⁸.

Н.Ф. Кузнецова подчеркивала, что действия, осуществляющиеся на стадии подготовки к совершению преступления, для своей наказуемости должны создавать реальную возможность наступления преступного результата, которая зависит от содержания этих действий, от того, насколько они важны для достижения результата, а также от близости их к общественно опасным последствиям¹⁸⁹. Полагаем, что именно с этим связано требование, предъявляемое к неудавшемуся подстрекательству, согласно которому виновный должен предпринять попытку склонить к совершению преступления, признаки которого в достаточной степени конкретизированы (индивидуализированы). Это позволяет оценивать неудавшуюся попытку склонения к совершению преступления в качестве общественно опасного действия, то есть того, которое действительно создает

---

¹⁸⁷ Субачев А.К. Институт соучастия в преступлении и его отражения в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2018. С. 109-110.

¹⁸⁸ Некоз А.С. Уголовная ответственность за подстрекательство к преступлению: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 193-194. На взгляд А.Н. Игнатова и А.Г. Сапрунова, ст. 205¹ УК охватывает как случаи «содействия террористической деятельности в виде соучастия в совершении конкретных преступлений террористической направленности», так и «осуществления содействия террористической деятельности как таковой», то есть «без конкретизации умысла непосредственно на совершение того или иного преступления, а с умыслом на содействие террористической деятельности в целом». (См.: Игнатов А.Н., Сапрунов А.Г. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности: совершенствование законодательной регламентации // Общество и право. 2018. № 2 (64). С. 40).

¹⁸⁹ Кузнецова Н.Ф. Избранные труды. СПб., 2003. С. 249.

условия для совершения готовящегося преступления, а не только свидетельствует о преступных намерениях.

Вопрос о том, какова должна быть степень конкретизации преступления в случаях неудавшегося вовлечения в террористическую деятельность, до конца не решен. На практике она варьируется от достаточно детализированного представления вовлекающего и вовлекаемого о действиях, которые необходимо совершить, их времени, месте, способе, до менее информативного.

Так, в одном случае по ст. 205¹ УК РФ квалифицировано склонение к совершению наезда на людей с помощью приисканного грузового автомобиля у конкретной станции метрополитена в Москве¹⁹⁰. В другом – как приготовление к совершению преступления, предусмотренного ст. 205⁵ УК РФ, были оценены действия Б. по склонению трех лиц к пересечению турецко-сирийской границы и присоединению к признанной террористической организации «ИГИЛ»¹⁹¹. Интересно, что в последнем деле обвиняемый также призывал одного из вовлекаемых лиц к «самоподрыву в кругу кяферов (врагов)», описывая его как один из методов деятельности «ИГИЛ». Указанные действия, хотя и были отражены в обвинительном заключении и приговоре, но не получили правовой оценки как склонение к совершению террористического акта по ст. 205¹ УК РФ¹⁹². Возможно, это было связано с тем, что, согласно показаниям склоняемого лица обвиняемый Б. не указывал, «для чего необходимо будет совершить самоподрыв, где именно совершить и в кругу каких именно врагов»¹⁹³.

Пропаганда терроризма, адресатом которой является конкретное лицо или определенная группа лиц, наиболее явным образом демонстрирует то обстоятельство, что уголовно-правовой запрет, предусмотренный в ст. 205² УК РФ, в значительной степени направлен на борьбу с формированием идеологии терроризма у других лиц, тем самым отодвигая границы уголовно-правовой репрессии за пределы привычных

---

¹⁹⁰ Приговор Московского окружного военного суда от 20.12.2017 по делу № 2-100/2017 // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

¹⁹¹ Квалификация действий по ч. 1 ст. 30, ч. 2 ст. 205⁵ УК РФ, а не по ч. 1 ст. 205¹ УК РФ объясняется тем, что на момент совершения преступления ст. 205¹ УК РФ не содержала указание на вовлечение в совершение преступления, предусмотренного ст. 205⁵ УК РФ.

¹⁹² Приговор Московского окружного военного суда от 23.03.2017 по делу № 2-20/2017 // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

¹⁹³ Обвинительное заключение по обвинению Б.М.Р. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205², ч. 2 ст. 280, ч. 1 ст. 30, ч. 2 ст. 205⁵ УК РФ // Архив 2-го Западного окружного военного суда. Уголовное дело № 2-20/2017.

приготовительных действий, представляя собой «приготовление к приготовлению» будущих преступлений указанными лицами.

Полагают, что «между идеологией и поведением существует определенная связь», что «идеология влияет не только на намерения, но и на поступки»¹⁹⁴. Как совокупность или система идей «идеологии хранятся в памяти, предоставляя когнитивные ресурсы для мыслительных процессов, в том числе процессов принятия решений, и таким образом, определяя поведение человека»¹⁹⁵. В ряде случаев идеи могут служить ключевыми мотивами для насилия, в других – обеспечивать легитимацию насилия, формируя представления о его допустимости, даже если они не являются основными причинами желания участвовать в его применении¹⁹⁶. Вместе с тем также очевидно, что убеждения и чувства не являются основой для точных прогнозов поведения¹⁹⁷. Необходимо подчеркнуть, что принятие соответствующей идеологии является лишь одним из целого ряда факторов (среди которых поиск острых ощущений, желание обрести статус или ощутить принадлежности к группе, социальная неустроенность, отверженность и другие многочисленные причины), влияющих на фактическое участие человека в террористической деятельности.

Уголовно-политические причины законодательных решений о широкой криминализации террористической пропаганды понятны. Продиктованы они в первую очередь теми особенностями современного терроризма, о которых было упомянуто выше. И, на первый взгляд, проблема обоснования общественной опасности рассматриваемых деяний заканчивается на этапе принятия соответствующего законодательного решения. Ведь общественно опасные последствия, являющиеся связующим звеном между деянием и непосредственным объектом преступления¹⁹⁸, в диспозиции ст. 205² УК РФ не указаны.

Состав преступления, предусмотренный ст. 205² УК РФ, таким образом, может напоминать составы абстрактной опасности, если пользоваться терминологией

---

¹⁹⁴ Taylor M., Ramsay G. Violent Radical Content and the Relationship between Ideology and Behaviour: Do Counter-Narratives Matter? // *Countering Violent Extremist Narratives* / Ed.: E. Kessel. Breda, 2010. P. 95.

¹⁹⁵ Leader Maynard J., Benesch S. Dangerous Speech and Dangerous Ideology: An Integrated Model for Monitoring and Prevention // *Genocide Studies and Prevention: An International Journal*. 2016. Vol. 9. Issue 3. P. 73.

¹⁹⁶ Ibid. P. 75.

¹⁹⁷ Ginkel B. Incitement to Terrorism: A Matter of Prevention or Repression? ICCT Research Paper. Hague, 2011. P. 4 // URL: <https://www.icct.nl/sites/default/files/2023-02/ICCT-Van-Ginkel-Incitement-To-Terrorism-August-2011.pdf>

¹⁹⁸ Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Научный ред. и предисл. академика В.Н. Кудрявцева. М., 2007. С. 163; Крылова Н.Е. Материальные, формальные и усеченные составы преступлений: дискуссия с продолжением // *Вестник Московского университета. Серия 11. Право*. 2017. № 6. С. 18.

немецкого уголовного права, в котором принято различать деликты конкретной и абстрактной опасности. В первых – опасность настолько велика, что «ненаступление ущерба зависит исключительно от случайности»¹⁹⁹. Такая опасность предусмотрена диспозицией уголовно-правовой нормы и подлежит доказыванию, как и любой другой элемент состава. В деликтах абстрактной опасности противоправное поведение создает лишь общую опасность для защищаемого правового блага, которая является не признаком состава, а выступает «основанием, легитимирующим его существование»²⁰⁰. Деликты абстрактной опасности позволяют ввести наказание за «типично опасные действия»²⁰¹, то есть они основаны «на законном предположении, что определенное поведение в принципе опасно для охраняемого объекта», что не требует доказывания правоприменителем²⁰². В результате уголовная ответственность предусматривается и «за поведение, которое в конкретном случае не обязательно порождает опасность для правоохраняемого блага», что, как указывает Г. Фристер, дает основание некоторым немецким специалистам сомневаться в допустимости подобных конструкций²⁰³.

В российской уголовно-правовой доктрине подобные составы традиционно принято рассматривать в качестве т.н. формальных. И хотя само по себе деление составов на материальные и формальные продолжает оставаться предметом теоретических дискуссий, представляется, что большинство специалистов готовы согласиться с тем, что беспоследственных преступлений не бывает. Подчеркивается это и Конституционным Судом РФ: «конструкция формального состава преступления, отражая в известной мере особенности общественной опасности ... деяния ... не означает, что совершение данного деяния не влечет причинения вреда или реальной угрозы его причинения»²⁰⁴.

Как поясняет Н.Е. Крылова, в составах, которые принято причислять к формальным, «последствия, носящие главным образом нематериальный, но реальный характер, в

---

¹⁹⁹ Головненков П. Легитимация и границы наказуемости приготовления тяжкого государственно опасного деяния в положения Уголовного Уложения Германии // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Восьмой международной научно-практической конференции 27-28 января 2011 г. М., 2011. С. 595-596.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ Фристер Г. Уголовное право Германии. Общая часть = Strafrecht. Allgemeiner Teil: пер. с нем. 5-е изд. М., 2013. С. 49.

²⁰² Плоскина Я.М. Возможность прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон и компенсацией вреда при совершении многообъектного уголовно наказуемого деяния по законодательству Российской Федерации и Федеративной Республики Германия // Вестник Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (48). С. 99.

²⁰³ Фристер Г. Указ. соч. С. 49-50.

²⁰⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.М. Деменьшиной» // СПС «КонсультантПлюс».

некотором роде слиты с действием или бездействием, наступают автоматически и непосредственно за совершением действия или акта бездействия»²⁰⁵. Не удивительно, что в конечном счете вопрос о материальных и формальных составах оказывается, по замечанию Н.Ф. Кузнецовой, вопросом доказательств: «нужно или нет специально, отдельно от анализа действия доказывать наличие последствий»²⁰⁶. В формальных составах «последствие ... не подлежит специальному доказыванию судом, так как автоматически определяется с установлением оконченного действия или бездействия»²⁰⁷.

Тем не менее представляется, что необходимость устанавливать характер и размер вреда, причиненного общественным отношениям рассматриваемыми преступными деяниями, не может быть полностью устранена. Это объясняется несколькими причинами.

Во-первых, как в своей более поздней работе указывала и сама Н.Ф. Кузнецова, утверждение об отсутствии необходимости доказывать общественно опасные последствия не соответствует положению п. 4 ч. 1 ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса РФ 2001 г., согласно которому в предмет доказывания входит характер и размер причиненного преступлением вреда²⁰⁸. Отмечалось это обстоятельство и Конституционным Судом РФ²⁰⁹.

Во-вторых, даже если конструкция формального состава преступления используется лишь в случаях, когда «обеспечена общественная опасность во всех или абсолютном большинстве случаев совершения самого деяния», исключения вполне возможны, для чего и существует норма о малозначительности (ч. 2 ст. 14 УК РФ)²¹⁰, которая должна применяться, если индивидуальная общественная опасность конкретного совершенного деяния «явно не соответствует криминальному уровню»²¹¹.

---

²⁰⁵ Крылова Н.Е. Материальные, формальные и усеченные составы преступлений: дискуссия с продолжением // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2017. № 6. С. 24.

²⁰⁶ Кузнецова Н.Ф. Избранные труды. СПб., 2004. С. 66.

²⁰⁷ Там же. С. 60-61.

²⁰⁸ Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Научный ред. и предисл. академика В.Н. Кудрявцева. М., 2007. С. 163.

²⁰⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 06.10.2015 № 2444-О «По жалобе гражданина Дворяка Владимира Геннадьевича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 3 части второй статьи 38, части третьей статьи 53, статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 310 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

²¹⁰ Иванчин А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика: монография / отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 2014. С. 173-174.

²¹¹ Ошибки в квалификации преступлений: Монография / В.К. Андрианов, Д.А. Дорогин, Д.С. Корсун и др.; Под ред. Ю.Е. Пудовочкина. М., 2020. С. 97-98 (авторы параграфа – Д.С. Корсун, К.В. Ображиев).

В-третьих, как уже отмечалось, привлечение к уголовной ответственности за рассматриваемые деяния должно быть согласовано с существующими гарантиями свободы выражения мнения. Вмешательство в указанную свободу, в том числе посредством наложения уголовных наказаний, возможно лишь в исключительных случаях в той мере, в какой это необходимо в демократическом обществе в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, общественного порядка, территориальной целостности (ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации²¹², ч. 3 ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах)²¹³.

На судах лежит обязанность в каждом конкретном случае оценить, не является ли преследуемое поведение законным осуществлением свободы выражения мнения. Как указывает Комитет по правам человека ООН, судами должен быть «четко и подробно» продемонстрирован «конкретный характер угрозы, а также то, что принятие конкретных мер отвечает критериям необходимости и соразмерности, в частности путем установления прямой и непосредственной связи между формой выражения и угрозой»²¹⁴. Только в этом случае свобода выражения мнения будет не только гарантироваться нормами международного и национального права, но и обеспечиваться на правоприменительном уровне.

Проанализированные в настоящем параграфе вопросы позволяют сделать следующие выводы.

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, является общественная безопасность, понимаемая как объективное состояние защищенности общества от опасности совершения преступных посягательств (внешний аспект), а также субъективная уверенность граждан в обеспеченности такого состояния (внутренний аспект). При этом общественная опасность указанного деяния не должна связываться исключительно с причинением вреда внутреннему аспекту безопасности.

---

²¹² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202007040001>

²¹³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», п. 1 // СПС «КонсультантПлюс».

²¹⁴ Замечания общего порядка №34, п. 35.

Она объясняется прежде всего порождаемой угрозой совершения преступлений террористической направленности отдельными лицами или в составе преступных организаций, которая (угроза) в свою очередь может влиять на уровень субъективной уверенности населения или его групп в своей безопасности. При этом внутренний аспект общественной безопасности не затрагивается в случаях пропаганды терроризма, осуществляемой непублично, которая создает опасность совершения преступлений террористической направленности конкретными лицами, попавшими под ее воздействие.

Несмотря на то, что общественно опасные последствия, являющиеся связующим звеном между деянием и непосредственным объектом преступления, в диспозиции ст. 205² УК РФ не указаны, суды не могут уклониться от их установления не только в силу требований п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ и необходимости оценивать наличие или отсутствие в содеянном признака общественной опасности исходя из положений ч. 2 ст. 14 УК РФ, но и потому, что в каждом конкретном случае надлежит установить, не является ли преследуемое поведение реализацией свободы выражения мнения. Лишь в этом случае указанная свобода будет не только гарантироваться нормами международного и национального права, но и обеспечиваться на правоприменительном уровне.

§ 1.4. Проблемы определения вреда, причиняемого общественной безопасности публичными призывами к осуществлению террористической деятельности, публичным оправданием и пропагандой терроризма

При привлечении к ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, правоприменителем должна быть установлена порождаемая соответствующим деянием угроза. Другими словами, угроза должна носить не умозрительный, а достоверный характер. И поскольку в рассматриваемых случаях речь идет преимущественно о нереализованной опасности совершения другими лицами преступлений террористической направленности, то основным практическим затруднением является подтверждение ее существования теми или иными фактическими обстоятельствами. Центральным вопросом в этой связи оказывается следующий: может ли указанная опасность вытекать исключительно из содержания распространенного сообщения или же она должна подтверждаться и другими обстоятельствами совершения деяния?

В Пояснительном докладе к Варшавской конвенции содержится следующая рекомендация: при рассмотрении вопроса о том, создана ли опасность совершения террористического преступления, национальным судам «следует учитывать характеристики автора и адресата обращения, а также контекст, в котором совершается преступление, в соответствии со смыслом, установленным прецедентной практикой Европейского Суда по правам человека»²¹⁵. На первый взгляд, это указание свидетельствует об отрицательном ответе на первую часть вопроса и положительном – на вторую.

Вместе с тем следует учитывать следующее. Опасность осуществления террористической деятельности другими лицами связывается прежде всего со способностью того или иного высказывания убеждать, направлять аудиторию, побуждать к совершению или несовершению каких-либо действий. При этом отмеченная практическая (деятельная) сила высказывания порождается как заложенным в нем *коммуникативным намерением*, так и его *контекстом*²¹⁶.

При прямом подстрекательстве (призывах) к совершению преступления рассматриваемая опасность, как правило, преимущественно вытекает из содержания распространяемого обращения. Призывы выражают более чем *явное намерение* автора побудить других лиц к совершению преступления, в них трудно усмотреть какую-либо ценность для демократического общества, они не вносят вклад в политические или общественные дискуссии. Поэтому и проблем согласования наказуемости преступного призыва со свободой выражения мнения чаще всего не возникает.

В связи с этим представляется важным замечание А. Хареля, который предполагает, что прямые призывы к насилию всегда создают даже если и не большúю, но вероятность применения насилия²¹⁷. Это можно объяснить в том числе тем, что намерение автора в таких случаях является очевидным для адресатов – зрителей, слушателей, читателей. Когда такое сообщение распространяется среди неопределенного числа лиц, оно с большей вероятностью может достичь тех, кто готов откликнуться на призыв.

---

²¹⁵ Explanatory Report to the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism, para. 100.

²¹⁶ Tulkens F. Op. cit. Para. 20.

²¹⁷ Harel A. The regulation of Speech: A Normative Investigation of Criminal Law Prohibition of Speech // Freedom of Speech and Incitement against Democracy / Aditors: David Kretzmer, Francine Kershman Hazan. Hague, London, Boston, 2000. P. 261.

Таким образом, при призывах к насилию порождаемая ими опасность совершения преступных деяний связывается с содержанием распространяемого обращения. Вместе с тем не исключено, что их потенциальное воздействие может быть существенно снижено в силу каких-либо обстоятельств, что может повлиять на оценку исходящей от них опасности.

Так, в деле «Караташ (Karataş) против Турции»²¹⁸ Большая Палата Европейского Суда по правам человека сочла, что мнение, выраженное *рядовым гражданином* путем публикации сборника стихотворений, то есть в *поэтической форме*, оказало незначительное влияние на национальную безопасность, общественный порядок и территориальную целостность, несмотря на то, что стихотворения содержали некоторые строки, призывающие к самопожертвованию ради Курдистана и некоторые весьма агрессивные пассажи в адрес турецких властей. Было подчеркнуто, что стихотворения имели очевидный политический подтекст: посредством яркой образности они выражали глубоко укорененное недовольство судьбой курдского населения в Турции²¹⁹. Рассмотрев данные произведения, Суд заявил: «Стихотворения, при их буквальном прочтении, могут быть восприняты как побуждающие читателя к ненависти, мятежу и насилию. Однако вопрос о том, так ли это в действительности, следует решать с учетом того, что заявитель использовал для выражения своих мыслей такое средство, как поэзия ... к которой восприимчиво лишь меньшинство читателей». Учитывая указанные выше обстоятельства, Суд посчитал, что «потенциальное воздействие» было в «существенной степени ограничено», что делало стихотворения «не столько призывом к мятежу, сколько выражением глубокой скорби перед лицом сложной политической ситуации»²²⁰.

Пять судей в этом деле выразили особые мнения. На их взгляд, большинство необоснованно сочло «поэтическую форму более важной, чем общая тональность и содержание» произведения. Тот факт, что в стихотворениях могут использоваться различные стилистические приемы, не делает их «менее способными подстрекать к ненависти или вооруженной борьбе». Несогласные судьи отметили, что «используемый автором язык отнюдь не метафоричен, он прям, а его смысл абсолютно ясен», он вполне

---

²¹⁸ European Court of Human Rights, Case «Karataş v. Turkey» (Application № 23168/94), Judgment, 8 July 1999 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58274>

²¹⁹ Ibid, para. 50.

²²⁰ Ibid, para. 52.

доступен для понимания «широкой публикой, которая могла принять его за чистую монету» (так, в стихотворениях содержались такие фразы: «Я призываю вас умереть ... свобода освящается смертью», «кровь омоется кровью»; «мы принесем в жертву наши головы, опьяненные огнем восстания»; «я умру мучеником... курдская молодежь отомстит», «пусть оружие говорит смело»)²²¹.

Заметим, что спорные публикации характеризовались не только особой, стихотворной формой, но и тем, что содержали общие призывы к ненависти и насилию. Напомним, что в рамках американской правовой доктрины широко защищаемая пропаганда незаконных деяний отличается от наказуемого подстрекательства (*solicitation*) именно своей неконкретизированностью. Поэтому не удивительно высказанное в рассматриваемом деле совпадающее мнение судьи Дж. Бонелло, предложившего воспринять «бранденбургский стандарт», согласно которому необходимо оценить степень близости и вероятности наступления опасных последствий²²².

Помимо Дж. Бонелло, еще пять судей выразили совместное совпадающее мнение, придя к тому же результату, что и большинство, но используя «более контекстуальный подход», заключающийся в том, чтобы «уделять меньше внимания подстрекательскому характеру использованных слов и больше внимания различным элементам контекста, в котором имело место высказывание». В частности, необходимо учитывать, занимал ли автор влиятельное положение в обществе, была ли публикация настолько заметной, будь то в крупной газете или в другом СМИ, что могло усилить влияние высказывания, были ли произнесены слова вдали от центра (очага) конфликта или в непосредственной близости от него²²³?

Контекст приобретает более важное значение при оценке опасности, порождаемой сообщениями, в которых прямо не выражено намерение побудить других лиц к осуществлению террористической деятельности. Так, утверждается, что при

---

²²¹ European Court of Human Rights, Case «Karataş v. Turkey» (Application № 23168/94), Joint partly dissenting opinion of Judges Wildhaber, Pastor Pidruejo, Costa and Baka; Dissenting opinion of Judge Gölcüklü // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58274>

²²² European Court of Human Rights, Case «Karataş v. Turkey» (Application № 23168/94), Concurring opinion of Judge Bonello // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58274>

²²³ Совместное особое мнение судей Э. Пальм, Ф. Тьюлкенс, Й. Касадавала, М. Фишбах и Х.С. Гreve. См.: European Court of Human Rights, Case «Karataş v. Turkey» (Application № 23168/94), Joint concurring opinion of Judges Palm, Tulkens, Fischbach, Casadevall and Greve // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58274>

распространении оправдывающих терроризм высказываний их связь с возникновением опасности осуществления террористической деятельности другими лицами является по определению более слабой²²⁴, чем при прямом подстрекательстве. Контекст помогает определить, способно ли то или иное высказывание оказать на адресата воздействие, подобное прямому призыву.

Показательной в этом смысле является реформа уголовного законодательства Израиля 2016 г., исключившая такой обязательный признак состава распространения призыва к терроризму или совершению насильственного деяния, как наличие «существенной возможности» того, что призыв приведет к совершению таких деяний²²⁵. Эта поправка имела целью «попытаться более интенсивно применять законы о подстрекательстве»²²⁶.

При этом состав распространения похвалы, симпатии, одобрения террористического акта, его поддержки или солидарности с ним по-прежнему требует, согласно ст. 24 Закона Израиля о борьбе с терроризмом, чтобы содержание публикации и обстоятельства ее распространения свидетельствовали о существенной возможности последующего совершения террористического акта другими лицами²²⁷. Э. Падан поясняет, что существенная возможность требует больше, чем просто «вероятность», но меньше, чем «почти наверняка», и устанавливается с учетом всех обстоятельств дела²²⁸.

В связи с этим напомним, что, согласно ст. 5 Варшавской конвенции, действия, составляющие публичное подстрекательство к совершению террористического преступления, должны создавать «опасность совершения одного или нескольких таких

²²⁴ Brabandere E. The Regulation of Incitement to Terrorism in International Law // *Balancing Liberty and Security: The Human Rights Pendulum* / Eds.: Hennebel L., Tigroudja H. Nijmegen: Wolf Legal Publishers, 2012. P. 233.

²²⁵ Такое исключение было сделано в отношении прямого призыва к совершению террористического акта (См.: Padan E. *Fighting Incitement: The Work and Practice of the Israeli Prosecution 2014–2016* // *Incitement to terrorism* / Edited by Anne Bayefsky, Laurie Blank. Leiden, 2018. P. 81).

²²⁶ Fuchs A. *New Terror – The Israel Case* // *Democracy and Terrorism – Experiences in Coping with Terror Attacks. Case Studies from Belgium, France, Israel and Norway* / A.M. Kellner (ed.). Berlin, 2017. P. 35 // URL: <https://library.fes.de/pdf-files/id/ipa/13552-20171023.pdf>

²²⁷ The Counter-Terrorism Law, 5776-2016, art. 24 (English version, unofficial translation) // URL: https://www.gov.il/BlobFolder/dynamiccollectorresultitem/counter-terrorism-law-2016-english/he/legal-docs_counter_terrorism_law_2016_english.pdf

²²⁸ Так, учитывается статус и роль автора, время и атмосфера в соответствующей аудитории. Когда в определенном сообществе вспыхивает волна террора или насилия, и атмосфера становится взрывоопасной, больше людей могут отреагировать на подстрекательство. В отличие от этого, в периоды относительного спокойствия та же публикация будет иметь гораздо меньшую вероятность побуждения людей к актам насилия или террора. Когда речь идет о сообщениях в социальных сетях, устанавливается количество «друзей» и «подписчиков» автора, количество лайков и комментариев к публикации, обращается внимание на то, использовались ли хэштеги для того, чтобы расширить аудиторию, при этом учитывается существовавший общий контекст в то время, когда сообщение было опубликовано (См.: Padan E. *Op. cit.* P. 85).

преступлений». Отсутствие указания на характер возникающей опасности дает исследователям основания полагать, что достаточной может являться даже отдаленная и несущественная опасность²²⁹.

Как полагают некоторые исследователи, в Директиве Европейского парламента и Совета от 15 марта 2017 г. «О борьбе с терроризмом» (далее – Директива) была и вовсе предпринята попытка взглянуть на создание указанной опасности как на презюмируемое последствие распространения обращений, пропагандирующих совершение террористических преступлений²³⁰. Несмотря на то, что определение публичного подстрекательства, изложенное в этом акте, в целом сохраняет основные элементы, имеющиеся в Варшавской конвенции, С. Де Коэнсель, изучив тексты Директивы на четырех языках, делает вывод, что ст. 5 Директивы может толковаться следующим образом. Распространение обращения признается публичным подстрекательством к совершению террористического преступления, если оно 1) прямо или косвенно пропагандирует совершение террористического преступления, например, прославляет террористические акты и 2) осуществляется с целью побудить к совершению такого преступления. Создание же опасности (в силу отличной от Варшавской конвенции формулировки *«тем самым создавая опасность»*) не является самостоятельным признаком публичного подстрекательства, а должно рассматриваться как презюмируемое последствие описанного деяния. Тем не менее, С. Де Коэнсель не исключает, что такой вывод может оказаться поспешным, а потому требуется время, чтобы понять, как ст. 5 Директивы будет интерпретироваться судами²³¹.

В этой связи показательным является решение Конституционного Суда Бельгии от 15 марта 2018 г., которым был признан неконституционным закон, исключивший из определения публичного подстрекательства к совершению террористического

---

²²⁹ Cram I. Op. cit. P. 94.

²³⁰ Статья 5 Директивы предусматривает: «Государства-члены принимают необходимые меры для обеспечения того, чтобы распространение или иное представление какого-либо обращения к общественности любыми средствами, онлайн или офлайн, с целью побудить к совершению одного из преступлений, перечисленных в пунктах (а) - (i) статьи 3(1), когда такое поведение, прямо или косвенно, например, путем прославления террористических актов, пропагандирует совершение террористических преступлений, тем самым создавая опасность того, что одно или несколько таких преступлений могут быть совершены, наказуемо как преступление, когда оно совершается умышленно». (См.: Directive (EU) 2017/541 of the European Parliament and of the Council of 15 March 2017 on combating terrorism and replacing Council Framework Decision 2002/475/JHA and amending Council Decision 2005/671/JHA // URL: <http://data.europa.eu/eli/dir/2017/541/oj>).

²³¹ De Coensel S. Incitement to Terrorism: the Nexus between Causality and Intent and the Question of Legitimacy: a Case Study of the European Union, Belgium and the United Kingdom // Human dignity and human security in times of terrorism / Editors: C. Paulussen, M. Scheinin. Hague, 2020. P. 280-281.

преступления (ст. 140 bis Уголовного кодекса Бельгии²³²) признак создания опасности его совершения. Сославшись в том числе на ст. 5 Директивы, Конституционный Суд Бельгии указал, что необходимость упростить доказывание – именно эту цель преследовала реформа ст. 140 bis УК Бельгии – не может обосновывать назначение уголовного наказания в случаях, когда нет серьезных доказательств наличия опасности совершения террористических преступлений. Было признано, что новая редакция ст. 140 bis УК Бельгии не отвечает требованиям необходимости в демократическом обществе, несоразмерно ограничивая свободу выражения мнения²³³.

Не в последнюю очередь именно контекст позволяет провести значимое различие между высказываниями, которые шокируют или причиняют беспокойство, но при этом защищены гарантиями свободы выражения мнения, и теми, которые нетерпимы в демократическом обществе²³⁴.

В роли контекстуальных факторов в практике Европейского Суда по правам человека выступают форма и средство передачи сообщения (например, художественное произведение, стихотворение или периодическое издание с низким тиражом обладают меньшим воздействием), авторитет (известность, значимость) спикера, ситуация, сложившаяся в области безопасности в том или ином регионе (являлся ли она напряженной и требующей осмотрительности) и проч.²³⁵. При этом отмечавшееся в предыдущих параграфах особое отношение Европейского Суда к сообщениям, которые могут рассматриваться как часть дискурса по вопросу, имеющему политический характер или представляющему общественный интерес, придает самому этому обстоятельству значение самостоятельного фактора, влияющего на решение вопроса о том, будет ли истолковано высказывание как подстрекательство к насилию или ненависти, или,

---

²³² До оспариваемых законодательных изменений указанная статья предусматривала практически тождественное ст. 5 Варшавской конвенции положение: «любое лицо, распространяющее или иным образом предоставляющее какое-либо обращение к общественности с целью побудить к совершению одного из преступлений, перечисленных в статье 137... когда такое поведение, независимо от того, пропагандирует оно или нет непосредственно террористические преступления, создает опасность совершения одного или нескольких таких преступлений» // Committee of Experts on Terrorism (CODEXTER). Profiles on Counter-Terrorism Capacity. Belgium. February 2014 // URL: https://legislationline.org/sites/default/files/documents/89/Belgium_CODEXTER_Profile_2014.pdf

²³³ Centre for Judicial Cooperation. Belgium, Constitutional Court, n°31/2018, March, 15th 2018 // URL: <https://cjc.eu.europa.eu/data/data/data?idPermanent=449>; Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of human rights and fundamental freedoms while countering terrorism on her visit to Belgium. 8 May 2019. A/HRC/40/52/Add.5. Para. 19 // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G19/134/55/PDF/G1913455.pdf>

²³⁴ European Court of Human Rights, Case «Karataş v. Turkey» (Application № 23168/94), Joint concurring opinion of Judges Palm, Tulkens, Fischbach, Casadevall and Greve. // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng/?i=001-58274>

²³⁵ Sottiaux S. «Bad Tendencies» in the ECtHR's «Hate Speech» Jurisprudence // European Constitutional Law Review. 2011. Vol. 7. P. 61.

например, как критика государственной политики. Выражения могут казаться провокационными или переданными враждебным тоном по отношению к национальным властям, но это не означает, что их следует воспринимать как провоцирующие насилие. Даже жесткие высказывания в адрес властей все еще могут оставаться лишь представлением «иного взгляда по вопросу» или критикой правительства²³⁶.

Подчеркнем, что с учетом содержания и контекста высказывания, с одной стороны, устанавливается смысл передаваемого сообщения, а с другой, – оценивается его (сообщения) потенциальная опасность.

Как отмечает известный российский ученый-лингвист И.М. Кобозева, во многих языках для обозначения **содержания** языковых выражений используется два слова – «смысл» и «значение», что вряд ли является случайностью²³⁷. И.М. Кобозева полагает, что **смысл** противопоставляется **значению** как конкретно-ситуативное, то есть зависимое от конкретной ситуации, содержание сообщения противопоставляется его абстрактному языковому, то есть обусловленному языковыми конвенциями, содержанию²³⁸. «*Значение* есть «содержание», конвенционально закрепленное за определенным знаком в знаковой системе, а *смысл* – «содержание», которое индивидуальное или коллективное сознание (разум) связывает с некоторым наблюдаемым феноменом в конкретном акте употребления или интерпретации»²³⁹. Смысл, в отличие от значения, вариативен, субъективен, овладением им предполагает интеллектуальную активность интерпретатора²⁴⁰.

Как представляется, именно последнее отмеченное обстоятельство и составляет одну из ключевых проблем судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 205² УК РФ. Речь идет о возникающих между сторонами уголовного процесса спорах о смысле сообщений, распространение которых вменяется в вину обвиняемому. Очевидно, что обвинение в любом случае не может и не должно основываться на неверном понимании смысла распространенного лицом сообщения.

---

²³⁶ European Court of Human Rights, Case «Karataş v. Turkey» (Application № 23168/94), Judgment, 8 July 1999, para. 52 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58274>; Case «Özgür Gündem v. Turkey» (Application № 23144/93), Judgment, 16 March 2000), para. 70 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58508>

²³⁷ Кобозева И.М. Две ипостаси содержания речи: значение и смысл // Язык о языке: Сб. статей / под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. М., 2000. С. 303.

²³⁸ Там же. С. 328, 358.

²³⁹ Там же. С. 357.

²⁴⁰ Там же. С. 351-352, 356-358.

Необходимость установления судами подлинного смысла высказывания не в последнюю очередь вытекает из гарантированного каждому права свободно выражать и распространять свое мнение. На это обращает внимание Конституционный Суд ФРГ, поясняющий, что несоблюдение указанного требования может повлечь уменьшение допустимых пределов свободы выражения мнения, а также «отрицательно сказаться на реализации основного права на свободу слова в целом, поскольку желающие высказаться по какому-либо вопросу будут рисковать оказаться наказанными даже из-за отдаленных или недопустимых толкований своего высказывания»²⁴¹.

Коммуникативное намерение автора – это «замысел сделать нечто с помощью такого инструмента как язык-речь-высказывание»²⁴², это то, что конкретный говорящий имеет в виду под своим высказыванием. Но этот интенциональный комплекс прямо или косвенно, эксплицитно или имплицитно закодирован в языковой структуре высказывания²⁴³, а значит, требует распознавания. Устанавливаться должен «объективный смысл» высказывания, то есть тот, которым оно «обладает в восприятии непредвзятой и понимающей публики», субъективное же намерение высказывающегося решающим при определении смысла не является²⁴⁴.

Объективный смысл высказывания устанавливается, исходя из употребляемых слов, языкового контекста, а также сопутствующих высказыванию обстоятельств в той мере, в которой они были доступны адресатам²⁴⁵. При оценке высказывания с точки зрения обычного (среднего) слушателя принимаются во внимание и характеристики адресата, которому предназначалось сообщение, например, его предубежденность в том или ином вопросе.

Вместе с тем не исключены и такие ситуации, когда сообщение может быть понято даже разумным, средним слушателем (читателем) по-разному, причем такие различные

---

²⁴¹ BVerfGE93, 266. Решение Первого Сената от 10 октября 1995 г. // Избранные решения Федерального Конституционного Суда Германии / сост. Ю. Швабе, Т. Гайсслерю. М., 2018. С. 295.

²⁴² Формановская Н.И. Соотношение интенционального и пропозиционального компонентов в высказывании // Русский язык за рубежом. 1996. № 1-2-3. С. 42.

²⁴³ Кобозева И. М. К распознаванию интенционального компонента смысла высказывания // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Международной конференции «Диалог-2003». Протвино: Наука, 2003. С. 268.

²⁴⁴ BVerfGE93, 266. Решение Первого Сената от 10 октября 1995 г. // Избранные решения Федерального Конституционного Суда Германии / сост. Ю. Швабе, Т. Гайсслерю. М., 2018. С. 295.

Отметим, что Конституционный Суд ФРГ использует слово «*Sinn*», в большей степени соответствующее именно слову «смысл» в русском языке, а не «*Bedeutung*», которое ближе к русскому «значение».

²⁴⁵ Там же.

понимания могут оказаться одинаково уместными, возможными с учетом языкового контекста и других сопутствующих сообщению обстоятельств. Принципиально важным в этой связи является выработанное тем же Конституционным Судом ФРГ правило: если высказывание многозначно, то толкование его в ущерб обвиняемому возможно лишь в том случае, если все иные варианты понимания обоснованно исключены²⁴⁶. Такая позиция является справедливой, поскольку игнорирование судами одного из объективно возможных толкований фактически может приводить к наказуемости деяний, совершенных в рамках законной реализации свободы выражения мнения.

Сложности, связанные с установлением объективного смысла высказывания, на взгляд российского правоприменителя, должны сниматься с помощью судебных экспертов. Так, основной целью назначения судебной лингвистической экспертизы по рассматриваемой категории уголовных дел является установление «смыслового содержания текста или высказывания»²⁴⁷. Фактические данные об особенностях текста, а именно «смысл сообщения, имеющий значение для правовой квалификации правонарушения»²⁴⁸, или «значение сказанного»²⁴⁹, являются предметом судебной лингвистической экспертизы.

Российские судебные эксперты подчеркивают: «Анализ того, *что именно сказано*, не должен подменяться общими рассуждениями на тему *Что автор хотел этим сказать*»²⁵⁰. Речь идет об установлении речевой цели сообщения, которая **выражена** в представленном на экспертное исследование продукте речевой деятельности²⁵¹. И вроде бы в таких указаниях усматривается установка экспертов на определение именно объективного смысла представленного на экспертизу текста. Вместе с тем необходимо

---

²⁴⁶ Там же.

²⁴⁷ Расследование преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: научно-практическое пособие / под ред. докт. юрид. наук А.И. Бастрыкина. М., 2021. С. 160 (авторы параграфа – Байрамова Ф.О., Гарт И.В.).

²⁴⁸ Такое определение дается в Типовой межведомственной методике лингвистического экспертного исследования материалов экстремистской направленности. (Цит по: Кроз М.В., Ратинова Н.А. История и современное состояние экспертных исследований экстремистских материалов // Теория и практика судебной экспертизы 2016. № 3 (43). С. 150).

²⁴⁹ Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М., 2011. С. 21 (Отметим, что эксперты РФЦСЭ при Минюсте России полагают, что для задач судебной экспертизы не является принципиальным разграничение трех понятий – «смысл», «значение» и «содержание»).

²⁵⁰ Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Указ. соч. С. 21.

²⁵¹ Никишин В.Д. Теоретические и организационно-правовые аспекты судебной экспертизы материалов религиозного характера экстремистской и террористической деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 89.

обратить внимание на следующее. Эксперт, проводя исследование текста, априори ориентирован на решение вопросов, поставленных перед ним лицом, назначившим экспертизу. Эксперты отвечают на вопросы о наличии в текстах признаков побуждения, оправдания, пропаганды и проч., то есть тех **смыслов**, которые определяют преступность деяния. Но если учесть отмеченные выше особенности уяснения смысла высказываний, его вариативность, субъективный характер, то наличие в тексте «лингвистических признаков» побуждения, оправдания, убеждения в принятии каких-либо идей еще не означает, что текст объективно не может пониматься и другим образом.

Причем важно подчеркнуть, что в некоторых научных исследованиях отмечается, что в проведении экспертизы существует необходимость в тех случаях, когда призыв осуществлен «завуалированно», «с подтекстом»²⁵². Таким образом, правоприменительная ситуация уже является неоднозначной, правоприменитель же ее решение перекладывает на плечи экспертов, полагая, что те установят истинный смысл спорного текста. Но в данном случае искомой «истины» может просто не быть – текст объективно может иметь несколько альтернативных смыслов, и как указывалось выше, для начала необходимо обоснованно исключать те смыслы, которые лежат в пределах реализации свободы выражения мнения.

В связи с отмеченным полагаем, что при назначении судебной экспертизы перед экспертами необходимо ставить вопрос и о других возможных, альтернативных, смыслах текстов, являющихся объектом экспертизы. Это позволит суду дать правовую (а не лингвистическую) оценку содеянному, провести разграничение между виновным и невиновным поведением и преодолеть наблюдаемую в настоящее время тенденцию к преувеличению значимости экспертных заключений для квалификации рассматриваемых преступлений на практике.

Ярко демонстрирует указанные сложности уголовное дело по обвинению журналистки С.В. Прокопьевой в оправдании и пропаганде терроризма, возбужденное по факту трансляции в радиоэфире и последующей публикации на сайте радиостанции статьи, посвященной террористическому акту, совершенному 17-летним М. Жлобицким

---

²⁵² Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизма) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2011. С. 136.

(подорвал в себя в здании УФСБ по Архангельской области, ранив трех сотрудников службы).

В ходе производства по делу были проведены три комплексные психолого-лингвистические экспертизы, в актах которых было констатировано наличие в тексте С.В. Прокопьевой психологических и лингвистических признаков оправдания и пропаганды терроризма. Оценивая экспертные заключения, суд указал, что экспертизы проведены «экспертами разных организаций, находящихся в разных субъектах страны», их заключения «согласуются между собой», «сделаны специалистами, которые обладают специальными познаниями» и чья «компетенция сомнений не вызывает». Это позволило суду положить их в основу обвинительного приговора²⁵³.

Отметим, что в заключении одного из экспертов коммуникативной целью исследуемого текста были названы разные по содержанию виды намерения автора: «формирование позитивного эмоционально-смыслового отношения адресата к архангельскому террористу» и «демонстрация «особого», не совпадающего с общепринятым взгляда (мнения) автора на этот теракт, его причины, мотивы действий террориста»²⁵⁴.

В акте другой экспертизы отмечалось, что содержание статьи свидетельствует «об эмоциональном и гражданском отклике автора на событие», что с ее помощью автор пытался проявить «идейно-идеологическую позицию, выявить основные тенденции общественно значимого события, обусловленного историчностью использования «карательного метода» в отношении власти, вынести на широкое общественно обсуждение произошедшее событие»²⁵⁵.

Признаки оправдания терроризма эксперт, а за ним и суд, увидели в том, что автор статьи утверждала, что произошедший взрыв «лучше, чем любая колонка политолога или отчет Human Rights Watch» свидетельствует «о том, что в России нет условий для политического активизма». Эксперт посчитал, что оборот «лучше, чем» говорит о том, что в статье террористический акт позиционируется как эффективное, действенное средство влияния на власть. Эксперты и суд решили, что «описательная часть статьи

---

²⁵³ Приговор 2-го Западного окружного военного суда от 06.07.2020 по делу № 2-52/2019 // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

²⁵⁴ Там же.

²⁵⁵ Там же.

рассматривает условия возникновения события «31 октября в г. Архангельске» и формирования личности «подрывника», использовавшего метод «самоподрыва» для разговора с «властью», как исторически проверенный и эффективный метод воздействия», что является оправданием терроризма²⁵⁶.

Сторона защиты оспаривала такой вывод предоставлением суду четырех заключений специалистов – психологов и лингвистов, в которых констатировалось отсутствие в спорном тексте психологических и лингвистических признаков оправдания и пропаганды терроризма. С учетом имеющихся в деле данных суд посчитал, что указанные специалисты могут быть заинтересованы в исходе дела, а также подчеркнул, что они не имели доступа к материалам дела в необходимом объеме. Поэтому, несмотря на то, что суд исследовал заключение указанных специалистов и выслушал их показания, в приговоре не была дана оценка представленным в заключениях этих специалистов аргументов, касающихся другого, альтернативного смысла текста²⁵⁷.

Согласно материалам дела, сторона защиты настаивала на том, что подготовленная Прокопьевой статья «сводится лишь к критике государственной политики и правоохранительных органов»²⁵⁸, поскольку само по себе объяснение возможных причин и мотивов лица, совершившего террористический акт, еще не свидетельствует о том, что автор текста соглашается с его взглядами и методами. Другими словами, объективный смысл текста читателем мог быть интерпретирован иначе: автор не оправдывает террористическую деятельность и не пропагандирует идеологию терроризма²⁵⁹, относясь к ним столь же критически, как и к государственной власти, породившей, на взгляд автора, «суровое поколение» (первый абзац статьи начинался словами «Яблоко от яблони недалеко падает. Суровое государство ... соответствующее поколение граждан»²⁶⁰). В кассационной жалобе сторона защиты также обращала внимание на то, что Прокопьева

---

²⁵⁶ Там же.

²⁵⁷ Там же.

²⁵⁸ Там же.

²⁵⁹ Последующее оспаривание С.В. Прокопьевой конституционности ст. 205² УК РФ было основано на доводах о том, что «оспариваемые законоположения ... по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, позволяют ... привлекать к уголовной ответственности журналистов, информирующих общество об обстоятельствах совершения террористического акта и не выражающих при этом поддержки или одобрения как совершенного террористического акта, так и деятельности террористов» (См.: Определение Конституционного Суда РФ от 31.03.2022 № 804-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Прокопьевой Светланы Владимировны на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 205² Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»).

²⁶⁰ Приговор 2-го Западного окружного военного суда от 06.07.2020 по делу № 2-52/2019 // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

«как представитель СМИ, наделенная особым статусом журналиста ... вправе прибегать к некоторым преувеличениям и даже провокациям», ссылаясь на тогда юридически значимые для России правовые позиции Европейского Суда по правам человека²⁶¹.

Отмечая важность установления объективного смысла высказываний, подчеркнем, что общественная опасность рассматриваемых деяний не может связываться исключительно с лингвистическими конструкциями передаваемых сообщений. Необходимо оценить их влияние на состояние общественной безопасности посредством учета контекстуальных обстоятельств. В данном случае ими могли являться личность автора, аудитория, к которой он обращался, общая целевая направленность передачи радиостанции, в рамках которой состоялось выступление.

В этом смысле практика Европейского Суда давно высветила эту центральную проблему уголовных преследований за «террористические высказывания»: национальные власти нередко придают излишнее значение используемым словам и не уделяют должного внимания общему контексту, в котором они произносятся, и их возможному влиянию²⁶². Напомним, что и Конституционный Суд РФ указывает на необходимость при оценке характера информации учитывать фактические обстоятельства конкретного дела: форму и содержание информации, ее адресатов и целевую направленность, общественно-политический контекст, наличие реальной и серьезной угрозы провоцирования терроризма вследствие содеянного²⁶³.

В конечном счете задача правоприменителя состоит не просто в том, чтобы установить объективный смысл распространенного сообщения, а определить, способно ли оно повлиять на убеждения и последующее поведение адресатов и в какой степени. При этом целям оценки вероятности того, что распространенное сообщение окажет воздействие на других лиц, служат как содержание высказывания, так и контекст, в котором оно имело место.

---

²⁶¹ Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 06.07.2021 по делу №222-УД21-22-А6 // URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2013734. Отметим, что в ряде своих постановлений Европейский Суд действительно отмечает, что журналистам должна быть разрешена некоторая степень преувеличения или даже провокации, оговаривая, что они также имеют «обязанности и ответственность» и должны действовать добросовестно и в соответствии с журналистской этикой.

²⁶² Cengiz I.F. Legal Response to 'Terrorist Speech': a Critical Evaluation of the Law in Turkey in Light of Regional and International Standards / submitted for the degree of Doctor of Philosophy University of East Anglia UEA Law School, 2016. P. 148-149.

²⁶³ Определение Конституционного Суда РФ от 21.09.2017 № 1797-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дильмухаметова Айрата Ахнафовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 47 и частью первой статьи 205² Уголовного кодекса Российской Федерации».

Большое значение контексту придает Комитет по правам человека ООН, устанавливая, могли ли высказывания «существенно повлиять на поведение» и оправдано ли «ограничение свободы выражения мнения в целях защиты интересов безопасности»²⁶⁴. Так, в Соображениях, принятых Комитетом по итогам рассмотрения индивидуальной жалобы нескольких граждан Республики Корея, осужденных национальным судом за восхваление, поощрение, пропаганду деятельности антигосударственной организации, Комитет указал, что он учитывает не только особо серьезный характер высказываний авторов на разных мероприятиях, но и их руководящую роль, конкретный контекст, в котором оказалось государство-участник (имелись в виду периоды эскалации напряженности с Корейской Народно-Демократической Республикой, которая за три дня до одного из пропагандистских выступлений осужденных угрожала превратить «пять островов Западного моря в море огня», а спустя несколько дней после другого – выпустила пять ракет)²⁶⁵.

Современные исследователи предпринимают попытки сформировать модели оценки рисков, которые бы позволили определить, какие типы речевых актов, имеющих место в тех или иных условиях, с наибольшей вероятностью могут спровоцировать насильственные действия²⁶⁶. Р.Э. Уилсон отмечает, что несмотря на то, что подобные модели оценки рисков не исключают субъективности мнений специалистов, тем не менее они позволяют сделать более объективными аргументы о степени влияния тех или иных высказываний на поведение человека в целях привлечения к уголовной ответственности за публичное подстрекательство²⁶⁷.

Этой цели в российской судебно-следственной практике, как можно полагать, призваны служить заключения экспертов-психологов. Вместе с тем анализ актов комплексных судебных психолого-лингвистических экспертиз по изученным уголовным

---

²⁶⁴ Комитет по правам человека ООН. Соображения, принятые Комитетом в соответствии с пунктом 5 статьи 4 Факультативного протокола относительно сообщения № 2809/2016, представленного Ли Сок Ки, Ким Хон Ёлом, Ли Сан Хо, Хон Сун Соком, Хан Тон Куном, Чжо Лян Воном и Ким Кын Рэ, от 17 июля 2021 г. № ССРР/С/130/D/2809/2016 // URL: <https://juris.ohchr.org/casedetails/3279/en-US>

²⁶⁵ Отметим, что четверо членов Комитета (Г.Зюбери, С. Фуруя, А. Циммерман, Э. К. Кабрера) высказали частично несогласные мнения, посчитав, что осуждение авторов жалобы в части обвинения в исполнении песни «Товарищи по революции» нарушило ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, поскольку государство-участник не смогло продемонстрировать «существование прямой и непосредственной связи между исполнением песни и предполагаемой угрозой».

²⁶⁶ Об этом см.: Benesch S. Dangerous speech // Challenges and perspectives of hate speech research / C. Strippel, S. Paasch-Colberg, M. Emmer, & J. Trebbe (Eds.). Berlin, 2023. P. 189-191; Wilson R.A. Incitement on Trial: Prosecuting International Speech Crimes. Cambridge, 2017. P. 263-265.

²⁶⁷ Wilson R.A. Op. cit. P. 264-265.

делам позволяет согласиться с Е.И. Галяшиной, которая отмечает, что психологическая их часть фактически базируется на результатах лингвистического анализа²⁶⁸, таким образом, чаще всего не привнося ничего нового в результаты экспертного исследования. Как отмечают другие специалисты, такие экспертные суждения зачастую превращаются в изложение субъективного мнения о вероятном воздействии текста на адресатов²⁶⁹.

Полагаем, что вопросы, которые формулируются к эксперту-психологу не должны ограничиваться лишь общим вопросом о наличии в представленном на экспертизу материале психологических признаков побуждения, оправдания и т.д. Необходимо обращаться к судебной экспертизе для того, чтобы эксперт, основываясь на достижениях науки, мог пояснить суду, какие обстоятельства совершения деяния свидетельствуют о достоверной вероятности влияния тех или иных высказываний на убеждения или поведение адресатов. Для решения этих вопросов возможно и привлечение экспертов других специальностей, например, социологов, на исследования которых опирался упомянутый выше Р.Э. Уилсон.

Важно отметить, что оптимизм относительно возможности объективной оценки рисков не может не наталкиваться на то обстоятельство, что «расчет рисков не изолирован от социальной и политической среды, в которой он производится»²⁷⁰. Как замечают Э. Эшворт и Л. Зеднер, «что именно воспринимается как опасное в определенный момент времени, отчасти является вопросом социальной конструкции, восприимчивой к изменениям в терпимости общества и меняющимся представлениям о том, что представляет угрозу»²⁷¹. Кроме того, «риск – это еще и политическая конструкция, определяемая приоритетами государственной политики, политическим климатом и изменениями в официальных взглядах на основные угрозы общественной и государственной безопасности»²⁷².

Подводя итог, полагаем возможным сделать следующие выводы.

---

²⁶⁸ Галяшина Е.И. Экспертиза экстремистских материалов: проблемы методического и информационного обеспечения // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 7 (47). С. 30. То же мнение см.: Никишин В.Д. Теоретические и организационно-правовые аспекты судебной экспертизы материалов религиозного характера экстремистской и террористической деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 75.

²⁶⁹ Назарова Т.В., Громова А.В. Возможности современной лингвистической экспертизы, проводимой в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации // Эксперт-криминалист. 2017. № 4. С. 27.

²⁷⁰ Ashworth A., Zedner L. Preventive Justice. Oxford, 2014. P. 119.

²⁷¹ Ibid.

²⁷² Ibid.

Опасность осуществления террористической деятельности другими лицами связывается со способностью того или иного высказывания убеждать, направлять аудиторию, побуждать к совершению или несвершению каких-либо действий. Отмеченная практическая сила высказывания порождается прежде всего заложенным в нем коммуникативным намерением и его (сообщения) контекстом. С одной стороны, на основании коммуникативного намерения и контекста уясняется смысл самого сообщения, с другой, – оценивается его потенциальное воздействие на других лиц.

Установлению подлежит объективный смысл высказывания, то есть тот, которым оно обладает в восприятии непредвзятой и понимающей публики. Объективный смысл высказывания определяется, исходя из употребляемых слов, языкового контекста, сопутствующих высказыванию обстоятельств, в той мере в которой они были доступны адресатам, в том числе характеристик самого адресата.

Если высказывание многозначно, то толкование его в ущерб обвиняемому возможно лишь в том случае, если все иные варианты понимания обоснованно исключены. С учетом того значения (часто преувеличенного), которое придается правоприменительной практикой заключениям экспертов-лингвистов, перед ними необходимо ставить вопросы обо всех объективно возможных, альтернативных смыслах текстов, являющихся объектом судебной экспертизы.

При прямом подстрекательстве к совершению преступлений оказание опасного воздействия на других принято связывать прежде всего с содержанием распространяемого обращения. При оценке опасности, порождаемой сообщениями, в которых прямо не выражено намерение побудить других лиц к осуществлению террористической деятельности, более важное значение приобретает контекст высказывания. Вопросы, которые в связи с этим формулируются к эксперту-психологу не должны ограничиваться лишь общим вопросом о наличии в представленном на экспертизу материале психологических признаков побуждения, оправдания и т.д. Необходимо обращаться к судебной экспертизе для того, чтобы эксперт, основываясь на достижениях науки (речь может идти не только о психологии, но и социологии), мог пояснить суду, какие обстоятельства совершения деяния свидетельствуют о достоверной вероятности влияния тех или иных высказываний на убеждения или поведение адресатов.

ГЛАВА 2. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ И (ИЛИ) МАТЕРИАЛОВ КАК ДЕЯНИЕ, ОБРАЗУЮЩЕЕ ОБЪЕКТИВНУЮ СТОРОНУ ПУБЛИЧНЫХ ПРИЗЫВОВ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПУБЛИЧНОГО ОПРАВДАНИЯ И ПРОПАГАНДЫ ТЕРРОРИЗМА

§ 2.1. Понятие распространения информации и (или) материалов в определении пропаганды терроризма

Согласно примечанию 1¹ к ст. 205² УК РФ, «под пропагандой терроризма понимается деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности».

Информация и материалы зачастую рассматриваются как предмет предусмотренного ст. 205² УК РФ преступления, то есть как «материальное или нематериальное явление, путем воздействия на которое причиняется вред или создается угроза причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны»²⁷³. Вместе с тем более важным представляется то, что в этих случаях информация, в том числе содержащаяся в материалах, сама воздействует на других лиц, а посредством этого и на объект преступления²⁷⁴, и в этом смысле схожа со средством совершения преступления²⁷⁵. Недаром преступные пропаганда и призывы нередко определяются в научных исследованиях как «воздействие» или как «форма психического воздействия»²⁷⁶. В научных работах встречается также мнение, согласно которому материалы в подобных преступлениях необходимо рассматривать как орудия их совершения²⁷⁷.

---

²⁷³ Анисимова И.А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: особенности предмета и объективной стороны преступления // Российско-азиатский правовой журнал. 2020. № 4. С. 4.

²⁷⁴ На это обращает внимание А.Г. Хлебушкин применительно к составу публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности. (См.: Хлебушкин А.Г. Преступления экстремистской направленности в системе посягательств на основы конституционного строя Российской Федерации. Вопросы квалификации и судебная практика: монография / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2020. С. 50).

²⁷⁵ Вместе с тем отметим, что большинство исследователей полагают, что средством могут являться лишь предметы материального мира. (См.: Малинин В.Б., Парфенов А.Ф. Объективная сторона преступления. СПб., 2004. С. 219).

²⁷⁶ Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2006. С. 275; Пудовочкин Ю.Е. Преступления против безопасности государства. М., 2009. С. 75; Фридинский С.Н. Указ. соч. С. 134; Шибзухов З.А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 96.

²⁷⁷ Кунов И.М. Уголовно-правовое противодействие распространению криминогенной информации: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. С. 57.

В связи с дискуссионностью рассматриваемого вопроса нельзя не напомнить и мнение А.А. Пионтковского, который полагал, что предмет преступления и вовсе не относится к объекту, являясь принадлежностью объективной стороны преступления²⁷⁸. Заметим, что отделить информацию (материалы) от самого действия по распространению можно в определенной степени лишь условно: вряд ли можно говорить о распространении вообще, без указания на то, что именно распространяется. Особенно очевидной эта неразрывная связь становится в случаях распространения информации посредством устного выступления.

Указание в определении пропаганды терроризма на материалы одновременно с информацией было раскритиковано отдельными авторами. Так, Г.Л. Москалев полагает, что информация, обладающая соответствующей направленностью, охватывается ст. 205² УК РФ «вне зависимости от того, в каком материале она содержится», а потому указание на материалы должно быть исключено из примечания 1¹ к ст. 205² УК РФ²⁷⁹.

Обычно в уголовном законе указывается на распространение или *информации* (ст. 110², ч. 3 ст. 137, ст. 207¹–207³ УК РФ), или *сведений* (ст. 128¹, ч. 1, 2 ст. 137, ст. 185³, 354¹ УК РФ). Разница между понятиями «информация» и «сведения» в принципе существует, но вряд ли имеет серьезное практическое значение для применения уголовного законодательства. Показательно, что Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определяет информацию как «сведения (сообщения, данные)»²⁸⁰. В некоторых исследованиях отмечается, что информация является более универсальной категорией²⁸¹, сведения же – это одна из организационных ее форм, которая характеризуется тем, что из потока информации выделяются определенные характеристики, параметры какого-либо объекта в соответствии с решаемыми задачами²⁸².

---

²⁷⁸ Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права. Общая часть. М., 1961. С. 141.

²⁷⁹ Москалев Г.Л. Пропаганда терроризма (ст. 205² УК РФ) // Национальная безопасность / nota bene. 2018. № 6. С. 82.

²⁸⁰ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023 № 588-ФЗ) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», ст. 2 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=8&nd=102108264&intelsearch.

²⁸¹ Смушкин А.Б. О необходимости закрепления в уголовно-процессуальном законе трактовки основных информационных категорий // Криминалист. 2022. № 1 (38). С. 103.

²⁸² Плешкевич Е.А. Новая редакция федерального закона об информации: терминологический аспект // Научно-техническая информация. Серия 1. Организация и методика информационной работы. 2007. № 6. С. 14-15.

В ст. 273, 274¹ УК РФ криминализировано распространение особого вида информации – компьютерной, в том числе компьютерных программ (вредоносных). Но и в этом случае под информацией законодатель понимает сведения (сообщения, данные), указывая на представление их в особой форме электрических сигналов (примечание 1 к ст. 272 УК РФ).

Указание на распространение материалов содержится, помимо ст. 205² УК РФ, в примечании 4 к ст. 281³ УК РФ²⁸³, а также в ст. 242, 242¹ УК РФ. В последних двух случаях речь идет о порнографических материалах, которые упоминаются в указанных статьях наряду с порнографическими предметами. И хотя некоторые исследователи констатируют, что судебная практика в этих случаях под материалом понимает информацию, а под предметом – ее носитель²⁸⁴, думается, такое представление небесспорно. Тот же автор отмечает, что целый ряд специалистов считают понятия порнографических материалов и предметов равнозначными по содержанию²⁸⁵. Представляется, что в данном случае и предметы, и материалы являются носителями определенного содержания (информации), и в этом смысле могут быть уравнены. Но если в первом случае информация заключена во внешней форме носителя, то во втором случае она содержится внутри него. Кроме того, как будет показано в последующих параграфах работы, различие материалов и информации в ст. ст. 242, 242¹ УК РФ, строго говоря, не проводится.

Полагаем, что традиционно под материалами понимаются материальные носители информации – вещи (видеокассеты, диски, флеш-накопители, печатная продукция и т.д.). Вместе с тем, когда речь идет о распространении материалов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, такое определение нуждается в уточнении. Это связано с тем, что, несмотря на то, что в этих случаях отсутствует носитель информации, облеченный в материальную форму, то есть материал в привычном его понимании, тем не менее, законодательство и судебная практика продолжает оперировать термином «материал», когда речь идет о размещении какой-

---

²⁸³ В указанном примечании дается определение еще одному виду пропаганды (пропаганды диверсии), почти дословно воспроизводящее основную часть формулировки примечания 1 к ст. 205² УК РФ.

²⁸⁴ Зафирная М.М. Преступления в сфере оборота порнографических материалов и предметов: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 86.

²⁸⁵ Там же. С. 84.

либо информации в сети «Интернет»²⁸⁶. Подробнее об этом пойдет речь в одном из следующих параграфов работы.

Для того чтобы ответить на вопрос, имеет ли какой-то смысл указание в примечании 1¹ к ст. 205² УК РФ и на материалы, и на информацию, следует прежде всего определиться с понятием их распространения.

Несмотря на то, что распространение информации или материалов прямо указано в качестве признака объективной стороны в более чем десяти составах преступлений, законодательного определения этому понятию не дается. Иногда содержание указанного признака раскрывается в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ применительно к конкретным составам преступлений. Имеющиеся в ряде федеральных законов определения распространения той или иной информации не обязательно носят бланкетный для уголовного закона характер, да к тому же различаются между собой. Это не просто усложняет стоящую перед правоприменителем задачу уяснения смысла термина «распространение», но и во многом способно значительно запутать при ее решении.

Так, целый ряд законов исходит из различения понятий «распространение» и «предоставление», первое из которых предполагает доведение информации до сведения неопределенного, а второе – определенного круга лиц²⁸⁷. Такой подход соответствует значению слова «распространить» в русском языке, которое предполагает многих адресатов: «сообщать, доводить до сведения многих», «сделать доступным, известным для многих»²⁸⁸.

Если часть таких законов определено не могут в силу предмета правового регулирования иметь бланкетный характер для запрета, предусмотренного ст. 205² УК РФ, то аналогичный вопрос относительно Федерального закона «Об информации,

---

²⁸⁶ См., например: ч. 1 ст. 1253.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024 № 4-ФЗ); ч. 1 ст. 265.7 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 06.04.2024 № 74-ФЗ); Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 13.09.2018 № 205-АПУ18-23 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁸⁷ См. определения соответствующих понятий: п. 8), 9) ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023 № 588-ФЗ) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; п. 5), 6) ст. 3 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 06.02.2023 № 8-ФЗ) «О персональных данных» // URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102108261>; п. 4), 5) ст. 2 Федерального закон от 27.07.2010 № 224-ФЗ (ред. от 25.12.2023 № 631-ФЗ) «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102140499>

²⁸⁸ Толковый словарь Ожегова онлайн // URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=26428>; Толковый словарь Ушакова онлайн // URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=64638>

информационных технологиях и о защите информации» требует более внимательного рассмотрения. С одной стороны, Пленум Верховного Суда РФ требует от судов учитывать положения указанного закона при решении вопроса об использовании электронных или информационно-телекоммуникационных сетей при совершение преступлений²⁸⁹. С другой стороны, он же указывает, что для целей уголовного законодательства понятие информационно-телекоммуникационных сетей тождественно понятию электронных сетей²⁹⁰, хотя это вряд ли вытекает из названного закона. Подобная избирательность связана с существующими правилами толкования иноотраслевых терминов, используемых в УК РФ: если судебная практика считает необходимым наполнить то или понятие своим содержанием для целей уголовной ответственности, она будет (и будет вправе) это делать²⁹¹.

В связи с этим нужно признать, что определение распространения информации, как доведение ее до сведения *неопределенного* круга лиц, не вписывается в общий контекст тех положений российского уголовного закона, которые касаются криминального распространения информации. Например, в ст. 128¹, 137 УК РФ наряду с распространением упоминается распространение в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации, а в ст. 207¹ – 207³ УК РФ криминализовано лишь «публичное распространение» соответствующей информации. Таким образом, в тех случаях, когда законодатель считает необходимым ограничить распространение информации передачей ее лишь широкому кругу получателей, он упоминает публичный характер распространения. Той же логики рассуждений придерживается и Пленум Верховного Суда РФ, который применительно к ст. 137, 242, 273 УК РФ указывает в качестве получателей при распространении информации или материалов как неопределенный, так и определенный круг лиц, в том числе одного человека²⁹².

---

²⁸⁹ См.: п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁹⁰ См.: п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»» // СПС «КонсультантПлюс»

²⁹¹ Есаков Г.А. Экономическое уголовное право: Общая часть. М., 2019. С. 49.

²⁹² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)», п. 3; Постановление Пленума Верховного

Кроме того, определение распространения информации в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», строго говоря, не может быть применено к распространению материалов. Аналогичное мнение высказывалось Конституционным Судом РФ применительно к понятию распространения порнографических материалов в ст. 242 УК РФ²⁹³.

А.А. Кунашев обращает внимание и на то, что сам текст примечания 1¹ к ст. 205² УК РФ («формирование у лица») дает основания полагать, что распространение информации и материалов может осуществляться и в отношении одного человека²⁹⁴. Разделяет эту позицию и Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ²⁹⁵.

Таким образом, определение распространения информации, данное в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в силу озвученных обстоятельств не может быть принято в качестве определяющего содержание признаков состава преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ. Понятие «распространение» в определении пропаганды терроризма не исключает, что потенциальным получателем соответствующих материалов или информации может являться не только неопределенный, но и определенный круг лиц (конкретное лицо или группа лиц).

Распространение информации или материалов, вне зависимости от того, осуществляется ли оно в отношении одного, нескольких или многих людей, подразумевает по своей сути «расширение круга лиц»²⁹⁶, обладающих соответствующей информацией или материалами, и тем самым увеличение числа тех, кто потенциально

Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»», п. 11, 22 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁹³ Конституционный Суд РФ указал: «Нормы ... Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», разделяя понятия «распространение информации» и «предоставление информации», относятся именно к информации и не предопределяют содержание и объем названного уголовно-правового запрета». (См.: Определение Конституционного Суда РФ от 19.07.2016 № 1746-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Королева Дмитрия Ивановича на нарушение его конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 242 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»).

²⁹⁴ Кунашев А.А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: уголовно-правовой анализ и вопросы квалификации // Уголовное право. 2018. № 6. С. 88.

²⁹⁵ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

²⁹⁶ Баринов С.В. Распространение сведений о частной жизни как способ совершения преступления // Российский следователь. 2015. № 8. С. 15–19 // СПС «КонсультантПлюс». Заметим также, что в Толковом словаре В.И. Даля «распространить», «распространять» определяется как «расширять, увеличивать объем». (См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том IV. М., 1995. С. 71).

может попасть под воздействие террористической пропаганды, воспринять соответствующую идеологию. Поэтому, например, сообщение ранее уже публиковавшейся информации или передача материалов, находящихся в свободном доступе, также могут быть квалифицированы как пропаганда терроризма²⁹⁷.

В этом смысле термин «распространение» является более широким по содержанию нежели понятия «обнародование» или «опубликование»²⁹⁸, которые иногда употребляются в законодательстве для обозначения действий, которыми какая-либо информация *впервые* доводится до сведения публики²⁹⁹.

Обратимся к часто цитируемому в специальной литературе разъяснению Пленума Верховного Суда РФ о понятии распространения сведений, порочащих честь и достоинство или деловую репутацию граждан или юридических лиц. Под ним предлагается понимать «опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телевидению, демонстрацию в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, распространение в сети Интернет, а также с использованием иных средств телекоммуникационной связи, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в той или иной, в том числе устной, форме хотя бы одному лицу»³⁰⁰. Фактически в данном разъяснении содержится перечисление различных способов и

---

²⁹⁷ Отметим, что судебная практика по уголовным делам о распространении порнографических материалов нередко исходила из того, что умысел на распространение отсутствует, если на момент предоставления обвиняемым доступа к материалам другим лицам такие материалы уже были распространены в сети «Интернет» и находились в свободном доступе (См., напр.: определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 24.03.2020 № 77-291/2020; определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22.04.2021 № 77-1259/2021; определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 02.03.2021 № 77-995/2021; кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10.07.2019 № 16-УД19-7 // СПС «КонсультантПлюс»). На сегодняшний день Пленум Верховного Суда РФ разъясняет: «при квалификации действий лица, связанных с распространением ... материалов ... не имеет значения факт нахождения таких материалов в свободном доступе на момент совершения указанных деяний» (п. 22, абз. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // СПС «КонсультантПлюс»).

²⁹⁸ В ряде законов эти два понятия употребляются как взаимозаменяемые, что подчеркивается указанием одного из них в скобках – «опубликование (обнародование)», «обнародование (опубликование)». См.: Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 11.03.2024 № 42-ФЗ) «О средствах массовой информации», ст. 57 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102013812#Ю; Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», ст. 13 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102126522>

²⁹⁹ См. статью 1268 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024 № 4-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102110716>

³⁰⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // СПС «КонсультантПлюс».

средств распространения, но остается не ясным, выделены ли в нем основные, ключевые характеристики действия, лежащего в основе распространения сведений (информации). Ведь любая дефиниция предполагает прежде всего указание существенных и необходимых признаков описываемого явления, чаще всего отражаемых в обобщенной форме. Кроме того, если указанное разъяснение содержит определение, то в нем допущена известная ошибка – определение через то же самое понятие (*definition per idem*): «под распространением сведений ... следует понимать ... распространение в сети Интернет». Полагаем в связи со сказанным, что избранный Пленумом перечневый подход к определению понятия небезупречен, хотя отдельные специалисты считают его «наиболее полным» и потому удачным, в том числе для целей уголовно-правовой квалификации³⁰¹.

Отмеченные несовершенства связаны в том числе с тем, что формулирование единого, универсального определения понятия «распространение материалов и (или) информации» вряд ли возможно. Распространение информации и (или) материалов с использованием средств массовой информации (СМИ), а также информационно-телекоммуникационных сетей (ИТС) должно определяться в качестве самостоятельных понятий. Это объясняется особенностями распространения информации и (или) материалов указанными способами. В связи с этим в следующих параграфах настоящей главы понятия распространения информации и (или) материалов с использованием СМИ и ИТС будут рассмотрены отдельно.

Если исключать указанные случаи распространения информации и материалов, то при выработке дефиниции **распространения информации** следует обратиться к определению, которое предлагает Пленум Верховного Суда РФ применительно к составу преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ: «сообщение (разглашение) сведений одному или нескольким лицам в устной, письменной или иной форме и любым способом...»³⁰². В качестве общей характеристики действия, лежащего в основе распространения сведений, составляющих личную тайну, здесь используется два понятия – сообщение и разглашение. Осталось неясным, существует ли, по мнению Пленума,

---

³⁰¹ Баринов С.В. Указ. соч.

³⁰² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)», абз. 2 п. 3 // СПС «КонсультантПлюс».

разница между ними или они должны восприниматься как синонимичные. Возможно, такой подход связан с желанием компенсировать наблюдаемую терминологическую рассогласованность уголовного закона, в котором применительно к различным видам тайн чаще применяется термин «разглашение», а не «распространение», как в ст. 137 УК РФ. Несмотря на то, что для целей уголовно-правового регулирования эти два понятия могут быть названы идентичными по своей правовой природе и содержанию³⁰³, все же согласимся с теми, кто полагает, что понятие «разглашение» более уместно употреблять применительно к распространению информации, носящей конфиденциальный характер³⁰⁴.

«Сообщить» или «сообщать» означает также передавать (информацию)³⁰⁵. Думается, что эти два термина («сообщение» и «передача») наиболее удачно передают значение, которое вкладывается в понятие распространения информации в примечании 1¹ к ст. 205² УК РФ. Распространение информации – это сообщение или передача информации другому лицу или другим лицам. Причем, на наш взгляд, в то время как термин «сообщение» более тесно связан с непосредственным источником информации, понятие «передача» акцентирует внимание на процессе доведения информации до адресата. Такое различие может быть положено в основу решения вопроса о квалификации действий лиц в ситуации, когда одно из них сообщает определенную информацию, а другое доводит ее до адресата. Например, автор письменного сообщения (при осведомленности о том, что его сообщение будет обнародовано) и лицо, его зачитывающее, могут рассматриваться как лица, распространяющие информацию.

При формулировании определения распространения информации важно отразить в нем момент окончания преступного деяния. На этот счет высказываются разные мнения. Так, применительно к ст. 137 УК РФ одни исследователи полагают, что для того, чтобы распространение сведений о частной жизни было окончено, восприятия информации получателем не требуется³⁰⁶, другие – настаивают на обратном³⁰⁷. Та же дискуссия

---

³⁰³ Гутник С.И. Уголовно-правовая характеристика преступных посягательств в отношении персональных данных: Дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2017. С. 167-168.

³⁰⁴ Баринов С.В. Указ. соч.

³⁰⁵ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том IV. М., 1995. С. 271.

³⁰⁶ Ефремова М.А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2017. С. 176.

³⁰⁷ Юрченко И.А. Нарушение неприкосновенности частной жизни // Черные дыры в российском законодательстве. 2002. № 2 // URL: <http://www.k-press.ru/bh/2002/2/ryurchenko/ryurchenko.asp>

существует, например, относительно распространения порочащих сведений в составе клеветы³⁰⁸.

С одной стороны, такое деяние, как разглашение (распространение), предполагает неразрывную связь со своим результатом – ознакомлением другого лица (лиц) с разглашаемыми (распространяемыми) сведениями. Формальные конструкции составов преступного распространения информации связаны в первую очередь с тем, что последствия таких деяний являются очень разнообразными, а их установление в ряде случаев может представлять сложность с процессуальной точки зрения³⁰⁹. Вместе с тем указанные последствия наверняка отсутствуют, если та или иная информация не стала достоянием третьих лиц, а значит, речь в таких случаях должна идти о неоконченном преступлении.

С другой стороны, когда информация распространяется среди неопределенного круга лиц, довольно затруднительно, да и нелогично, говорить об ознакомлении с информацией лиц, круг которых не определен. Кроме того, в подобных случаях существует обоснованное предположение о том, что информация была наверняка воспринята кем-либо. Поэтому, когда распространение было совершено в отношении неопределенного круга лиц, то оно должно считаться оконченным в момент, когда информация стала фактически *доступной* такому кругу лиц для ознакомления. Это позволит, кроме того, отразить реальную общественную опасность преступного публичного распространения, не создавая часто не соответствующее действительности впечатление, что с той или иной информацией ознакомились один или два человека, которые выступают свидетелями по уголовному делу.

Таким образом, распространение информации для целей ст. 205² УК РФ может быть определено следующим образом: это сообщение или передача информации другому лицу или другим лицам, в результате которой информация становится известной хотя бы одному из них, либо сообщение или передача информации неопределенному кругу лиц, в результате которой информация становится доступной такому кругу лиц.

---

³⁰⁸ Арямов А.А., Пономаренко В.С. Механизм уголовно-правовой защиты чести и достоинства. М., 2010. С. 172-173; Ной И.С. Охрана чести и достоинства личности в советском уголовном праве. Саратов, 1959. С. 51-52; Чередниченко Е.Е. Клевета и оскорбление: уголовно-правовой анализ. М., 2010. С. 37.

³⁰⁹ Энциклопедия уголовного права. Т. 4. Состав преступления. СПб., 2005. С. 40-41 (автор главы – Кудрявцев В.Н.).

Определяя понятие **распространения материалов**, подчеркнем, что речь идет о действиях, сущностью которых является обеспечение доступа других лиц к материальному носителю информации. То есть распространение материала – это передача другим лицам в первую очередь материального носителя, а не просто содержащейся в нем информации. Поэтому, например, зачитывание листовки, вывешивание плаката или выставление на всеобщее обозрение раскрытой книги не может рассматриваться как распространение материалов. Момент окончания распространения материалов, на наш взгляд, должен связываться с фактической передачей материального носителя другому лицу, появлением у такого лица возможности постоянного или временного владения им.

Публичный характер распространения материалов имеет место в том случае, если последние передаются неопределенному числу лиц, что предполагает прежде всего большое количество получателей множества экземпляров того или иного материала, а также отсутствие у виновного контроля за дальнейшим его распространением. В связи с последним можно признать, что публичность распространения материала имеет место и в тех случаях, когда он передается даже одному лицу при обстоятельствах, которые свидетельствуют о том, что от указанного лица нельзя ожидать последующего конфиденциального обращения с указанным материалом, то есть когда виновное лицо не может контролировать дальнейшую передачу такого материала другим лицам. Обоснованный же расчет на предотвращение обращения материала среди многих лиц может свидетельствовать об отсутствии умысла на публичное распространение.

Таким образом, распространение материалов – это передача материалов другому лицу или другим лицам, в результате которой хотя бы одно лицо получило такой материал (стало его обладателем). Материалы считаются распространенными публично, когда результатом передачи материалов одному, нескольким или неопределенному числу лиц является неконтролируемый виновным доступ неопределенного числа лиц к указанным материалам.

Возвращаясь к вопросу о целесообразности упоминания в определении пропаганды и информации, и материалов, отметим следующее. Полагаем, что такое «дублирование» в примечании 1¹ к ст. 205² УК РФ может приобретать смысл, если учитывать момент окончания преступления, связанного с распространением. Например, распространение

материалов, если оно осуществляется в отношении определенного круга лиц, окончено, когда материал получен хотя бы одним лицом, вне зависимости от того, ознакомился ли получатель с содержащейся в материале информацией, тогда как распространение *информации* среди тех же лиц, чтобы считаться оконченным преступным деянием, требует такого ознакомления.

Необходимо отметить еще одно обстоятельство. Пропаганда терроризма определяется в уголовном законе как *деятельность* по распространению информации и (или) материалов, что позволяет исследователям утверждать, что эта форма преступного поведения, предусмотренного ст. 205² УК РФ, характеризуется совершением нескольких, то есть совокупностью (комплексом, системой) действий³¹⁰. Причем действия в рамках пропаганды могут быть направлены и на одно лицо (одного получателя информации или материалов), но тем не менее требуется, чтобы они носили системный характер.

Такое понимание находит отражение и в судебной практике. Так, Дальневосточным окружным военным судом пропаганда терроризма была исключена из обвинения со ссылкой на то, что действия подсудимого «не носили системного характера». Апелляционная инстанция, хотя и нашла вывод суда противоречащим материалам дела (осужденный в течение трех дней разместил в социальной сети два поста и два комментария к ним), но, как можно понять из апелляционного определения, не стала прямо оспаривать сам подход к толкованию пропаганды как системных действий³¹¹. Тем не менее, нужно признать, что такая судебная практика устойчивой не является: суды признают пропагандой терроризма и однократное распространение информации (материала)³¹².

Понятие «*деятельность*» является недостаточно разработанной категорией в уголовном праве³¹³, что затрудняет толкование соответствующего признака пропаганды

---

³¹⁰ Ковлагина Д.А. Актуальные проблемы квалификации и применения ст. 205² УК РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Том. 13. № 5. С. 154; Маторин М.А., Маторина Ю.Н. Проблемы квалификации публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма или пропаганды терроризма // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 3 (52). С. 75; Преступления террористической направленности: научно-практический комментарий к нормам УК РФ / под ред. П.В. Агапова. М., 2019. С. 44.

³¹¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 225-АПУ19-1 // СПС «КонсультантПлюс».

³¹² См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 26.06.2019 № 201-АПУ19-22; Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 26.10.2021 № 222-УД21-39-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

³¹³ См.: Бойко А.И. Преступное бездействие. СПб., 2005. С. 171-189; Малинин В.Б., Парфенов А.Ф. Указ. соч. С. 46-50.

терроризма. Можно лишь предполагать, что законодатель не случайно определил пропаганду как «деятельность по распространению», а не как «распространение», то есть вкладывал определенный смысл в такую формулировку. В этом случае нужно признать, что уголовную ответственность за однократное распространение соответствующей информации (материалов) законодатель не установил.

Тем не менее, считая невозможным игнорировать избранную законодателем формулировку, присоединимся к тем исследователям, которые полагают, что пропаганда терроризма характеризуется совершением лицом нескольких действий по передаче (сообщению) информации и (или) материалов определенного содержания. Определение пропаганды как деятельности предполагает, что указанные действия образуют систему, будучи направленными на выполнение одной и той же задачи, реализацию одной и той же цели. При этом поскольку с момента совершения первого действия по распространению информации и (или) материалов деятельность уже начинает реализовываться, пропаганда терроризма должна считаться оконченным преступлением с момента осуществления первого акта распространения, но в этом случае требуется установить, что в намерение лица входило дальнейшее осуществление тождественных действий.

Изложенное в настоящем параграфе позволяет сделать следующие выводы.

Признак распространения информации и (или) материалов в составе пропаганды терроризма не является бланкетным и должен пониматься как любое расширение круга лиц, которые потенциально могут попасть под воздействие такой пропаганды, что предполагает, что информация и (или) материалы передаются как определенному, так и неопределенному кругу лиц.

Под информацией в уголовно-правовой доктрине и судебной практике обычно понимаются сведения (сообщения, данные), под материалами – материальные носители информации (видеокассеты, диски, флеш-накопители, печатная продукция и т.д.). Вместе с тем, когда речь идет о распространении информации и материалов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, указанные определения нуждаются в уточнении, что требует отдельного рассмотрения.

Несмотря на встречающееся мнение о нецелесообразности упоминания в определении пропаганды терроризма распространения как информации, так и

материалов, такое законодательное указание может иметь квалификационное значение, если учитывать момент окончания преступления, связанного с распространением.

Под распространением информации следует понимать передачу (сообщение) информации другому лицу или другим лицам, в результате которой (которого) информация становится известной хотя бы одному из них (непубличное распространение), либо передачу (сообщение) информации неопределенному кругу лиц, в результате которой (которого) информация становится доступной такому кругу лиц (публичное распространение).

Распространение материалов – это передача материалов другому лицу или другим лицам, в результате которой хотя бы одно лицо получило, стало обладателем таких материалов (непубличное распространение), либо передача материалов одному, нескольким или неопределенному числу лиц, в результате которой материалы становятся доступными неопределенному кругу лиц (публичное распространение).

При этом распространение информации и (или) материалов с использованием средств массовой информации, а также информационно-телекоммуникационных сетей должно определяться в качестве самостоятельных понятий в связи с существующими особенностями распространения информации и (или) материалов указанными способами.

Поскольку пропаганда терроризма определяется в уголовном законе как деятельность по распространению информации и (или) материалов, она характеризуется совершением лицом нескольких действий по передаче (сообщению) информации и (или) материалов определенного содержания, которые образуют систему, будучи направленными на выполнение одной и той же задачи, реализацию одной и той же цели. При этом поскольку с момента совершения первого акта распространения деятельность уже начинает реализовываться, пропаганда терроризма должна считаться оконченным преступлением с указанного момента, но в этом случае требуется установить, что в намерение лица входило дальнейшее осуществление тождественных действий.

§ 2.2. Распространение информации и (или) материалов как признак публичных призывов к осуществлению террористической деятельности и публичного оправдания терроризма

В отличие от пропаганды терроризма, в законодательном определении которой содержится указание на действия, образующие ее (пропаганды) объективную сторону (распространение информации или материалов), публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма оказались лишенными такой конкретизации. Какие именно действия образуют названные призывы и оправдание, правоприменителю приходится устанавливать в каждом конкретном случае, рискуя выходом за пределы действительного смысла нормы.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 1 (2012) фактически предпринимается несколько попыток охарактеризовать действия, образующие публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма: сначала – при формулировании их дефиниций (п. 18), затем – при характеристике публичности (п. 19), ну и после – при определении момента окончания указанных преступных деяний (п. 20, 21, 21¹)³¹⁴.

Так, в абз. 1 п. 18 постановления под призывами понимаются «выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) *обращения к другим лицам* с целью побудить их к осуществлению террористической деятельности», а в абз. 1 п. 20 образ действия уточняется и речь идет уже о «*публичном провозглашении (распространении)*» обращения.

В абз. 2 п. 18 постановления повторено законодательное определение публичного оправдания терроризма как заявления, а в абз. 2 п. 20 говорится о «*публичном выступлении*», в котором лицо «*заявляет о признании идеологии и практики терроризма правильными и заслуживающими поддержки и подражания*».

В п. 19 постановления разъясняется понятие публичности обращения (заявления) и приводятся примеры конкретных совершаемых действий – «*обращения к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях, распространение*

---

³¹⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // СПС «КонсультантПлюс».

листовок, вывешивание плакатов, распространение обращений путем массовой рассылки сообщений абонентам мобильной связи».

При определении момента окончания публичных призывов и оправдания, когда они совершены с использованием средств массовой информации, электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», в постановлении указывается на «распространение продукции средств массовой информации» (абз. 1 п. 21) и «размещение обращений в указанных сетях», «отправление сообщений» (п. 21¹) (здесь и выше курсив мой. – О.К.).

Таким образом, определяя призывы как обращение, а оправдание (вслед за законодателем) как заявление, Пленум поясняет, что эти деяния состоят в выступлении, провозглашении, распространении, размещении таких обращений или заявлений и прочих подобных действиях. По всей видимости, именно это позволяет исследователям утверждать, что в ст. 205² УК РФ за формулировками «призывы» и «оправдание» скрывается «распространение информации»³¹⁵.

Показательно в этом смысле определение призыва, данное З.А. Шибзуховым: «информационное воздействие на персонально неопределенный круг лиц с целью склонить их к совершению хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205¹, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, осуществляемое посредством распространения сведений о целесообразности, необходимости либо желательности террористической деятельности»³¹⁶ (курсив мой. – О.К.).

И.А. Анисимова также указывает: «Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, выражается в действиях, посредством которых распространяется информация, содержащая призывы к террористической деятельности, оправдывающая или пропагандирующая терроризм»³¹⁷.

При этом, как можно заметить, в разъяснениях Пленума содержится среди прочего и указание на «распространение листовок», что заставляет предполагать, что «призывы»

³¹⁵ Антипов А.И. Уголовно-правовое значение использования средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей при совершении преступлений с признаками призывов, склонения, незаконного оборота предметов и материалов: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2022. С. 113.

³¹⁶ Шибзухов З.А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 96.

³¹⁷ Анисимова И.А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: особенности предмета и объективной стороны преступления // Российско-Азиатский правовой журнал. 2020. № 4. С. 6.

и «оправдание» также скрывают за собой и «распространение материалов». Относительно призывов к осуществлению экстремистской деятельности такое заключение делает, например, А.А. Кунашев, который пишет: «Преступление, предусмотренное ст. 280 УК РФ, может выражаться в распространении материалов...»³¹⁸.

Тем не менее, определения призывов и оправдания терроризма в российском уголовном законе и постановлениях Пленума не лишены некоторой двусмысленности в отношении одного из признаков состава преступления – общественно опасного действия, что подтверждается примерами из судебной практики.

Так, Бог-ев обвинялся в размещении (путем репоста) на своей странице в социальной сети «ВКонтакте» (в разделе «Мои видеозаписи») видеозаписи, в которой содержались оправдание терроризма и призывы к осуществлению террористической деятельности³¹⁹. В апелляционной жалобе защитники Бог-ва обращали внимание на то, что их подзащитный обвинялся в совершении действий, которые выражались в «публичном распространении информации». «Иные преступные действия не вменяются», – указывалось в апелляционной жалобе. На взгляд защитников, вменяемые в вину Бог-ву действия представляли собой распространение информации, что могло быть расценено как пропаганда терроризма, но ответственность за нее была установлена уже после совершения вменяемых Бог-ву действий³²⁰. Суд апелляционной инстанции, не вдаваясь в суть вопроса, поставленного защитой (о действиях, образующих объективную сторону публичных призывов к осуществлению террористической деятельности и публичного оправдания терроризма), признал доводы апелляционной жалобы несостоятельными, поскольку Бог-ев «не обвинялся органами предварительного следствия и не осужден судом первой инстанции за пропаганду терроризма»³²¹.

Таким образом, необходимо решить, является ли «распространение информации и (или) материалов» действием, образующим объективную сторону публичных призывов к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма.

---

³¹⁸ Кунашев А.А. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности: проблемы квалификации и отграничения от смежных и конкурирующих составов // Уголовное право. 2023. № 2. С. 28.

³¹⁹ Акт наблюдения Интернет-ресурса от 11 января 2017 г. // Архив 2-го Западного окружного военного суда. Уголовное дело № 2-13/2018. Том 1, л.д. 146-176.

³²⁰ Апелляционная жалоба // Архив 2-го Западного окружного военного суда. Уголовное дело № 2-13/2018. Т.5, л.д. 19-20.

³²¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 17.07.2018 по делу № 201-АПУ18-25 // СПС «КонсультантПлюс».

Отвечая на этот вопрос, считаем необходимым и полезным сделать небольшой исторический экскурс.

Статья 129 Уголовного уложения Российской империи 1903 г. предусматривала ответственность за *произнесение* или *чтение* публично речи или сочинения, *распространение* или публичное *выставление* сочинения или изображения, возбуждающих к бунту, измене, иному тяжкому преступлению, ниспровержению общественного строя или неповиновению закону. Согласно ст. 133 Уложения наказывалось совершаемое теми же способами восхваление тяжкого преступления или преступления³²². Таким образом, в указанных статьях Уголовного уложения прямо указывались действия, посредством которых совершаются возбуждение к преступным деяниям и их восхваление.

После Февральской революции 1917 г. рассматриваемые нормы оказались фактически отмененными как недопустимые при новом политическом строе³²³, но поскольку криминализация некоторых категорий возбуждения представлялась принципиально необходимой, Временное Правительство приняло постановление, которым объявляло наказуемым «публичный призыв к убийству, разбою, грабежу, погромам и другим тяжким преступлениям», а также «к неисполнению законных распоряжений власти»³²⁴.

Обратим здесь внимание на два обстоятельства. Во-первых, указанное постановление более не использовало термин «возбуждение», заменив его теперь уже традиционным понятием «призыв». А, во-вторых, исчезло указание на действия, посредством которых распространяется информация. Как пояснялось учеными-криминалистами того времени, в действительности признак публичности охватил собой те же, ранее известные способы доведения информации до сведения других лиц³²⁵.

Как представляется, та же логика должна сохраняться и в современном российском уголовно-правовом контексте.

---

³²² Напомним, что преступные деяния, согласно ст. 3 Уголовного уложения, в зависимости от суровости наказания, грозящего за их совершение, подразделялись на три вида: тяжкие преступления, преступления и проступки. См.: Новое Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. СПб., 1903. С. 11.

³²³ Тимашев Н.С. Преступные призывы по новелле 6 июля 1917 года // Право. Еженедельная юридическая газета. 1917. № 33-34. С. 1207-1208.

³²⁴ Постановление Временного Правительства от 6 июля 1917 г. // Право. Еженедельная юридическая газета. 1917. № 27-28. С. 1084-1085.

³²⁵ Тимашев Н.С. Преступные призывы по новелле 6 июля 1917 года // Право. Еженедельная юридическая газета. 1917. № 33-34. С. 1211.

Понятие призывов, которому в российском уголовном законе не дается определения, обретает содержание в ходе правоприменительной практики, а также в уголовно-правовых исследованиях. Определение Пленумом Верховного Суда РФ призыва как обращения указывает на то, что в основе призыва лежит коммуникативное действие, то есть действие, направленное на установление контакта с адресатом с целью восприятия последним некоторой информации. Полагаем верным ограничивать указанные коммуникативные действия лишь теми, которые предполагают использование устной или письменной речи: одно лишь изображение, без словесного, текстового комментария, образовывать призывы не может³²⁶. Правда, нельзя не отметить и наличие иного мнения относительно возможности выражения призыва в «бессловесной форме»³²⁷.

Публичное оправдание терроризма в примечании 1 к ст. 205² УК РФ определяется как «публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании». Эта законодательная дефиниция позволяет «сделать вывод о том, что описанные в ней действия вербализуются, то есть имеют словесную форму выражения»³²⁸. Связывается это с тем, что «заявление» в русском языке понимается как официальное высказывание, сообщение в устной или письменной форме с изложением точки зрения по какому-либо вопросу; официальное обращение, письменная просьба о чем-л.³²⁹. Речь идет о вербализации *признания* идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании, а не о том, что объективная сторона рассматриваемого преступного деяния состоит в говорении или написании текста. Вместе с тем можно сделать вывод, что оправдание терроризма не может осуществляться в отсутствие самого заявления – признания, облеченного в вербальную форму. В этой связи интересно напомнить критику тогда еще только появившегося запрета оправдания терроризма Н.Ф. Кузнецовой, которая, сетуя на неопределенность дефиниции, спрашивала: «Пожать руку террористу – оправдание

³²⁶ Фридинский С.Н. Указ. соч. С. 136.

³²⁷ Чернявский Д.О. Уголовно-правовая характеристика публичных призывов к нарушению территориальной целостности Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 121; Шевченко И.В. Уголовная ответственность за террористическую деятельность: монография. М., 2011. С. 98-99.

³²⁸ Лаврик Э.П. Специфика лингвистической экспертизы текстов, содержащих оправдание террористической деятельности // Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы: сборник научных работ по итогам Международной научной конференции «Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы» (Москва, 1–2 октября 2019 г.). М., 2019. С. 142.

³²⁹ Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь. М., 2000; Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003.

терроризма?»³³⁰, полагая, что и этот жест можно счесть за заявление. Ставить такой вопрос с учетом вышесказанного не придется.

Очевидно, что при криминализации публичных призывов к осуществлению террористической деятельности и публичного оправдания терроризма законодатель исходит из следующего: их опасность заключается не в наличии у лица тех или иных порицаемых, опасных взглядов, а в доведении до сведения третьих лиц сообщений, призывающих к осуществлению террористической деятельности или оправдывающих терроризм. Только эти действия могут состоять в причинно-следственной связи с той опасностью, которую государство пытается предотвратить при помощи рассматриваемого уголовно-правового запрета – опасностью осуществления преступной деятельности лицами, попавшими под воздействие криминогенной информации.

Таким образом, в основе и публичных призывов, и публичного оправдания терроризма лежат коммуникативные действия, предполагающие передачу информации или материалов определенного содержания. И если в Уголовном уложении 1903 г. формулировки уголовно-правовых запретов были таковы, что включали в себя указание на способы, которыми соответствующая информация может быть доведена до сведения других лиц, то ст. 205² УК РФ оставляет их за скобками. Такой подход к конструированию (изложению) состава преступления свидетельствует лишь о том, что российский законодатель не ограничивает способы, которыми соответствующая информация может доводиться до адресата, однако требует для вменения состава установить публичность совершаемых действий.

Изложенное позволяет сделать следующее заключение.

Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и оправдание терроризма так же, как и пропаганда терроризма, с объективной стороны заключаются в распространении информации и (или) материалов. Это в свою очередь определяет то, что выводы, сделанные в предыдущем параграфе относительно понятий распространения информации и распространения материалов, в равной мере применимы и к указанным видам преступных действий в той части, которая касается публичного распространения информации и (или) материалов.

---

³³⁰ Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / научн. ред. и предислов. акад. В.Н. Кудрявцева. М., 2007. С. 318.

Вместе с тем публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма, в отличие от пропаганды терроризма, предполагают личное обращение или заявление лица, то есть распространение информации и (или) материалов, содержание которых лицо явно (распознаваемо для адресатов) одобрило, идентифицировало в качестве собственного мнения. Данная проблема будет рассмотрена в третьей главе настоящего исследования.

§ 2.3. Публичность распространения информации и (или) материалов

Признак публичности совершения тех или иных действий традиционно используется законодателем при конструировании отдельных составов преступлений, в том числе в качестве криминообразующего. Этот признак может быть отнесен к числу оценочных, что во многом объясняет те сложности, которые существуют при его толковании как на теоретическом, так и правоприменительном уровне. Полагаем, что по той же причине понятие публичности допустимо определять применительно к разным составам преступлений по-разному, исходя в том числе из объекта, охраняемого той или иной уголовно-правовой нормой.

Под «публикой» в толковых словарях русского языка понимаются, с одной стороны, «лица, находящиеся где-то в качестве зрителей, слушателей, посетителей», а с другой, – «люди, народ, общество». В связи с этим «публичный» определяется или как «происходящий в присутствии публики», то есть «открытый, гласный», или как «предназначенный для публики, общества», то есть «общественный»³³¹. Как представляется, именно эти два значения слова «публичный» во многом и определяют возникающие при толковании соответствующего признака состава проблемы. Эти два значения публичности могут оказываться в конечном итоге или *взаимоисключающими*, или *взаимодополняющими*.

Так, публичность какого-либо деяния можно связывать с совершением его **в присутствии публики (других лиц), то есть открыто**. Например, Хал-ов, отбывая наказание в исправительной колонии, в присутствии, как минимум, трех свидетелей, склонял осужденного Т. к поездке в Сирию, инструктировал его относительно того, как до нее добраться, чтобы примкнуть к одной из террористических организаций. Указанные

---

³³¹ Словарь русского языка Ефремовой // URL: <https://www.efremova.info/word/publika.html#.ZEwoMHZBxPY>

действия Хал-ва квалифицированы следствием и судом по ч. 1 ст. 205¹ УК РФ (склонение и вербовка лица к совершению преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ)³³². Присутствие других лиц рассматривалось в этом контексте в качестве обстановки совершения преступления, которая на квалификацию по ч. 1 ст. 205¹ УК РФ не влияет.

Именно в таком смысле публичность чаще всего понимается в составе преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ, где она выступает в качестве конститутивного признака. Согласно судебной практике, публичность оскорбления предполагает, что оно наносится потерпевшему «в присутствии других людей»³³³, «в присутствии одного и более лиц»³³⁴. В специальной литературе также высказывается мнение о том, что публичность в указанном составе требует наличие по меньшей мере двух человек, помимо потерпевшего³³⁵.

Отголоски рассматриваемого подхода можно изредка встретить в решениях по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 205² УК РФ, в частности о публичном оправдании терроризма. Так, Бой-в, отбывая наказание в исправительной колонии, демонстрировал другим осужденным со своего мобильного телефона видеоролик, в котором содержались высказывания, оправдывающие терроризм. Из материалов дела следует, что Бой-в пригласил для просмотра шесть человек, а после ознакомления с видеозаписью «попросил их никому не рассказывать про то, что они видели»³³⁶. Согласно приговору, Бой-в демонстрировал видео «значительному количеству приглашенных им осужденных, в жилой секции отряда в присутствии других осужденных», что, как посчитал суд, свидетельствует о «публичности его противоправных и умышленных действий». Суд отметил, что на тот момент в общежитии отряда содержалось более 100

---

³³² Обвинительное заключение и приговор Московского окружного военного суда от 29.11.2017 по уголовному делу № 2-89/2017 // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

³³³ Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 16.03.2023 № 77-670/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

³³⁴ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 19.08.2021 № 77-3994/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

³³⁵ Филиппов П.А. Преступления против порядка управления: закон, теория, практика. М., 2017. С. 190.

Отметим также неоднозначно трактуемую характеристику публичности оскорбления, предложенную Пленумом Верховного Суда РФ: «высказывание или иное выражение оскорбления в присутствии потерпевшего и (или) других людей»³³⁵. Буквальный смысл указанного разъяснения не исключает наличие публичности в случае, когда оскорбление было совершено в присутствии только потерпевшего, что вряд ли можно признать правильным. Хотя, допускаем, что эта формулировка призвана отразить лишь возможность оскорбления отсутствующего в этом месте представителя власти, однако при нахождении там других лиц (См.: п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»).

³³⁶ Обвинительное заключение и приговор Московского окружного военного суда от 11.01.2018 по делу № 2-2/2018 // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

человек³³⁷. Последнее замечание заставляет предполагать, что публичность была установлена судом с учетом присутствия в месте совершения деяния и других осужденных.

Схожие определения можно встретить и в специальной литературе. Так, некоторые исследователи определяют публичность в ст. 205² УК РФ как совершение соответствующих действий «в присутствии не менее двух лиц»³³⁸, «непосредственно в присутствии третьих лиц либо в расчете на ознакомлением с ними других лиц впоследствии»³³⁹.

Кроме того, публичность иногда предлагается понимать не просто как присутствие других лиц, но также требуется, чтобы такие лица являлись **посторонними**. Так, в делах, касающихся публичного оскорбления представителей власти, суды нередко указывают на присутствие именно «посторонних лиц». Под посторонними в таких случаях понимают лиц, не связанных с потерпевшим служебной деятельностью³⁴⁰.

С другой стороны, публичность может определяться как **предназначенность для публики, общественности, то есть обращенность к ней**. Именно в этом смысле понимается публичность, когда ее определяют через указание на то, что «адресатом обращений ... является общественность, т.е. персонально неопределенный круг лиц»³⁴¹ или «широкий круг индивидуально неопределенных лиц»³⁴². Таким образом, определяющее значение для установления публичности в этом случае имеет направленность действий – к кому эти действия обращены. В этом смысле показательно утверждение Д.О. Чернявского, который пишет: «обращение к конкретному лицу не

---

³³⁷ Приговор Московского окружного военного суда от 11.01.2018 по делу № 2-2/2018 // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

³³⁸ Чучаев А.И., Грачева Ю.В., Задоян А.А. Преступления против общественной безопасности: учебно-практическое пособие. М., 2010. С. 26.

³³⁹ Гостькова Д.Ж., Далгалы Т.А. Преступления против общественной безопасности: уголовно-правовой аспект: учебное пособие. М., 2021. С. 21; Преступления против общественной безопасности и общественного порядка: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / отв. ред. А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. М., 2018. С. 20.

³⁴⁰ См., напр.: Апелляционное постановление Камчатского краевого суда от 10.04.2018 по делу № 22к-255/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁴¹ Шибзухов З.А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 31; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 3 т. Т. 3. Особенная часть. Разделы IX-XII / под ред. В.Т. Томина, В.В. Свечкова – 10-е изд., перераб. и доп. М., 2018. С. 25 (автор комментария к ст. 205² УК РФ – Тихонова С.С.).

³⁴² Клепицкий И.А. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). – 8-е изд. М., 2015. С. 541.

может рассматриваться как публичный призыв, даже если такое обращение доступно для неограниченного круга лиц»³⁴³.

При таком подходе публичность рассматривается не столько как обстановка совершения преступления, сколько как характеристика самого деяния – обращения, неразрывно связанного с его адресатом. Именно так, полагаем, следует понимать разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, который призывает суды устанавливать публичность «с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела»³⁴⁴. Таким образом, эти, прямо указанные факультативные признаки объективной стороны состава преступления, в том числе обстановка, могут свидетельствовать о публичности, но не отождествляются с ней.

В практике судов этот подход отражается, например, в следующих формулировках: «публичным признается размещение соответствующей информации на сайтах информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», где с данной информацией может быть ознакомлен неограниченный круг лиц»³⁴⁵; «разместил в открытом доступе для широкого круга пользователей, то есть публично»³⁴⁶; «на интернет-странице ... открытой для доступа неограниченного круга лиц разместил...»³⁴⁷.

Согласно рассматриваемой точке зрения направленность обращения неопределенному кругу лиц важнее, нежели фактическое число лиц, которое его восприняло. Именно об этом писал С.В. Дьяков: «Арифметический подход в оценке признания (или непризнания) публичности неприемлем. В каждом конкретном случае вопрос решается с учетом всех обстоятельств дела: места, времени, обстановки содеянного»³⁴⁸.

Два отмеченных подхода к пониманию публичности зачастую начинают сливаться и дополнять друг друга, что приводит к появлению третьего подхода к толкованию

---

³⁴³ Чернявский Д.О. Уголовно-правовая характеристика публичных призывов к нарушению территориальной целостности Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 126.

³⁴⁴ См. п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности».

³⁴⁵ Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 02.08.2018 № 205-АПУ18-16; Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 12.09.2023 №222-УД23-50-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁴⁶ Приговор Московского окружного военного суда от 04.04.2018 по делу № 2-28/2018 // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

³⁴⁷ Приговор Московского окружного военного суда от 18.05.2016 по делу № 2-34/2016 // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

³⁴⁸ Дьяков С.В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовое и криминологическое исследование. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2012. С. 68.

публичности как **обращенности к другим, двум или более лицам**. Так, И.В. Шевченко определяет публичность призыва как направленность его на определенный или неопределенный круг лиц³⁴⁹. А.Н. Игнатов, комментируя публичный характер призывов к осуществлению террористической деятельности и оправдания терроризма, писал: они должны быть направлены в адрес, по крайней мере, нескольких лиц³⁵⁰.

В деле Наплавкова Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ указала, что «по смыслу закона» публичность в составе преступления, предусмотренном ст. 205² УК РФ, предполагает «направленность высказываний группе лиц, то есть двум и более адресатам»³⁵¹. Публичность, как посчитала Судебная коллегия, исключается по причине недостаточного количества адресатов лишь в случае, когда имеет место обращение ко всего одному лицу.

В деле Хал-ва обвиняемый разместил в группе Telegram видеозапись, в которой содержались высказывания, оправдывающие идеологию и деятельность террористической организации «Исламское государство». Суд признал Хал-ва виновным в публичном оправдании терроризма, несмотря на то, что группа состояла из 4 человек и была закрытой³⁵².

Иногда такой подход корректируется уже отмеченным выше требованием – обращенности к двум или более **посторонним** лицам³⁵³. Так, районный суд оправдал подсудимого Королева, отметив, что последний высказывался в присутствии своих знакомых, с которыми имел доверительные, а также дружеские отношения, а потому публичность оправдания терроризма отсутствовала³⁵⁴.

---

³⁴⁹ Шевченко И.В. Уголовно-правовая характеристика публичного призыва к осуществлению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма // Вестник СГАП. 2009. № 1 (65). С. 135.

³⁵⁰ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева. – 6-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 599.

³⁵¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 15.10.2019 № 203-АПУ19-15. Аналогичная позиция высказана Судебной коллегией по делам военнослужащих Верховного Суда РФ и в кассационном определении от 11.11.2021 № 222-УД21-45-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁵² Приговор Московского окружного военного суда от 28.06.2018 по уголовному делу № 2-53/2018 // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

³⁵³ Этот подход напоминает французскую судебную практику, согласно которой публичность аполитических актов терроризма предполагает, что соответствующие высказывания должны быть доступны лицам, не объединенных с виновным лицом общностью интересов. См. подробнее: Костылева О.В. Признак публичности призывов к осуществлению террористической деятельности и оправдания терроризма (ст. 205.2 УК РФ) в сравнительно-правовом контексте // Уголовное право. 2023. №10. С. 52-55.

³⁵⁴ Цит. по: Кассационное определение Омского областного суда от 21.07.2011 по делу № 22-3277/11 // СПС «КонсультантПлюс».

Отметим, что областной суд отменил приговор, усомнившись не только в правильности такого толкования, но и в соответствии выводов нижестоящего суда установленным фактам. Судебная коллегия областного суда посчитала несостоятельными выводы в той части, что Королев высказывался только в присутствии лиц, с которыми

Полагаем, что существование столь разных решений обсуждаемого вопроса объясняется не в последнюю очередь тем, что на протяжении последних полутора веков в российском уголовном законодательстве воплощались различные подходы к формулированию уголовно-правовых запретов публичного возбуждения и призывов к совершению преступных деяний. Причем неотъемлемой составляющей дискуссии о публичном возбуждении и публичных призывах является вопрос о соотношении их с подстрекательством к преступлению³⁵⁵.

Российское дореволюционное уголовное законодательство во многом восприняло подход Уголовного уложения Германской империи 1871 г., в § 111 которого предусматривалась ответственность за публичный призыв к совершению преступного деяния: «кто публично перед толпой или же посредством распространения, или публичного вывешивания, или публичного выставления сочинений или других изображений призывает...»³⁵⁶. Ф. Лист пояснял: «во всех этих случаях публичность означает доступность восприятию для неограниченного круга лиц»³⁵⁷.

Как уже отмечалось, в Уголовном уложении 1903 г. предусматривалась ответственность за произнесение или чтение *публично* речи или сочинения, *распространение* или *публичное* выставление сочинения или изображения, возбуждающих к бунту, измене, иному тяжкому преступлению, ниспровержению общественного строя или неповиновению закону (ст. 129), а также совершаемое теми же способами восхваление тяжкого преступления или преступления³⁵⁸ (ст. 133). Указанные *способы воздействия* предполагали, что возможность со стороны виновного регулировать пределы влияния распространяемой информации отсутствует, что и предопределяет опасность указанных деяний³⁵⁹.

у него сложились дружеские либо доверительные отношения, «поскольку указанное опровергается показаниями данных свидетелей, факт их знакомства не может однозначно свидетельствовать о дружеских либо доверительных отношениях».

³⁵⁵ Подробнее об указанной дискуссии см.: Костылева О.В. Разграничение подстрекательства и публичных призывов к совершению преступлений в уголовном праве России XX-XXI веков // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2024. № 1. С. 159-178.

³⁵⁶ Цит. по: Лист Ф. Учебник уголовного права. Особенная часть / перевод Ф. Ельшевич. М., 1905. С. 293.

³⁵⁷ Там же.

³⁵⁸ Напомним, что преступные деяния, согласно ст. 3 Уголовного уложения, в зависимости от суровости наказания, грозящего за их совершение, подразделялись на три вида: тяжкие преступления, преступления и проступки. См.: Новое Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. СПб., 1903. С. 11.

³⁵⁹ Тимашев Н.С. Преступное возбуждение масс по действующему русскому праву (статьи 129-132 угол. улож.). Петроград, 1915. С. 6.

Статья 130 Уголовного уложения наказывала возбуждение к указанным в ст. 129 деяниям, но *непублично* среди «сельского населения, войска, рабочих или вообще таких лиц, в коих эти учения или суждения не могли бы встретить надлежащего противодействия и возбуждение коих в то же время угрожало бы опасностью государственному спокойствию». В этом случае опасность возбуждения объяснялась *адресатом обращения*: оно направлено «к индивидам, не могущим противопоставить прививаемым мотивам достаточного количества сдерживаемых представлений»³⁶⁰.

Публичность, по объяснению Редакционной комиссии Уголовного уложения, означала нахождение на месте толпы или менее значительного числа посторонних лиц. Речь шла о том, что «виновный обращается к неопределенным лицам, которых он может не только не знать, но и не видеть: он не знает, в кого и насколько западут семена, им посеянные»³⁶¹. Поясняя понятие распространения, Редакционная комиссия также указывала на то, что сочинения «должны быть сообщены другим при таких условиях, что они могут сделаться достоянием неопределенного числа лиц»³⁶².

В отличие от немецких криминалистов, полагавших, что направленность действий виновного на неопределенный круг лиц исключает подстрекательство, даже если у лица имелся умысел на определенное индивидуальное преступление³⁶³, российские ученые допускали, что возбуждение толпы на совершение преступных деяний может рассматриваться как подстрекательство, если толпа *намеренно* склоняется к *определенному* преступлению, которое впоследствии действительно *учиняется*³⁶⁴. В пункте 2 ч. 2 ст. 129 Уголовного уложения 1903 г. содержался особый (квалифицированный) случай возбуждения, когда «последствием возбуждения было учинение тяжкого преступления». Причем имелась принципиальная оговорка, согласно которой виновный отвечает по указанной части статьи, только если он «не подлежит более строгому наказанию, как соучастник учиненного преступного деяния». Таким образом, разрешалась, используя выражение Редакционной комиссии, «идеальная

---

³⁶⁰ Там же.

³⁶¹ Уголовное уложение 22 марта 1903 г. с мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Мин. Юстиции в Государственный Совет и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. Издание Н.С. Таганцева. СПб., 1904. С. 237.

³⁶² Там же. С. 192.

³⁶³ Лист Ф. Учебник уголовного права. Особенная часть / перевод Ф. Ельяшевич. М., 1905. С. 294.

³⁶⁴ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 346-347.

конкуренция» между нормой о подстрекательстве, с одной стороны, и нормой о публичном возбуждении, – с другой³⁶⁵.

Пришедшее в 1917 г. на смену указанным нормам постановление Временного Правительства объявляло наказуемым «публичный призыв к убийству, разбою, грабежу, погромам и другим тяжким преступлениям», а также «к неисполнению законных распоряжений власти»³⁶⁶. Поскольку этот состав уже не имел, подобно Уголовному уложению 1903 г., квалифицирующего признака, о котором говорилось выше, ученые-криминалисты того времени обращали внимание на возможность применения правил идеальной совокупности преступлений – призывов и подстрекательства – в случае, когда публичный призыв к конкретному преступному деянию «возымел немедленное действие»³⁶⁷.

Первые Уголовные кодексы РСФСР 1922 г. и 1926 г. устанавливали ответственность за «приготовительные действия, направленные к свержению существующего социального и политического строя, как самостоятельные преступления»³⁶⁸. Статьи 69, 70, 72, 83, 84 УК РСФСР 1922 г. предусматривали наказание за агитацию и пропаганду, «выражающуюся в призывах» к свержению власти Советов, совершению ряда преступных деяний против порядка управления, а также за изготовление, хранение и распространение агитационной литературы³⁶⁹. Статья 58¹⁰ УК РСФСР 1926 г. криминализовала пропаганду и агитацию, «содержащие призыв» к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение, изготовление или хранение литературы того же содержания³⁷⁰.

---

³⁶⁵ Уголовное уложение. Объяснения к проекту Редакционной комиссии. Т. II. Гл. 2-я – 7-я. СПб., 1897. С. 213.

³⁶⁶ Постановление Временного Правительства от 6 июля 1917 г. // Право. Еженедельная юридическая газета. 1917. № 27-28. С. 1084-1085.

³⁶⁷ Тимашев Н.С. Преступные призывы по новелле 6 июля 1917 года // Право. Еженедельная юридическая газета. 1917. № 33-34. С. 1214.

³⁶⁸ Мокринский С. Покушение и приготовление в советском праве // Советское право. 1927. № 1(25). С. 61. Отметим, что, несмотря на то, что УК РСФСР 1922 г. карал приготовление лишь в том случае, если оно само по себе является наказуемым действием, он, тем не менее, допускал возможность применить к социально-опасным лицам меры социальной защиты (ст. 12). С принятием же Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. и вовсе происходит окончательная общая криминализация приготовления к преступлению.

³⁶⁹ Уголовный кодекс Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Издание Военной коллегии Верх. Трибун. В.Ц.И.К., 1922.

³⁷⁰ Уголовный кодекс. Научно-популярный практический комментарий. Под редакцией М.Н. Гернета и А.Н. Трайнина. М., 1927. С. 98.

Несмотря на то, что в составах агитации и пропаганды в УК РСФСР 1922 г. и 1926 г. отсутствовал признак *публичности* призывов, в отдельных комментариях по-прежнему можно было встретить указания, согласно которым «тот, кто возбуждает, действует на неопределенных, ему неведомых людей — слушателей на собрании, читателей, зрителей»³⁷¹. Распространение агитационной литературы понималось сообразно дореволюционному подходу: «она должна быть сообщена другим при таких условиях, что может сделаться достоянием неопределенного числа лиц», что не могло иметь место при передаче материалов одному лицу, когда она не предполагала дальнейшую их передачу другим лицам³⁷².

Тем не менее эта позиция в силу самого законодательного текста никак не могла быть единственной. Так, А.А. Пионтковский указывал, что призывы могут носить как публичный, так и непубличный характер: они охватывают собой обращения к «неопределенному кругу лиц» или «определенному ограниченному кругу лиц или даже отдельному лицу»³⁷³.

Таким образом, разграничение по этому признаку призывов (в рамках агитации и пропаганды) и подстрекательства стало окончательно невозможным, если учитывать еще и то, что относительно требования конкретизации подстрекаемых лиц при соучастии высказывались различные мнения. Так, одни специалисты допускали подстрекательство неопределенного круга лиц (толпы)³⁷⁴, другие – нет³⁷⁵.

На этом фоне единственным отличительным признаком агитации и пропаганды, совершенных в форме призывов к совершению преступлений, по поводу которого не было разногласий, являлся следующий: призывы могут предполагать не свойственную подстрекательству неконкретизированность преступных деяний, к которым побуждает виновный. Подстрекательство же по-прежнему требовало обязательную определенность того преступления, к которому происходит склонение.

---

³⁷¹ Уголовный кодекс. Практический комментарий под редакцией профессоров М.Н. Гернета и А.Н. Трайнина. М., 1925. С. 125. См. также: Вроблевский А.Б., Утевский Б.С. Уголовный кодекс редакции 1926 г. Комментарий под общей редакцией Е.Г. Ширвиндта. М., 1927. С. 130.

³⁷² Вроблевский А.Б., Утевский Б.С. Уголовный кодекс редакции 1926 г. Комментарий под общей редакцией Е.Г. Ширвиндта. М., 1927. С. 131.

³⁷³ Пионтковский А.А. Контр-революционные преступления в Уголовном Кодексе РСФСР // Советское право. 1924. № 2(8). С. 33. См. также: Уголовный кодекс. Научно-популярный практический комментарий. Под редакцией М.Н. Гернета и А.Н. Трайнина. М., 1927 (автор комментария к ст. 58.10 – проф. Б.Н. Змиев). С. 99.

³⁷⁴ Трайнин А.Н. Избранные труды. СПб., 2004. С. 296.

³⁷⁵ Уголовный кодекс. Научно-популярный практический комментарий. Под редакцией М.Н. Гернета и А.Н. Трайнина. М., 1927. С. 100.

Схожая ситуация наблюдалась и в уголовно-правовой доктрине после принятия УК РСФСР 1960 г. Последний предусматривал ответственность за антисоветскую агитацию и пропаганду, проводимую «в целях подрыва или ослабления Советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого же содержания» (ст. 70 УК РСФСР 1960 г.)³⁷⁶. Данная норма по-прежнему не содержала указаний на совершение рассматриваемых действий публично, но, согласно устоявшимся к тому времени представлениям, агитация предполагала распространение соответствующих идей среди широкого, а пропаганда – среди узкого, ограниченного круга лиц³⁷⁷.

Вместе с тем, в отличие от прежних советских уголовных законов, в ст. 70 УК РСФСР 1960 г. вообще отсутствовало указание на «призыв». В уголовно-правовой доктрине и на практике агитация и пропаганда понимались в первую очередь как распространение идей, учений определенного содержания. Тем не менее в учебной и научной литературе по традиции пояснялось, что квалификация по ст. 70 УК РСФСР осуществляется в случае, если призывы к совершению преступлений носят общий, неконкретизированный характер, например, общие призывы к совершению террористических актов против представителей Советской власти или к измене Родине. Если же осуществляется призыв к конкретному преступлению, определенному непосредственным объектом посягательства, способом, местом и временем, то такие действия квалифицируются либо как подстрекательство (если исполнитель совершает деяние в направлении реализации умысла)³⁷⁸, либо как приготовление к совершению преступления (при неудавшемся подстрекательстве)³⁷⁹.

---

³⁷⁶ Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 декабря 1963 г. и с приложением статейно-систематизированных материалов. М., 1964.

³⁷⁷ Курс советского уголовного права (Часть Особенная). Т. 3. Л., 1973. С. 168 (автор главы – Г.З. Анашкин). С. 167; Особо опасные государственные преступления / общая редакция В.И. Курляндского и М.П. Михайлова. М., 1963. С. 124-125 (автор главы – М.П. Михайлов)

³⁷⁸ Курс советского уголовного права (Часть Особенная). Т. 3. Л., 1973. С. 168; Курс советского уголовного права. В шести томах. Часть Особенная. Том IV. М., 1970. С. 118 (автор раздела – А.А. Пионтковский). Отметим, что А.А. Пионтковский в указанной работе настаивал также на том, что при подстрекательстве, в отличие от агитации и пропаганды, виновный склоняет всегда определенное лицо или группу лиц.

³⁷⁹ Курс советского уголовного права. В шести томах. Часть Особенная. Том IV. М., 1970. С. 118.

В 1989 г. состав антисоветской агитации и пропаганды исчез из советского уголовного законодательства. На смену ему пришли два уголовно-правовых запрета, предусмотренные ст. 70 УК РСФСР (публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя или захвату власти, а равно массовое распространение материалов, содержащих такие призывы) и ст. 70¹ УК РСФСР (публичные призывы к измене Родине, совершению террористического акта или диверсии).

Указание на *массовое* распространение материалов, наряду с *публичными* призывами намекало на возвращение к пониманию публичности, имевшее истоками дореволюционное законодательство. Так, В.Н. Рябчук, комментировавший новые запреты, писал, что хотя «количество присутствующих или воспринявших призывы зачастую не имеет решающего значения», тем не менее главное, чтобы имела место «открытость, гласность, обращенность призывов ко многим людям»³⁸⁰. Аналогичное мнение высказывается Ю.Е. Пудовочкиным относительно состава преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ. Он отмечает, что традиционно публичность призывов понимается как способность быть воспринимаемыми неопределенным кругом лиц, обращенность ко многим людям³⁸¹.

Вместе с тем теоретические представления о разграничении призывов (в рамках составов агитации и пропаганды) и подстрекательства, основанные на ранее действовавшем советском уголовном законодательстве, до сих пор отражаются на толковании и применении схожих норм Уголовного кодекса РФ 1996 г. (например, ст. 205², 280, 280¹ УК РФ).

Так, Д.О. Чернявский предполагает, что «единственным и достаточным критерием» разграничения публичных призывов и подстрекательства служит «степень определенности тех действий, к которым призывает субъект»: если они «абстрактны, не носят определенного характера», то имеют место публичные призывы³⁸².

С.В. Борисов, рассматривая отличия состава вовлечения в совершение преступления террористической направленности (ч. 1, 1¹ ст. 205¹ УК РФ) от состава

---

³⁸⁰ Рябчук В.Н. Уголовная ответственность за публичные призывы к насильственным действиям против советского государственного и общественного строя // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1992. № 2. С. 92.

³⁸¹ Пудовочкин Ю.Е. Преступления против безопасности государства. М., 2009. С. 75-76.

³⁸² Чернявский Д.О. Уголовно-правовая характеристика публичных призывов к нарушению территориальной целостности Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 163-164.

публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, отмечает, что первый предполагает направленность действия на определенное лицо (группу лиц), вовлекаемое (вовлекаемых) в совершение конкретного преступления. В случае же когда или адресат, или преступление не характеризуются определенностью (конкретностью), речь идет о составе публичных призывов³⁸³. Указанный вывод С.В. Борисов делает, основываясь на анализе разъяснений, содержащихся в ряде постановлений Пленума Верховного Суда РФ³⁸⁴.

Оба представленных мнения, в особенности первое, смещают акценты с публичного характера обращения (призыва) на его содержание. Как отмечает А.А. Балашов, этот разграничивающий аспект неточен хотя бы потому, что и публичные призывы могут побуждать к вполне определенным преступным действиям, не образуя подстрекательства к совершению преступления³⁸⁵.

Полагаем, что такое смещение акцента приводит к деформации признака публичности, когда требование обращенности заявления к неопределенному кругу лиц заменяется на менее строгое – направленность его двум или более лицам, или даже менее точное – присутствие других лиц, о чем писалось в начале настоящего параграфа. Иногда характеристика публичного характера призыва выглядит и вовсе противоречивой. Так, А.Г. Кибальник и И.С. Соломоненко, соглашаясь с тем, что подстрекательство, в отличие от публичных призывов, является персонифицированным обращением, тем не менее указывают, что публичность имеет место, когда «призыв производится в отношении двух и более лиц»³⁸⁶.

Действием, лежащим в основе объективной стороны публичных призывов к осуществлению террористической деятельности и публичного оправдания терроризма, является распространение информации и (или) материалов определенного содержания. В

---

³⁸³ Борисов С.В. Роль Верховного Суда Российской Федерации в формировании практики противодействия распространению идеологии терроризма // Уголовная ответственность и наказание: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., посвященной памяти профессоров кафедры уголовного права Рязанской высшей школы МВД СССР В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова (Рязань, 17 февраля 2017 г.) / под ред. В.Ф. Лапшина. Рязань, 2017. С. 16.

³⁸⁴ Имеются в виду разъяснения, содержащиеся в п. 6¹ постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 03.11.2016) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» и п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности».

³⁸⁵ Балашов А.А. Указ. соч. С. 91.

³⁸⁶ Кибальник А.Г., Соломоненко И.С. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Законность. 2007. № 2. С. 15. См. также: Лагодин А.В. Объективная сторона публичных призывов к осуществлению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма // Общество и право. 2009. № 1 (23). С. 182.

силу этого публичность не может означать лишь доведение соответствующих обращений (заявлений) до сведения других лиц, поскольку при таком понимании этот признак становится избыточным.

Публичность в составе преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, должна пониматься как обращенность сообщений к неопределенному кругу лиц, что предполагает намерение виновного лица оказать влияние на взгляды, убеждения или поведение лиц, которые не индивидуализируются на момент обращения. Речь идет о реализованном намерении обратиться к любому, кто находится в определенном месте или может ознакомиться с обращением.

Публичный характер деяния определяется с учетом места и способа его совершения, предполагаемого виновным и фактического числа лиц, которыми было воспринято (прочитано, услышано) обращение и прочих обстоятельств. Само по себе число лиц, ознакомившихся с информацией, может способствовать доказыванию обсуждаемого признака, но не становится определяющим при решении вопроса о наличии публичности. При установлении обстоятельств, указывающих на желание лица обратиться к отдельным слушателям, квалификация действий как публичных должна исключаться. В том числе это касается случаев последовательных (множество число раз) обращений к отдельным лицам.

В связи со сказанным представляется спорным решение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ по делу Яндиева. В своей жалобе осужденный указывал на недоказанность признака публичности в совершенном им деянии, полагая, что его разговоры с двумя или несколькими лицами не являются публичным общением. Судебная коллегия отметила, что суд нижестоящей инстанции, «проанализировав место, способ, обстановку, при которых Яндиев в ходе совместного общения с З., Л. и М. 29 июня 2018 г., а также с О. и П. 30 января 2019 г.» оправдывал терроризм, «сформулировал мотивированный вывод о том, что эти умышленные действия Яндиева носили публичный характер». Характеризуя субъективную сторону деяния, Судебная коллегия указала, что умысел осужденного был направлен «на доведение своих взглядов и убеждений до окружающих его лиц»³⁸⁷. Таким образом, довод осужденного о количестве адресатов

---

³⁸⁷ Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 11.08.2021 по делу № 225-УД21-8-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

обращения был фактически проигнорирован судом как не имеющий отношения к делу. К сожалению, из кассационного определения осталось не ясным, какие конкретно характеристики места, способа и обстановки дали основания суду констатировать публичный характер имевшего место оправдания терроризма.

Иное дело – массовая рассылка сообщений разным лицам в том случае, когда обстоятельства дела указывают на то, что виновное лицо не намеревается сохранить указанную переписку в тайне от других возможных адресатов. В этом случае можно говорить о распространении материалов среди неопределенного круга лиц, так как способ, которым осуществляется преступное деяние свидетельствует о желании лица не ограничивать сообщение определенным кругом лиц, а ввести его в обращение среди общественности.

Проиллюстрируем высказанную позицию на деле Б-ва, который зачитал составленный им текст, содержащий оправдывающие терроризм высказывания, а также в устной форме призвал к осуществлению террористической деятельности четырех лиц, содержащихся вместе с ним в камере следственного изолятора³⁸⁸. Полагаем, что несмотря на то, что из показаний осужденного следовало, что он составил соответствующий текст для использования при осуществлении призывов и оправдания терроризма, рассчитывал на широкое распространение его среди осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях³⁸⁹, совершенные Б-вым действия не совершались публично, поскольку беседа ограничивалась лишь конкретными немногими лицами, а листок бумаги, содержащий оправдывающие терроризм высказывания, он никому для дальнейшего распространения среди иных лиц не передавал.

Изложенное выше позволяет сделать следующее заключение.

Сложности, связанные с определением публичности в ст. 205² УК РФ, являются частью общей проблемы толкования и применения уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за деяния, совершенные публично. Тем не менее попытки толковать этот признак единообразно в отношении различных составов преступлений не приводят к положительному результату. Указанное понятие может и

---

³⁸⁸ Обвинительное заключение по уголовному делу № 2-14/2019 // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

³⁸⁹ Приговор Московского окружного военного суда от 17.01.2019 по уголовному делу № 2-14/2019 // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

должно определяться применительно к разным составам (группам составов) преступлений по-разному, исходя из места той или иной уголовно-правовой нормы в системе и взаимосвязи с другими уголовно-правовыми нормами, в том числе с учетом охраняемых ими объектов.

Уяснение признака публичности в составе преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, не в последнюю очередь осложняется тем, что на протяжении последних полутора веков в российском уголовном законодательстве воплощались различные подходы к формулированию уголовно-правовых запретов публичных призывов (публичного возбуждения) к совершению преступных деяний. Причем неотъемлемой составляющей дискуссии о публичных призывах к преступной деятельности является вопрос о соотношении их с подстрекательством к преступлению (соучастием).

Из нескольких выделенных в работе подходов к пониманию публичности правильным для целей применения ст. 205² УК РФ представляется определение публичности как обращенности и доступности распространяемой информации или материалов неопределенному кругу лиц, что предполагает намерение виновного лица оказать влияние на взгляды, убеждения или поведение адресатов, которые не индивидуализируются на момент обращения. Речь идет о реализованном намерении обратиться к любому, кто находится в определенном месте или может ознакомиться с обращением.

Публичность, таким образом, следует связывать в первую очередь с характеристикой адресата, к которому обращено и которому доступно сообщение, призывающее к осуществлению террористической деятельности или заявление, оправдывающее терроризм. Это позволяет также отличить публичные призывы от подстрекательства, для которого характерна индивидуальная определенность (конкретизированность) склоняемых к преступлению лиц. Публичность сама по себе не характеризует степень определенности преступного деяния, к которому осуществлен призыв. Возможная, но при этом не обязательная неопределенность (неконкретизированность) такого деяния является лишь следствием обращенности призывов к неопределенному кругу лиц, обусловлена невозможностью контролировать воздействие призывов виновным лицом и соответствующими особенностями причинно-следственной связи между призывом и совершенными преступлениями.

§ 2.4. Понятие распространения информации и (или) материалов с использованием средств массовой информации

Как указывалось выше, понятие распространения информации или материалов с использованием средств массовой информации требует отдельного рассмотрения. Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что суды должны учитывать положения Закона РФ «О средствах массовой информации» при решении вопроса об использовании средств массовой информации при совершении преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ³⁹⁰. Нормы указанного закона отражают существующую специфику распространения информации в СМИ, но по понятным причинам не регулируют уголовно-правовые отношения. Статья 59 Закона РФ «О средствах массовой информации»³⁹¹ (далее – Закон о СМИ) устанавливает, что злоупотребление свободой массовой информации (под ней согласно ст. 4 Закона понимается в том числе использование СМИ для распространения материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм, других экстремистских материалов) влечет уголовную, административную, дисциплинарную или иную ответственность в соответствии с законодательством РФ.

Какие-либо специальные правила квалификации преступлений, совершенных с использованием средств массовой информации, в российском уголовном законодательстве отсутствуют, в отличие от некоторых зарубежных правовых порядков. Так, регулирование этого вопроса можно найти, например, в законодательстве Франции и Испании. В обеих странах действует так называемая модель постепенной (каскадной) ответственности, хотя и с несколько различающимися подходами.

Система постепенной ответственности, которая появилась в первой половине 19 в.³⁹², предполагала, что «ответственным за содержание произведения печати является

---

³⁹⁰ Абз.1 п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // СПС «КонсультантПлюс». После криминализации пропаганды терроризма изменения в постановление не вносились, поэтому речь в нем все еще идет лишь о двух видах деяний, запрещенных ст. 205² УК РФ.

³⁹¹ Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 11.03.2024 № 42-ФЗ) «О средствах массовой информации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102013812#10

³⁹² Возникнув в Бельгии, указанная модель (называется также бельгийской), должна была устранить недостатки прежней системы ответственности, основывающейся на положениях института соучастия, которые применялись слишком тенденциозно, что приводило к произволу и несправедливости. (См.: Ширков В.П. Преступные деяния печати по уголовному уложению // Журнал Министерства юстиции. 1905. № 7 (сентябрь). С. 188-189).

одно лицо (или, по крайней мере, только одна ступень лиц); это лицо и подвергается наказанию, положенному для виновника; все же прочие лица, участвующие в составлении и распространения произведения печати, остаются свободными от наказания»³⁹³. В этих целях все возможные ответственные лица располагались в определенной последовательности: автор, редактор, издатель, типографщик, распространитель. Каждый последующий отвечал только в том случае, если ответственность не понес предыдущий. «Общая тенденция всей системы – обнаружение автора»³⁹⁴. С одной стороны, она позволяла обеспечить реализацию свободы выражения мнения в печати, так как она освобождала автора от цензуры редактора, издателя, типографщика, распространителя. С другой, обеспечивала свободу печати, поскольку лицам, стоящим после автора, нечего опасаться, если они могут назвать своего «предшественника». Им не нужно исследовать публикацию на предмет наличия в ней запрещенной информации или отклонять ее из опасений быть привлеченными к ответственности, так как не всегда можно с точностью понять, что публиковать можно, а что нельзя. Ее недостатком было то, что поначалу она допускала привлечение и невиновных лиц³⁹⁵.

Действующий Уголовный кодекс Испании³⁹⁶ предусматривает, что уголовную ответственность за преступные деяния, совершенные с использованием средств массовой информации, а также иных «механических средств распространения», несут указанные в уголовном законе лица в субсидиарном порядке. В ст. 30 УК Испании перечислены четыре группы лиц, каждая из которых несет ответственность в качестве исполнителей преступления лишь в том случае, если лица из предыдущей группы не понесли уголовную ответственность по любой причине, включая объявление об уклонении или проживание за пределами Испании, но исключая случаи прекращения уголовной ответственности (например, при истечении сроков давности, помиловании, смерти обвиняемого³⁹⁷). В первую очередь ответственность несут авторы и те, кто побудил их, во вторую –

³⁹³ Там же. С. 188.

³⁹⁴ Там же. С. 189.

³⁹⁵ Там же. С. 189-190.

³⁹⁶ Criminal Code of Spain (неофициальный перевод с испанского на английский язык, выполненный Министерством юстиции Испании) // URL: https://www.mjusticia.gob.es/es/AreaTematica/DocumentacionPublicaciones/Documents/Criminal_Code_2016.pdf; Официальный текст УК Испании см.: Ley Orgánica 10/1995, de 23 de noviembre, del Código Penal // URL: <https://www.boe.es/eli/es/lo/1995/11/23/10/con>

³⁹⁷ Вопросы прекращения уголовной ответственности регулируются разделом VII УК Испании. См. подробнее: Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: Учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. М., 2018. С. 267-268.

руководители изданий или программ, где был распространен материал, в третью – руководители издательских и вещательных компаний, в четвертую – руководители звукозаписывающих и печатных компаний. При этом «строгая ответственность» исключена, то есть указанные лица отвечают не в силу одного лишь факта занятия должности без учета вины.

Кроме того, ст. 30 УК Испании специально указывает на то, что соучастники (лица, которые содействовали совершению преступления) в этих случаях ответственность не несут (например, наборщики текстов, корректоры, продавцы печатных изданий и проч.).

Таким образом, система постепенной ответственности, с одной стороны, пытается не допустить «охлаждающий эффект» в работе средств массовой информации, возлагая в первую очередь ответственность на автора и инициатора публикации, а с другой стороны, – не позволяет оставлять ненаказанными факты публикации запрещенных сообщений в ситуации, когда автор являлся анонимным или не был установлен.

Статья 421-2-5 Уголовного кодекса Франции предусматривает, что если прямая провокация к актам терроризма или публичное оправдание таких актов совершены посредством печатных, аудиовизуальных или онлайн сообщений, то вопрос об ответственных лицах решается с учетом специального законодательства (абз. 3). Во французском Законе «О свободе прессы» 1881 г. устанавливается, что уголовную ответственность в качестве главного исполнителя несет ответственный редактор³⁹⁸ (соредактор) издания, а автор – в качестве соучастника (при отсутствии редактора автор является исполнителем), а в их отсутствие – издатели и дистрибьютеры³⁹⁹. Та же модель применяется относительно телевидения, согласно Закону «Об аудиовизуальной коммуникации» 1982 г.⁴⁰⁰.

То, что автор при наличии ответственного редактора признается иным соучастником, а не исполнителем, объясняется тем, что режим каскадной ответственности во Франции строится прежде всего вокруг публикации, а не написания текста. Вместе с тем нужно отметить, что непривлечение к ответственности имеющегося

---

³⁹⁸ При этом в законе подчеркивается, что речь идет об ответственном редакторе издательства, независимо от конкретного наименования его должности.

³⁹⁹ Loi du 29 juillet 1881 sur la liberté de la presse, art. 42, 43 // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGITEXT000006070722/>

⁴⁰⁰ Loi n° 82-652 du 29 juillet 1982 sur la communication audiovisuelle, art. 93-3 // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/article_lc/LEGIARTI000020740559/2009-06-14/#LEGIARTI000020740559

и установленного ответственного редактора не является препятствием для признания автора соучастником.

В отличие от испанского законодательства, французский закон не запрещает привлекать на общих основаниях к ответственности иных лиц в качестве соучастников согласно ст. 121-7 УК Франции.

Отметим, что дореволюционное российское законодательство восприняло отдельные положения модели постепенной ответственности, хотя весьма запутанным образом. Так, с одной стороны, из ст. 1041 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в ред. 1885 г.) следовало, что «ответственными лицами за содержание напечатанных или литографированных сочинений» являются «сочинитель, издатель, типографщик или литографщик, книгопродавец и редактор», мера ответственности каждого из которых определяется **общими положениями о соучастии**⁴⁰¹.

С другой стороны, согласно ст. 1042 Уложения, упомянутые лица призывались «к суду в следующей постепенности:

- 1) сочинитель во всех случаях, когда он не докажет, что публикация его сочинения произведена без его ведома и согласия;
- 2) издатель в том случае, если имя и место жительства сочинителя не известны, или сей последней находится за границей;
- 3) типографщик или литографщик, когда ни сочинитель, ни издатель неизвестны, или когда местопребывание их не открыто, или когда они находились за границей;
- 4) книгопродавец в том случае, если на продаваемом экземпляре сочинения не выставлено имени и места жительства типографщика или литографщика»⁴⁰².

Когда последние три группы лиц устранились «от прямой ответственности» на основании ст. 1042 Уложения, они тем не менее могли привлекаться к ответственности как участники, «если доказано будет, что они, зная преступный умысел виновника, заведомо содействовали публикации и распространению издания» (ст. 1043 Уложения).

---

⁴⁰¹ Будзинский С. Уложение о наказаниях с комментарием, заключающим толкование важнейших статей неразработанных кассационною практикой, дополнения, объяснения и изменения в применении к Варшавскому судебному округу. Варшава, 1892. С. 265.

⁴⁰² Там же.

В ст. 1044 Уложения также указывалось, что «ответственность за содержание помещенных в повременных изданиях статей обращается во всяком случае, как на главного виновника, на редактора издания»⁴⁰³.

Как впоследствии объяснялось разработчиками Уголовного уложения 1903 г., эти положения Уложения о наказаниях 1845 г. не преследовали цель воспринять систему постепенной ответственности: речь шла не о материально-правовых нормах, а о процессуальных правилах⁴⁰⁴. Тем не менее, как замечал В.Д. Набоков, каковы бы ни были намерения законодательной власти, система, принятая в ст. 1042 Уложения о наказаниях, не предоставляла возможность привлекать к ответственности указанных после сочинителя лиц, если не выполнялись указанные в этой законодательной норме условия. Это становилось возможным только в том случае, если они, зная преступный умысел главного виновника, заведомо содействовали публикации и распространению издания⁴⁰⁵.

С принятием Уголовного уложения 1903 г. положение не изменилось в том смысле, что его разработчики исходили из того, что ответственность по преступлениям, «закключающихся в содержании произведений тиснения», должна основываться на общих положениях о соучастии в преступлении⁴⁰⁶. Кроме того, ст. 307 Уголовного уложения предусматривала, что если указанные выше лица действовали неосмотрительно, допуская обращение издания, в «содержании которого заключаются признаки преступного деяния», то они должны привлекаться к ответственности за самостоятельное преступление⁴⁰⁷. Статья 1042 Уложения о наказаниях при этом силу не утратила, хотя, как отмечал В.Д. Набоков, логика, заложенная в этой норме, оказалась опрокинутой одним из решений Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената по делу Ратнера⁴⁰⁸.

---

⁴⁰³ Там же.

⁴⁰⁴ Уголовное уложение. Объяснения к проекту Редакционной комиссии. Т. III. СПб., 1895. С. 438.

⁴⁰⁵ Набоков В. Уголовная ответственность книгопродавца // Право. Еженедельная юридическая газета. 1908. № 18. С. 1130.

⁴⁰⁶ Уголовное уложение. Объяснения к проекту Редакционной комиссии. Т. III. СПб., 1895. С. 443.

⁴⁰⁷ В указанной статье устанавливалось: «Сочинитель, издатель, заведующий заведением для тиснения или книгопродавец, а в изданиях повременных ответственный редактор, виновные в допущении, по неосмотрительности, выхода в обращение такого произведения тиснения, в содержании которого заключаются признаки преступного деяния, если не подлежат ответственности на основании правил о соучастии в преступном деянии, наказываются: денежной пенею не свыше пятисот рублей». При этом привлекаются к суду они в той же постепенности, что указано в ст. 1042 Уложения о наказаниях. См.: Новое Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. СПб., 1903. С. 108-109.

⁴⁰⁸ Набоков В. Указ. соч. С. 1135. Указанным решением Сенат подтвердил обвинительный приговор, вынесенный в отношении книгопродавца, фактически не приняв во внимание его особый статус и не применив

На сегодняшний день квалификация лиц, участвующих в совершении деяний с использованием средств массовой информации, может осуществляться лишь на основе общих положений о соучастии в преступлении, хотя это и не исключает дискуссии при их применении. Как указывает З.А. Шибзухов, судебная практика демонстрирует, что проблема иногда состоит даже не в решении вопроса, какую роль играет каждый из задействованных в публикации запрещенного контента – исполнителя или иного соучастника, а кто из них вообще может нести уголовную ответственность⁴⁰⁹.

Как известно, в основе разделения соучастников на виды лежит выполняемая тем или иным лицом функция, или характер участия в преступлении. Господствующая в российском праве объективная теория соучастия предполагает, что исполнителем преступления является тот, кто вызвал преступный результат, кто был непосредственной его причиной⁴¹⁰. Соответственно этому, определение исполнителя преступления строится вокруг «совершения преступления»: совершение непосредственно (собственными действиями, бездействием) или опосредованно (с использованием невинного агента).

Из Закона о СМИ можно сделать вывод, что и главный редактор, и журналист распространяют информацию и могут нести ответственность за эти действия при нарушении законодательства о средствах массовой информации. Так, журналист имеет право на *распространение* информации (ст. 47 Закона о СМИ), а принуждение его к отказу от *распространения* информации объявляется преступлением (ст. 144 УК РФ). В статье 57 Закона о СМИ перечисляются условия освобождения журналиста и главного редактора от ответственности за *распространение* определенного рода сведений. Ответственность главного редактора основывается на том, что распространение продукции средства массовой информации допускается только после того, как им дано соответствующее разрешение (ст. 26 Закона о СМИ).

Законодательство Российской Федерации о средствах массовой информации связывает ответственность журналистов и главных редакторов в первую очередь с тем,

---

положений ст. 1042 Уложения о наказаниях. Подробнее о деле Ратнера см.: Книжная торговля и ст. 129 уг. ул. // Право. Еженедельная юридическая газета. 1908. № 16. С. 934-943.

⁴⁰⁹ Шибзухов З.А. Проблемы квалификации публичных призывов к осуществлению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма, совершенного в соучастии // Общество и право. 2011. № 2 (34). С. 186.

⁴¹⁰ Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. Часть 2: Виды соучастников и формы участия в преступной деятельности. Учёные труды Свердловского юридического института. Серия «Уголовное право». Т.V. Свердловск, 1962. С. 5.

что именно они формируют (создают) или контролируют содержание распространяемой информации. В этом смысле показательны разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по вопросам применения Закона о СМИ: «по делам, вытекающим из содержания распространенной информации, ни издатель, ни распространитель продукции средства массовой информации не являются надлежащими ответчиками, поскольку ... эти лица не вправе вмешиваться в деятельность редакции, в ходе которой определяется содержание сообщений и материалов»⁴¹¹.

Решая вопрос о характере участия ответственных лиц в распространении информации с использованием средств массовой информации, как представляется, необходимо учитывать следующее. Нельзя отрицать, что в российском уголовном праве довольно давно наметилась наблюдаемая и в ряде европейских правовых систем тенденция расширения понятия исполнителя преступления, благодаря конструкции соисполнительства (совместной преступной деятельности). В этих случаях важным становится не только факт выполнения лицом деяния, входящего в объективную сторону преступления, но и степень участия в преступлении, существенность, значимость вклада в общий преступный результат⁴¹². С учетом особенностей распространения информации в СМИ, полагаем, что не только автор публикации (журналист), представляющий вниманию читателя (зрителя, слушателя) определенную информацию, но и главный редактор, принимающий окончательное решение в отношении производства и выпуска средства массовой информации, могут нести уголовную ответственность в качестве исполнителя (соисполнителя) преступного распространения.

Вместе с тем такой вывод применим не ко всем преступлениям, связанным с распространением информации или материалов, поскольку, как уже отмечалось, некоторые из них, например, публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма, требуют явного (очевидного для наблюдателя) одобрения чужого заявления. В таких случаях исполнителем должен признаваться автор сообщения, иные же лица могут рассматриваться в качестве иных соучастников при наличии на то оснований. В связи с этим отметим, что ответственность

---

⁴¹¹ Абз. 3 п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 (ред. от 09.02.2012) «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴¹² Keiler J. Actus reus and participation in European criminal law. Cambridge – Antwerp – Portland, 2013. P. 240-266.

по ч. 2 ст. 205² УК РФ в качестве исполнителя несет также и лицо, которое предоставляет от своего имени информацию для публикации в средствах массовой информации, например, дает интервью представителям средств массовой информации.

Кроме того, ответственность журналистов и главных редакторов, связанная с выполнением ими своих профессиональных функций, должна не только основываться на положениях уголовного законодательства, но и быть согласована с существующими на международном и национальном уровне гарантиями свободы средств массовой информации, служащих целям обеспечения доступа граждан к информации и освещения важных вопросов, представляющих общественный интерес⁴¹³.

Полагаем, что ответственность иных работников средств массовой информации (например, технических редакторов, корректоров, верстальщиков, операторов) не может основываться на выполнении ими своих профессиональных (трудовых) функций: как правило, речь идет о «нейтральных действиях», которые не могут рассматриваться в качестве вклада в совершение преступления, поскольку не оказывают воздействие на принятие решения действовать исполнителем преступления. Можно сказать, что исполнитель преступления в данном случае лишь использует обычный ход жизнедеятельности. Полагаем, что указанные лица могут нести уголовную ответственность в качестве соучастников в том случае, если они не просто осознавали некую полезность своих действий для совершения преступления другим лицом и, тем не менее, продолжали действовать, а были связаны с исполнителем (соисполнителями) общим преступным планом. Ответственность таких лиц может наступать и в ситуации, когда они вышли за пределы своих служебных обязанностей и использовали имеющийся у них доступ к продукции средств массовой информации – например, корректор или верстальщик изменили содержание публикации на запрещенное, сотрудник

---

⁴¹³ В связи с этим можно упомянуть рассмотренное Европейским Судом по правам человека дело «*ROJ TV A/S* против Дании», заявителем по которому выступала телекомпания, осужденная за содействие Курдской рабочей партии. Указанная телекомпания, в значительной степени финансируемая Курдской рабочей партией, в течение нескольких лет демонстрировала телевизионные программы, содержащие пропаганду указанной террористической организации. Европейский Суд констатировал, что датские суды обоснованно сочли, что одностороннее освещение событий с систематическим подстрекательством к участию в борьбе и вступлению в террористическую организацию, изображением погибших участников партизанских движений как героев, было равносильно пропаганде этой террористической организации, и признал жалобу неприемлемой (См.: European Court of Human Rights, Decision, Case «*ROJ TV A/S* against Denmark» (application no. 24683/14), 17 April 2018 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-183289>).

телекомпании осуществил трансляцию материала, пропагандирующего терроризм и проч.

Момент окончания преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, совершенного с использованием средств массовой информации, в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ справедливо связывается с распространением продукции средств массовой информации⁴¹⁴, под которой в ст. 2 Закона о СМИ понимается «продажа, подписка, доставка, раздача периодического печатного издания, аудио- или видеозаписи программы, вещание телеканала, радиоканала (телевизионное вещание, радиовещание), вещание телепрограммы, радиoproграммы в составе соответственно телеканала, радиоканала, демонстрация кинохроникальной программы, предоставление доступа к сетевому изданию, иные способы распространения».

Это в свою очередь ставит вопрос об уголовно-правовой оценке действий физических лиц, которые являются представителями распространителя продукции средств массовой информации. Под распространителем в Законе о СМИ понимается «лицо, осуществляющее распространение продукции средства массовой информации по договору с редакцией, издателем или на иных законных основаниях». К распространителям может быть отнесен и вещатель – «юридическое лицо, осуществляющее формирование телеканала или радиоканала и его распространение в установленном порядке на основании лицензии на телевизионное вещание, радиовещание»⁴¹⁵.

Не исключено, что при наличии вины представители распространителей и вещателей (в первую очередь речь идет об их руководителях) могут подлежать уголовной ответственности, хотя такие случаи скорее можно назвать исключительными.

Отметим, что указанные лица с технической точки зрения доводят до адресатов (публики) информацию и материалы, следовательно, совершаемые ими действия могут быть расценены как выполнение объективной стороны преступлений, связанных с преступным распространением информации или материалов. Вместе с тем руководителей и иных представителей соответствующих юридических лиц можно

---

⁴¹⁴ Абз. 2 п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴¹⁵ Ст. 2 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 11.03.2024 № 42-ФЗ) «О средствах массовой информации».

отнести к исполнителям преступного распространения лишь в тех случаях, когда они действуют умышленно, во исполнение общего преступного с другими соисполнителями плана. Указанный вопрос, являясь частью общей проблемы правовой оценки действий вещателей и распространителей продукции средств массовой информации, безусловно, требует более подробного, самостоятельного изучения, что не может быть осуществлено в рамках настоящего исследования.

С учетом изложенного можно сделать следующие выводы.

В отличие от законодательства ряда зарубежных государств, отечественный уголовный закон не предусматривает каких-либо специальных правил квалификации преступных деяний, совершаемых посредством использования средств массовой информации. Вопрос о круге лиц, подлежащих уголовной ответственности за преступления, связанные с распространением запрещенной информации и (или) материалов, разрешается на основании общих положений о соучастии в преступлении. Квалификация деяний, совершенных каждым из лиц, принявших участие в преступном распространении, определяется в соответствии со ст. 33 УК РФ.

При этом нужно признать, что применение уголовно-правовых норм о соучастии в преступлении в этих случаях не лишено недостатков, поскольку теоретически действие указанных норм может быть распространено на достаточно широкий круг лиц, например, на корректоров или верстальщиков, ознакомленных с содержанием публикации. Полагаем, что лица, выполняющие подобные функции, могут нести уголовную ответственность в качестве соучастников в том случае, если они не просто осознавали некую полезность своих действий для совершения преступления другим лицом и, тем не менее, продолжали действовать, а были связаны с исполнителем (соисполнителями) общим преступным планом.

Распространение информации и (или) материалов с использованием средств массовой информации – это сообщение или передача информации и (или) материалов неопределенному кругу лиц посредством предоставления информации для публикации (демонстрации, трансляции) в средствах массовой информации или принятия решения о выпуске в свет (эфир) продукции средства массовой информации, а также передача информации и (или) материалов, осуществляемая распространителями и вещателями, действующими во исполнение общего преступного плана с лицами, предоставляющими

информацию и (или) материалы для публикации (демонстрации, трансляции) или принимающими решение о выпуске в свет (эфир) продукции средств массовой информации, когда в результате указанных действий информация и (или) материалы становятся доступными неопределенному кругу лиц.

§ 2.5. Понятие распространения информации и (или) материалов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей

Предваряя рассмотрение понятия распространения информации и (или) материалов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, обратимся к отмеченным ранее особенностям понимания материалов, передаваемых посредством указанных сетей. Решение этого вопроса, помимо прочего, позволит определить, существует ли различие между материалами и информацией в контексте их распространения с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и в чем оно состоит.

Напомним, что традиционно под материалами принято понимать материальные носители информации. При этом, с одной стороны, специалистами давно отмечается тенденция широкого подхода к понятию материального носителя, который, как предполагают, также существует во время передачи информации по телекоммуникационным каналам связи⁴¹⁶. С другой стороны, отмечается, что, например, в гражданском законодательстве понятие «информационный носитель» (абз. 2 п. 1 ст. 1334 ГК РФ) не отождествляется с носителем материальным, а является более широким понятием, поскольку может применяться ко всем случаям фиксации результатов интеллектуальной деятельности в электронной форме, в том числе к записи в память ЭВМ, хранению в сети Интернет⁴¹⁷.

Показательно, что похожие вопросы, возникшие в немецкой правоприменительной практике в связи с техническим развитием «в области сохранения, накопления и передачи

---

⁴¹⁶ Зигура Н.А. О правовом определении носителей компьютерной информации // Вестник ЮУрГУ. 2006. №13. С. 82. На это же применительно к порнографическим материалам обращает внимание М.М. Заирная. (См.: Заирная М.М. Указ. соч. С. 87-88).

⁴¹⁷ Экспертное заключение по проекту Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»» (принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 16.03.2009 (протокол № 68)) // СПС «КонсультантПлюс».

(криминальной) информации»⁴¹⁸, потребовали замены используемого в Уголовном уложении ФРГ термина «письменные материалы» на «материалы». В абзаце 3 статьи 11 Уголовного уложения ФРГ им дается следующее определение: «Материалами в контексте норм, отсылающих к данному абзацу, являются таковые, которые содержатся в письменных материалах, на носителях аудио- и видеозаписи, накопителях данных, в репродукциях или воплощаются иным образом, или также *таковые, которые передаются независимо от их сохранения посредством информационной или коммуникационной техники*»⁴¹⁹ (курсив мой. – О.К.).

Распространение материала обычно понимается как физическая передача (отчуждение) материального носителя информации. Как представляется, попытка переложить такое представление на онлайн-сферу была предпринята Пленумом Верховного Суда РФ при решении вопроса о разграничении распространения порнографических материалов и их демонстрации с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 37 (2022) указывается, что, распространение порнографических материалов представляет собой «незаконное предоставление конкретным лицам либо неопределенному кругу лиц возможности их использования», например, путем размещения на личной странице в социальной сети «ссылки для загрузки (скачивания) файлов порнографического содержания». При демонстрации же порнографических материалов имеется возможность их просмотра, но отсутствует «возможность самостоятельного их использования (путем сохранения на своем компьютерном устройстве, размещения на интернет-страницах от своего имени и т.п.)»⁴²⁰.

Обратим здесь внимание на получившийся акцент: распространяются именно материалы, а не просто информация, содержащаяся в них. Демонстрация же порнографических материалов предполагает распространение содержащейся в них графической или текстовой *информации*, а не ее носителей.

---

⁴¹⁸ Головненков П.В. Уголовное Уложение Федеративной Республики Германия – Strafgesetzbuch (StGB) – Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Potsdam, 2021. С. 81-82.

⁴¹⁹ Там же. С. 79-80.

⁴²⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», п. 22, абз. 2, 3 // СПС «КонсультантПлюс».

Размещение видеозаписи в Интернете, если пользоваться разъяснениями Пленума, может оказаться как распространением, так и демонстрацией порнографических материалов, или, другими словами, как распространением материалов, так и распространением информации. Все зависит от того, имеется ли у получателя техническая возможность сохранить эту видеозапись на принимающем техническом устройстве, переслать другим лицам, иным образом использовать материал. Например, в мессенджере *WhatsApp* присланные видеозаписи могут быть сохранены на техническое устройство получателя, а также без труда пересланы им своим контактам. Если же отправитель видеозаписи установил опцию однократного просмотра, то видеозапись нельзя сохранить на устройство получателя, она не может быть переслана другим пользователям и даже не может быть просмотрена самим получателем более одного раза.

Нельзя не признать, что при распространении информации и материалов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей граница между материалами и информацией оказывается в значительной степени размытой. Причем разрешаемая Пленумом задача была нетривиальной именно потому, что в ст. 242, 242¹ УК РФ материалы и информация, строго говоря, вообще не различаются (если не учитывать упоминание в ст. 242¹ УК РФ «материалов с порнографическими изображениями»). Это приводит отдельных специалистов к выводу, согласно которому распространение порнографических материалов осуществляется как путем передачи носителя, так и путем ознакомления с материалами, вслед за чем следует предложение об исключении указания на демонстрацию и рекламирование из ст. 242, 242¹ УК РФ⁴²¹.

Согласимся с П.А. Филипповым, что при рекламировании порнографического материала распространение информации порнографического содержания не происходит (может не происходить) – существует лишь уведомление о том, что имеется материал с таким содержанием с предложением его приобрести⁴²². Таким образом, не осуществляется ни передача носителя, ни передача содержащейся в нем информации, а значит, выделение рекламирования в качестве самостоятельного наказуемого деяния имеет определенный смысл. При демонстрации же порнографического материала

---

⁴²¹ Осокин Р.Б. Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления против общественной нравственности: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2014. С. 239.

⁴²² Филиппов П.А. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности: монография. М., 2022. С. 541.

распространение информации соответствующего содержания хотя и имеет место, но без передачи материала – носителя такой информации.

Пытаясь найти различия между информацией и материалами в контексте их распространения с использованием ИТС, зададимся вопросом, чем является опубликованное на личной странице в социальной сети текстовое сообщение – информацией или материалом? С одной стороны, такое сообщение можно сравнить с вывешиванием плаката на улице: сам плакат (носитель) не передается, но путем его вывешивания передается содержащаяся на нем информация. С другой стороны, сообщением, размещенным в социальной сети, можно поделиться с другими пользователями путем репоста, то есть фактически передав его в оригинальном виде, что делает сравнение его с вывешиванием плаката уже не таким точным. В некоторых социальных сетях возможность репостов может быть ограничена, например, иногда их нельзя сделать при размещении в закрытых группах. Влияет ли это на признание размещенного сообщения материалом или информацией?

Представляется, что различие информации и материалов, распространяемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в зависимости от того, могут ли они быть сохранены получателями, пересланы ими другим лицам или иным образом использованы, помимо ознакомления с ними, вряд ли может быть признано удовлетворительным решением.

Полагаем, что под материалом, распространяемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, должна пониматься информация, представленная в электронной форме, ознакомление с которой возможно в течение всего срока ее размещения в информационно-телекоммуникационной сети, неограниченное число раз лицом или лицами, имеющими к ней доступ. Это отличается от ситуации, когда информация передается через информационно-телекоммуникационные сети без возможности ее повторного воспроизведения, например, в случае прямой трансляции. В таких случаях представляется правильным говорить о распространении информации, но не материала.

Переходя к рассмотрению понятия распространения с использованием ИТС, отметим, что попытки переложить традиционное понимание распространения материалов на онлайн-распространение окажутся более или менее удачными лишь в

случае, если распространение материалов с использованием ИТС будет пониматься как передача материала, сопряженная с его попаданием, как минимум, в оперативную память технического устройства другого пользователя. При этом передача должна предполагать не просто сохранение материала на каком-нибудь общедоступном интернет-ресурсе, а целенаправленное обращение отправителя к получателю (получателям).

Вместе с тем, как было показано выше, Пленум Верховного Суда РФ не связывает распространение материалов посредством использования ИТС с их поступлением в оперативную память компьютера другого интернет-пользователя, необходима лишь возможность самостоятельного использования материала. А значит, первое названное требование в судебной практике не соблюдается. Да и второе вряд ли ею выдерживается. Так, несмотря на то, что некоторые суды требуют при распространении материалов совершение целенаправленных действий по их передаче, оправдывая обвиняемых, которые никому не передавали и не предлагали такие материалы (случаи скачивания материалов из файлообменной программы и участия в их последующей «раздаче»), отсутствие состава преступления в указанных случаях связывается судами не столько с отсутствием самого распространения, сколько с отсутствием умысла на него⁴²³.

Таким образом, при распространении материалов с использованием ИТС речь не идет даже о квазифизической передаче материала, то есть аналогия с распространением материала офлайн фактически не работает. Как представляется, российская судебная практика исходит из того, что распространение материалов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей – это прежде всего размещение материалов в указанных сетях их пользователями. Таким образом, передача материалов при распространении офлайн в некотором смысле может быть противопоставлена размещению материалов при онлайн-распространении.

Кроме того, при выработке понятия распространения информации и материалов с использованием ИТС необходимо также учитывать возможность размещения материалов, подготовленных другими лицами. Например, кто-то записывает свое видеообращение, а другой выкладывает его в свой *YouTube*-канал. Полагаем, что в таких

---

⁴²³ См.: Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 24.03.2020 № 77-291/2020; Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22.04.2021 № 77-1259/2021; Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 02.03.2021 № 77-995/2021; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.07.2019 № 16-УД19-7 // СПС «КонсультантПлюс».

случаях, если автор сообщения так или иначе обозначен в этом качестве в самом сообщении, и когда им осознается, что его обращение будет предано гласности, он может также рассматриваться в качестве распространителя – лица, сообщающего информацию с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Подобная логика прослеживается в деле Квачкова, осужденного за совершение преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ (переквалифицировано судом первой инстанции со ст. 205² УК РФ). Так, Квачковым было записано собственное видеообращение, в котором содержалась информация, возбуждающая ненависть к определенным группам. Несмотря на то, что эта запись была размещена для всеобщего доступа в сети «Интернет» другими лицами, подсудимый был признан исполнителем указанного преступления, поскольку данное видеообращение было размещено в свободном доступе в сети «Интернет» именно по его указанию⁴²⁴.

Также необходимо обратить внимание на следующую особенность распространения информации посредством информационно-телекоммуникационных сетей: объективно задействованными в распространении информации оказываются не только пользователи информационно-телекоммуникационных сетей, но и те, кто технически обеспечивает доведение передаваемой ими информации или материалов до адресата. Не удивительно, что сформулированное в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определение распространения информации как действий, направленных на передачу и получение информации, дает широкий простор правоприменителю при толковании этого понятия⁴²⁵.

Так, в одном из решений Верховного Суда РФ отмечалось, что оператор связи, «предоставляя техническую возможность доступа к запрещенной законом информации ... выступает ее распространителем»⁴²⁶. Федеральный арбитражный суд Московского округа, отменяя решение нижестоящих судов, отметил, что необходимо проверить доводы о причастности ответчика – владельца сайта – к распространению спорных

---

⁴²⁴ Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 28.12.2017 № 203-АПУ17-34 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴²⁵ Савельев А.И. Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (постатейный). М., 2015 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴²⁶ Определение Верховного Суда РФ от 10.05.2011 № 58-Впр11-2 // СПС «КонсультантПлюс».

(клеветнических) сведений, в том числе по причине, что именно он создает технические возможности для размещения соответствующей информации⁴²⁷.

Специальные правила ответственности так называемых информационных посредников (интернет-провайдеров, хостинг-провайдеров, владельцев интернет-сайтов и др.) за нарушение интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях предусмотрены гражданским законодательством⁴²⁸. Условия гражданско-правовой ответственности информационных посредников за распространение информации, которым нарушаются права и законные интересы других лиц, закреплены также в ст. 17 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и защите информации».

Анализ российского законодательства позволяет сделать следующий вывод. Несмотря на то, что операторы связи, провайдеры хостинга, владельцы интернет-сайтов могут объективно участвовать в распространении информации, в том числе запрещенной (порнография, пропаганда терроризма, личная тайна, клеветнические сведения и проч.), привлечение их уполномоченных представителей (физических лиц) к уголовной ответственности за передачу такой информации или предоставление к ней доступа вряд ли возможно. Согласно закону на указанных субъектах лежит обязанность по ограничению доступа к определенному виду информации (ее удалению), а невыполнение этой обязанности может повлечь только административную ответственность⁴²⁹. Речь, подчеркнем, идет об ответственности за неисполнение обязанности, предусмотренной не уголовным законом. Другой возможный подход для наглядности можно проиллюстрировать на примере законодательств Великобритании и Франции.

В ст. 1 Акта о терроризме (2006) Великобритании устанавливается уголовная ответственность за публикацию заявлений, содержащих поощрение терроризма⁴³⁰. При этом под понятие публикации подпадает также предоставление в электронном виде любой услуги, с помощью которой общественность получает доступ к такому заявлению

⁴²⁷ Постановление ФАС Московского округа от 25.12.2013 № Ф05-16421/2013 по делу № А40-151241/12-12-698 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴²⁸ Статья 1253.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024 № 4-ФЗ).

⁴²⁹ См., например, ст. 13.34, 13.37, 13.41 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 22.04.2024 № 86-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://actual.pravo.gov.ru/list.html#date_period=%2C08.06.2024&kinds=70&sort=type&hash=6639c6c6580e8aa0bdf84170d25823669dfb6a4144b03da245ef4889f24765c0

⁴³⁰ Terrorism Act 2006 // URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/11/contents>

(п. 4 ст. 20). Это позволяет привлекать к ответственности не только автора заявления, но и владельца веб-сайта, где публикуется заявление, а также интернет-провайдера⁴³¹, в том числе если последние, получив соответствующее уведомление от властей, не ограничили доступ общественности к контенту.

Статья 421-2-5 Уголовного кодекса Франции предусматривает, что если прямая провокация или публичное оправдание актов терроризма совершено посредством онлайн сообщений, то вопрос об ответственных лицах решается с учетом специального законодательства. К публикациям в Интернете применяется Закон «Об аудиовизуальной коммуникации» 1982 г., согласно которому создатель и администратор сайта также могут нести ответственность за провокацию или публичное оправдание актов терроризма, если они знали о публикации запрещенного сообщения до того, как оно было размещено, или, если, узнав о нем, не предприняли меры по его удалению⁴³².

В этом смысле интерес представляют разъяснения, которые даются в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, посвященном вопросам квалификации преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных сетей. Распространение порнографических материалов определяется как «незаконное предоставление конкретным лицам либо неопределенному кругу лиц возможности их использования»⁴³³, а распространение вредоносной программы или вредоносной компьютерной информации – как «предоставление доступа к ним конкретным лицам или неопределенному кругу лиц любым способом»⁴³⁴.

Подобные определения вполне могут быть приложимы к действиям, которые осуществляют информационные посредники, хотя данные разъяснения, полагаем, не направлены на столь широкое понимание распространения информации или материалов. Это становится понятно, если посмотреть на примеры, которые приводятся в тех же разъяснениях Пленума: продажа, передача копии на электронном носителе, направление

---

⁴³¹ Simon J. Preventive Terrorism Offences: The Extension of the Ambit of Inchoate Liability in Criminal Law as a Response to the Threat of Terrorism. Oxford, 2015. P. 175-176.

⁴³² Loi n° 82-652 du 29 juillet 1982 sur la communication audiovisuelle, art. 93-3 // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/article_lc/LEGIARTI000020740559/2009-06-14/#LEGIARTI000020740559. О практике применения указанной нормы см. подробнее: European Court of Human Rights. Sanchez v. France. Application no.45581/15. Judgment of 2 September 2021, para. 25-29 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-211777>

⁴³³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»», п. 22, абз. 2, 3 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴³⁴ Там же, п. 11, абз. 1.

в личном сообщении, размещение на серверах, интернет-страницах информации или ссылок для загрузки файлов.

Тем не менее возможность привлечения информационных посредников (их представителей) к уголовной ответственности за распространение террористической пропаганды в российском правовом контексте не может быть полностью исключена. Представим, например, ситуацию, когда провайдер хостинга предоставляет свои услуги, зная о размещении террористического контента и желая таким образом участвовать в его распространении. Или владелец сайта может предусмотреть предварительную модерацию размещаемого пользователями контента и осознанно делать общедоступной запрещенную информацию или материалы, предоставленные пользователями. В подобных случаях вопрос о привлечении таких лиц к ответственности в качестве исполнителей (соисполнителей) преступления, не исключаем, может быть решен положительно при условии, что они совершали заранее обещанные действия по передаче, предоставлению возможности размещения или доступа к информации или материалам

В этом же ключе может быть рассмотрена проблема ответственности пользователей социальных сетей за комментарии, оставленные на их страницах другими пользователями. В деле «Sanchez v. France» Европейский Суд не нашел нарушений ст. 10 Европейской конвенции в действиях французских властей, которые привлекли к уголовной ответственности мэра одного из городов за разжигание ненависти в связи с тем, что он своевременно не удалил чужие ненавистнические комментарии к своему посту на своей личной странице в социальной сети⁴³⁵. Занятая Европейский Судом позиция получила весьма нелестные отклики отечественных и иностранных специалистов⁴³⁶.

Владелец страницы в социальной сети действительно способен контролировать ее содержание, в том числе удаляя информацию, размещаемую другими лицами. Но, согласно представленной выше позиции, ответ на вопрос, может ли владелец страницы рассматриваться в таких случаях как распространитель информации (исполнитель

---

⁴³⁵ European Court of Human Rights. Case «Sanchez v. France» (application № 45581/15), Judgment, 2 September 2021, para. 25-29 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-211777>

⁴³⁶ См. подробнее: Соболева А. Дело Sanchez v. France: защита от разжигания вражды или очередной шаг ЕСПЧ на пути к ограничениям свободы слова в Интернете? // Международное правосудие. 2021. № 4 (40). С. 3–18.

преступления), будет зависеть в том числе от того, может ли он быть назван информационным посредником?

Таким образом, распространение информации и (или) материалов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей – это сообщение (передача) информации через информационно-телекоммуникационные сети или размещение материалов в информационно-телекоммуникационных сетях, а равно совершение информационным посредником заранее обещанных действий по передаче, предоставлению возможности размещения или доступа к информации или материалам. Бездействие таких информационных посредников, заключающееся в неисполнении обязанности по удалению или ограничению доступа к информации или материалам, распространением не является.

С учетом предлагаемого определения полагаем неверным квалифицировать демонстрацию уже размещенных в сети «Интернет» материалов с того или иного технического устройства (компьютера, планшета, мобильного телефона и проч.) как совершенную «с использованием информационно-телекоммуникационной сети».

Так, Яс-ов был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205² УК РФ. Отбывая лишение свободы в исправительной колонии за совершение другого преступления, он разместил на своей странице в социальной сети несколько материалов, содержащих призывы к осуществлению террористической деятельности и оправдывающих терроризм, сделав их доступными неопределенному кругу лиц. Указанные действия совершены им в 2015 г., когда редакция ст. 205² УК РФ еще не предусматривала квалифицирующего признака «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей». Преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 205² УК РФ, было вменено Яс-ву в связи с тем, что позднее, с июня по декабрь 2016 г., то есть и в период действия новой редакции указанной статьи⁴³⁷, он демонстрировал размещенные материалы другим осужденным, отбывающим наказание в той же исправительной колонии⁴³⁸.

---

⁴³⁷ Федеральным законом от 06.07.2016 № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» ч. 2 ст. 205² УК РФ была дополнена признаком «с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201607070042>

⁴³⁸ Приговор Московского окружного военного суда от 15.06.2017 по уголовному делу № 2-48/2017 // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

Определение момента окончания преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, на наш взгляд, имеет некоторые особенности, в отличие от момента окончания при офлайн-распространении. В связи с ранее отмеченным размыванием границы между информацией и материалами полагаем, что момент окончания при распространении и информации, и материалов должен быть единым.

Если речь идет о публичном распространении информации или материалов, преступление считается оконченным, когда информация или материал станут доступными неопределенному кругу лиц. Этого, например, не происходит в случаях, когда материал, отправленный на информационный ресурс для публикации, не прошел модерирование и не был размещен уполномоченными лицами для ознакомления с ним пользователей⁴³⁹.

В случае непубличного распространения информации и материалов преступление должно признаваться оконченным, когда адресат (хотя бы один) ознакомился с информацией, в том числе содержанием переданного ему материала.

В связи с последним необходимо обратить внимание также на следующее. До криминализации пропаганды терроризма квалифицирующий признак состава публичных призывов к осуществлению террористической деятельности и публичного оправдания терроризма «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» по понятным причинам предполагал лишь публичное распространение соответствующей информации. После же указанного нововведения эта уголовно-правовая норма (ч. 2 ст. 205² УК РФ) по своему буквальному смыслу стала распространяться и на случаи пропаганды, совершенной непублично⁴⁴⁰.

И все же при таком толковании возникает следующий вопрос: обосновано ли признавать использование информационно-телекоммуникационных сетей при непубличной пропаганде терроризма обстоятельством, повышающим степень

---

⁴³⁹ Эта проблема часто возникает по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 354¹ УК РФ, и, как отмечают исследователи, судебная практика чаще квалифицирует подобные деяния как оконченные преступления, что, на наш взгляд, неверно. (См.: Кибальник А.Г. Судебная практика применения нормы о реабилитации нацизма (чч. 1, 2 ст. 354¹ УК РФ) // Уголовное право. 2023. № 10. С. 33-36).

⁴⁴⁰ Такой смысл становится более очевидным при сравнении формулировки ч. 2 ст. 205² УК РФ (деяния, «совершенные ... с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»») с формулировкой, например, ч. 2 ст. 128¹ УК РФ (клевета, «совершенная **публично** с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»).

общественной опасности совершаемого деяния?⁴⁴¹ Отвечая на него отрицательно, полагаем, что соответствующее положение ч. 2 ст. 205² УК РФ должно толковаться как использование информационно-телекоммуникационных сетей лишь для публичного распространения информации и (или) материалов соответствующего содержания.

Особенности совершения преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, с использованием сети «Интернет» актуализировали также проблему возможности признания конкретных совершенных деяний, содержащих признаки указанного состава преступления, к числу длящихся и продолжаемых преступлений.

В недавно принятом постановлении Пленума Верховного Суда РФ под длящимся предложено понимать преступление, которое начинается с определенного преступного действия (бездействия), образующего состав конкретного преступления, и которое «характеризуется последующим непрерывным осуществлением состава данного преступного деяния»⁴⁴². Таким образом, сущность длящегося преступления более не связывают исключительно с «длительным неисполнением обязанностей, возложенных на виновного», как это было ранее⁴⁴³. О том, что такое понимание нуждается в уточнении, указывалось еще до новых разъяснений Пленума Верховного Суда РФ⁴⁴⁴.

По смыслу новых разъяснений длящееся преступление предполагает, что его элементы сохраняются каждый момент времени. Как пишут И.А. Белецкий и Н.В. Вишнякова, преступление совершается «в течение каждого мгновения ... пока деяние не прервет сам виновный или другие лица»⁴⁴⁵. Именно это мы наблюдаем при незаконном хранении оружия или при похищении человека – и то, и другое постоянно, непрерывно осуществляется. Но наблюдается ли подобное при совершении преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, с использованием сети «Интернет»?

---

⁴⁴¹ В более общем законодательном контексте вопрос о повышении степени общественной опасности преступлений при их совершении с использованием информационно-телекоммуникационных сетей поднимается А.Г. Хлебушкиным: Хлебушкин А.Г. Особенности квалификации преступлений террористической и экстремистской направленности, совершаемых с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей // *Криминалистика*. 2024. № 2 (47). С. 141.

⁴⁴² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях», п. 2 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁴³ См. утратившее силу постановление 3 Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям».

⁴⁴⁴ Ображиев К.В. Юридическая природа и признаки длящегося преступления // *Всероссийский криминологический журнал*. 2021. Т. 15. № 4. С. 447.

⁴⁴⁵ Белецкий И.А., Вишнякова Н.В. Распространение, одобрение или отрицание информации в сети «Интернет»: единичное или сложное преступление? // *Уголовное право*. 2023. № 7. С. 13.

Отметим, что судебная практика по ст. 205² УК РФ исходит из того, что призывы к террористической деятельности, оправдание терроризма, совершаемые посредством размещения террористического контента (материалов) в Интернете, длящимися не являются. Сроки давности по подобным обвинениям исчисляются правоприменителем со дня публикации материала в Сети⁴⁴⁶, на этот же момент определяется уголовный закон, подлежащий применению⁴⁴⁷. Хотя нужно признать, что практика далека от единообразия, если учитывать те решения, которые принимаются по уголовным делам о преступлениях, совершаемых в Интернете, но посягающих на иные объекты, а также по делам об административных правонарушениях⁴⁴⁸.

Исходя из отстаиваемой нами позиции, согласно которой распространение материалов с использованием ИТС состоит, в частности, в размещении их пользователем, полагаем, что действия пользователя не образуют состав длящегося преступления. Такое размещение (публикация) является одноактным действием, которое определяется моментом появления у других лиц возможности ознакомления с тем или иным материалом: «опубликовать – напечатать для всеобщего сведения, сделать известным путем помещения в печати»⁴⁴⁹. Другими словами, размещение материала пользователем не осуществляется постоянно.

Иначе анализируют рассматриваемые деяния сторонники отнесения их к длящимся. Так, К.В. Ображиев поясняет, что «за счет осознанного использования общедоступного информационного ресурса» виновный оказывает «непрерывное негативное воздействие на общественную безопасность», причем «это воздействие находится под сознательно-волевым контролем виновного», так как он располагает возможностью, удалив сообщение, завершить преступное действие. Схожие доводы высказывает Д.О. Чернявский, который пишет: «...призыв, будучи доступным для восприятия, оказывает

---

⁴⁴⁶ Постановление Московского окружного военного суда о прекращении уголовного дела от 17.10.2017 (дело № 2-79/2-17) // Архив 2-го Западного окружного военного суда; Постановление о частичном прекращении уголовного дела от 14.06.2018 (Следственное управление СК России по Курской области) // Архив 2-го Западного окружного военного суда. Дело № 2-68/2018.

⁴⁴⁷ Приговор Московского окружного военного суда от 27.04.2018 по делу № 2-40/2018; Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 03.07.2018 по тому же делу // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

⁴⁴⁸ См. об этом подробнее: Костылева О.В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и оправдание терроризма с использованием сети Интернет: к вопросу о длящихся и продолжаемых преступлениях // Уголовное право. 2021. № 4. С. 9-11.

⁴⁴⁹ Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998.

непрерывное воздействие на неопределенно широкую аудиторию, т.е. преступление имеет продолжительный, длящийся характер»⁴⁵⁰.

Таким образом, указанные специалисты исходят из того, что пока террористический контент доступен читателю или слушателю, виновный совершает действие по оказанию воздействия на последних. Нами же воздействие, о котором пишут К.В. Ображиев и Д.О. Чернявский, рассматривается в качестве последствия, но не самого деяния, состоящего в размещении материалов. Длящийся же характер деяния не может быть связан с длящимся характером его последствий, несмотря на имеющиеся противоположные мнения⁴⁵¹. На то, что необходимо отличать длящиеся преступления от одноактных действий с пролонгированными последствиями, указывает и К.В. Ображиев в своей статье, подготовленной в соавторстве с В.В. Петренко⁴⁵².

Возможно, что отличия в представленных подходах также связаны с разным пониманием правовой природы длящихся правонарушений (преступлений). Так, К.В. Ображиев полагает, что «длящееся преступление — это не законодательный конструкт, а фактически совершенное деяние»⁴⁵³, а потому длящийся характер преступления следует выводить из характера конкретного преступного деяния в каждом отдельном случае. Нам же близка позиция, согласно которой «единственным и объективным критерием» отнесения конкретного правонарушения к числу длящихся является то обстоятельство, «предусмотрена ли законодателем в качестве признака объективной стороны внутренняя продолжительность противоправных действий (бездействия)»⁴⁵⁴. Полагаем, что имеющиеся в правоприменительной практике затруднения при решении вопросов об отнесении тех или иных преступлений к числу длящихся должны разрешаться в первую очередь законодателем. В этом смысле может быть полезен опыт американских законодателей, которые при появлении подобных проблем на практике указывают на

---

⁴⁵⁰ Чернявский Д.О. Уголовно-правовая характеристика публичных призывов к нарушению территориальной целостности Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 111.

⁴⁵¹ Так, Н.Ф. Кузнецова писала о растянутых во времени преступных последствиях в длящихся преступлениях: Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений. Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». М., 2007. С. 309.

⁴⁵² Ображиев К.В., Петренко В.В. Длящиеся преступления в уголовном праве Германии и Франции: доктрина, законодательство, практика // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 1. С. 122, 124.

⁴⁵³ Ображиев К.В. Юридическая природа и признаки длящегося преступления // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 4. С. 453.

⁴⁵⁴ Серков П.П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы: монография. М., 2012 // СПС «КонсультантПлюс».

длящийся характер преступлений или на правила исчисления сроков давности за определенные виды преступных деяний в текстах самих законодательных актов⁴⁵⁵.

Непризнание рассматриваемых преступлений длящимися в некотором смысле компенсируется возможностью признания рассматриваемых преступных деяний продолжаемым преступлением. Сущность продолжаемого преступления как единого преступного деяния определена особенностями его объективных и субъективных признаков. Так, продолжаемое преступление состоит из ряда тождественных преступных деяний (эпизодов); между ними имеется тесная связь, которую следует устанавливать с учетом конкретных обстоятельств (существенных обстоятельств, объединяющих отдельные эпизоды – этапы); всем эпизодам присуще единство умысла (часто также цели и мотива)⁴⁵⁶.

Согласно действующим разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ «продолжаемым является преступление, состоящее из двух или более тождественных противоправных деяний, охватываемых единым умыслом»⁴⁵⁷.

Понятие продолжаемого преступления конкретизируется применительно к отдельным видам преступных деяний в разных постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, например, по делам о хищениях, половых преступлениях, взяточничестве, отмывании преступных доходов, организации незаконной миграции. Можно согласиться с А.Н. Кулагиным, отмечающим, что «важно понять ... как свойства *общего* (продолжаемого преступления как такового) отражаются в *особенном* (разновидностях продолжаемого преступления)»⁴⁵⁸.

Тем не менее на сегодняшний день в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ отсутствуют разъяснения относительно квалификации тех или иных деяний, совершаемых посредством использования ИТС, как продолжаемых. Это касается в том

---

⁴⁵⁵ Так, возникший в североамериканских судах спор об отнесении к длящемуся преступлению такого деяния, как уклонение от регистрации для участия в призыве на военную службу, привел к закреплению в § 3811(d) 50 раздела Свода законов США правила исчисления сроков давности привлечения к ответственности за указанное преступление. Содержание этого правила свидетельствует о длящемся характере этого преступного деяния. (См.: Boles J.F. Easing the Tension Between Statutes of Limitations and the Continuing Offense Doctrine // *Northwestern Journal of Law and Social Policy*. 2012. Vol. 7. P. 230-234).

⁴⁵⁶ Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963. С. 305-307; Кулагин А.Н. Продолжаемые преступления: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 31. С. 63-34, 89-91; Малков В.П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. Казань, 1982. С. 18-19.

⁴⁵⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях», п. 4 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁵⁸ Кулагин А.Н. Указ. соч. С. 31.

числе преступлений террористической и экстремистской направленности (ст. 205², 280, 280¹, 282 УК РФ), несмотря на то, что значительная их часть совершается в Интернете.

Признак тождественности составляющих продолжаемое преступление действий означает, что каждое из них может быть квалифицировано по одной и той же статье Особенной части УК РФ. Не исключает тождественности и тот факт, что одна часть опубликованных материалов содержит, например, оправдывающие терроризм высказывания, а другая – призывы к террористической деятельности⁴⁵⁹, поскольку их юридическая квалификация не отличается: каждое из действий содержит признаки состава преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ.

Продолжаемым может быть признано и преступление, составные части которого, будь они самостоятельными преступными деяниями, квалифицировались бы по разным частям одной и той же статьи Особенной части УК. Как верно отмечается в литературе, «в подобных случаях продолжаемое преступление квалифицируется с учетом отягчающих обстоятельств, которые имели место хотя бы при совершении одного из деяний, входящих в его состав»⁴⁶⁰. Аналогичное разъяснение содержится в п. 5 упоминавшегося постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о делящихся и продолжаемых преступлениях».

Сказанное заставляет усомниться в обоснованности уголовно-правовой оценки содеянного в следующем деле. Носель признан виновным в совершении двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205² и ч. 2 ст. 205² УК РФ, за публикацию нескольких материалов в сети «Интернет». Указанные действия квалифицированы по совокупности преступлений по той причине, что первая из публикаций была размещена в период действия ст. 205² УК РФ в редакции Федерального закона от 07.12.2011, тогда как все последующие аналогичные действия имели место после того, как Федеральным законом от 06.07.2016 была установлена «самостоятельная уголовная ответственность за публичное оправдание терроризма с использованием ... сети Интернет»⁴⁶¹. Суды посчитали, что оценка первой публикации как части единого продолжаемого

---

⁴⁵⁹ Приговор Московского окружного военного суда от 09.08.2018 по делу № 2-72/2018 // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

⁴⁶⁰ Кулагин А.Н. Указ. соч. С. 63.

⁴⁶¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 15.03.2018 № 201-АПУ18-8 // СПС «КонсультантПлюс».

преступления по ч. 2 ст. 205² УК РФ будет представлять собой применение обратной силы более строгого уголовного закона, что запрещено ст. 10 УК РФ.

Стоит напомнить в этой связи, что признание преступления продолжаемым влечет в том числе практическое последствие, которое заключается в том, что закон, действовавший на момент прекращения продолжаемого преступления, применяется к отдельным деяниям, имевшим место до его вступления в силу, даже если этот закон является более строгим⁴⁶². Обвиняемые в подобных случаях способны предвидеть риск привлечения к уголовной ответственности по новому закону и имеют возможность соответствующим образом скорректировать свое поведение, а значит, принцип законности не может считаться нарушенным по этому основанию. Кроме того, «дробление» единого преступления само по себе ухудшает положение лица, поскольку наказание, назначенное по совокупности, уж точно может оказаться более строгим, чем за одно преступление (тем более что в деле Носеля ч. 2 ст. 205² УК РФ вменялась бы ему в любом случае – как в совокупности, так и без).

Ошибочность оспариваемого подхода проявилась и в следующем деле. Мещ-ов опубликовал на личной странице в социальной сети три видеозаписи (одну 13 января 2016 г. и две 02.09.2016 г.). Все три материала содержали призывы к террористической деятельности и оправдание терроризма, а также призывы к экстремистской деятельности. Действия Мещ-ва квалифицированы по ч. 1 ст. 205² (первая публикация), ч. 2 ст. 205² (две последующие публикации) и ч. 2 ст. 280 УК РФ (все три публикации)⁴⁶³. По уже известной причине (изменившегося закона) суд квалифицировал публичные призывы и оправдание терроризма по совокупности преступлений, одновременно признав размещение тех же трех записей единым продолжаемым преступлением в отношении публичных призывов к экстремистской деятельности⁴⁶⁴.

При установлении объективной связи между преступными деяниями, образующими единое продолжаемое преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 205² УК РФ, необходимо исходить из продолжительности разрыва во времени между публикациями, единства

---

⁴⁶² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о делящихся и продолжаемых преступлениях», п. 7.

⁴⁶³ Приговор Московского окружного военного суда от 01.08.2018 по делу № 2-68/2018 // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

⁴⁶⁴ Заметим, что в данном случае мы оставляем за скобками обоснованность совокупности ст. 205² УК РФ и ст. 280 УК РФ, хотя, как указывалось ранее, она вызывает не меньшие сомнения.

места размещения информации или материалов (например, на одном информационном ресурсе или в одной и той же группе в социальной сети), непосредственного контекста, в котором осуществлялось их опубликование (например, единая целевая направленность материалов на личной странице в социальной сети) и других обстоятельств. Указанные обстоятельства принимаются во внимание судами при установлении такого признака продолжаемого преступления, как единство умысла⁴⁶⁵.

Так, З. осужден за совершение трех преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205² УК РФ, и одного – ч. 2 ст. 205² УК РФ: он оставил три комментария к сообщениям в трех разных группах социальной сети «ВКонтакте» и еще один комментарий, сделанный на личной странице одного из пользователей той же социальной сети. Объективные факты (время и место размещения комментариев) создали предпосылки для вывода об отсутствии в данном случае единого умысла⁴⁶⁶. По другому уголовному делу обвиняемый Вай-с, имея три личные страницы (под разными именами) в социальной сети «ВКонтакте», разместил на каждой из них материалы, оправдывающие терроризм (причем на двух страницах им были опубликованы тождественные тексты). Суд признал, что подсудимый действовал «каждый раз с вновь возникшим умыслом», несмотря на то, что все действия совершались «с целью формирования у пользователей ИТКС «Интернет» мнения о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании, а также с целью склонения неопределенно широкого круга лиц к осуществлению террористической деятельности»⁴⁶⁷.

Отметим, что в правоприменительной практике единство умысла чаще всего устанавливается на основе небольшой продолжительности времени между разными публикациями. Например, действия Хам-ва по размещению двух видеозаписей на личной странице в социальной сети 13 марта и 28 августа 2013 г. квалифицированы по совокупности двух преступлений, предусмотренных ст. 205² УК РФ⁴⁶⁸. Куда меньшее

---

⁴⁶⁵ Более подробный анализ судебной практики по этому вопросу см.: Костылева О.В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и оправдание терроризма с использованием сети Интернет: к вопросу о делящихся и продолжаемых преступлениях // Уголовное право. 2021. № 4. С. 11-18.

⁴⁶⁶ Приговор Московского окружного военного суда от 14.08.2018 по делу № 2-70/2018 // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

⁴⁶⁷ См.: Обвинительное заключение и приговор Московского окружного военного суда от 13.03.2018 по делу № 2-24/2018 // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

⁴⁶⁸ Приговор Московского окружного военного суда от 04.06.2018 по делу № 2-50/2018 // Архив 2-го Западного окружного военного суда. Та же квалификация при разрыве между публикациями в 3 месяца: Приговор Московского окружного военного суда от 13.03.2018 по делу № 2-23/2018 // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

значение придается тождественности целей и мотивов преступных действий. Такой подход не в последнюю очередь связан с распространенным мнением, согласно которому единство умысла предполагает, что совершение нескольких тождественных противоправных деяний планировалось изначально, до совершения (или хотя бы до фактического окончания) первого из них⁴⁶⁹.

Полагаем, что для рассматриваемых преступлений единство мотивов и целей, которые определяются лежащей в основе преступного поведения террористической идеологией, является не менее существенным фактором, подтверждающим единство умысла. При этом необходимо согласиться с тем, что речь может идти о едином, но *возобновляемом* умысле, который объединяет отдельные деяния, хотя и необязательно, чтобы все они планировались *ab initio* (лат. – с самого начала)⁴⁷⁰.

В завершение также отметим, что вопрос правовой оценки размещения в сети «Интернет» нескольких публикаций, содержащих признаки преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, как продолжаемого преступления обсуждается прежде всего применительно к публичным призывам к осуществлению террористической деятельности и публичному оправданию терроризма, но обычно не ставится относительно пропаганды терроризма. Можно предполагать, что это связано с упомянутой ранее особенностью пропаганды терроризма, которую законодатель определил через понятие «деятельность», тем самым включив системность действий в число признаков пропаганды терроризма.

Подводя итог рассмотренным в параграфе вопросам, считаем возможным сделать следующие выводы.

Распространение информации и (или) материалов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей осуществляется в первую очередь пользователями указанных сетей, передающими сообщения через указанные сети или размещающими в них материалы. Распространителями могут быть названы также лица, лично выступающие с сообщениями, которые по их просьбе, с их ведома или согласия размещаются в информационно-телекоммуникационных сетях другими лицами.

---

⁴⁶⁹ Кулагин А.Н. Указ. соч. С. 90; Чикин Д.С. Сложные единичные преступления (уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации и законодательного регулирования): Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 18.

⁴⁷⁰ Постановление Европейского Суда по правам человека от 27.01.2015 по делу «Рохлена против Чешской Республики», п. 33 // СПС «КонсультантПлюс».

Объективно задействованными в распространении информации и (или) материалов также оказываются и те, кто технически обеспечивает доведение их до адресата – информационные посредники.

Различия между информацией и материалами при их распространении с использованием информационно-телекоммуникационных сетей становятся малозаметными, позволяя констатировать размывание границ между ними. Под материалом, распространяемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, предлагается понимать информацию, представленную в электронной форме, ознакомление с которой возможно в течение всего срока ее размещения в информационно-телекоммуникационной сети, неограниченное число раз лицом или лицами, имеющими к ней доступ. О распространении информации, но не материала полагаем возможным говорить в случае, когда информация передается через информационно-телекоммуникационные сети без возможности ее повторного воспроизведения.

В связи с отмеченным размыванием границы между информацией и материалами момент окончания преступления при распространении информации и материалов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей является единым. При этом, поскольку использование информационно-телекоммуникационных сетей в ч. 2 ст. 205² УК РФ должно, на наш взгляд, толковаться как использование их лишь для публичного распространения информации и (или) материалов, запрещенные указанной нормой преступные деяния считаются оконченными, когда информация или материалы станут доступными неопределенному кругу лиц.

Распространение информации и (или) материалов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей – это передача (сообщение) информации через информационно-телекоммуникационные сети или размещение материалов в информационно-телекоммуникационных сетях, в результате которых указанные информация и (или) материалы становятся доступными неопределенному кругу лиц, а равно совершение информационными посредниками заранее обещанных действий по передаче, предоставлению возможности размещения или доступа к указанным информации или материалам. Бездействие информационных посредников,

закрывающееся в неисполнении обязанности по удалению или ограничению доступа к информации или материалам, распространением не является.

Исходя из позиции, согласно которой распространение материалов с использованием ИТС состоит, в частности, в размещении их пользователем, полагаем, что указанные действия пользователя не образуют состав деяния преступления. Такое размещение (публикация) является одноактным действием, момент окончания которого определяется моментом появления у других лиц возможности ознакомления с тем или иным материалом.

Вместе с тем неоднократное распространение информации и (или) материалов может признаваться продолжаемым преступлением, если такое распространение охватывается единым умыслом виновного лица. Единый умысел устанавливается, исходя из продолжительности разрыва во времени между публикациями, единства места размещения информации или материалов (например, на одном информационном ресурсе или в одной и той же группе в социальной сети), непосредственного контекста, в котором осуществлялось их опубликование (например, единая целевая направленность материалов на личной странице в социальной сети), тождественности мотивов и целей виновного, а также других обстоятельств. При этом единство умысла не исключает, что он может носить характер возобновляемого. Другими словами, не требуется, чтобы умысел на все входящие в продолжаемое преступление тождественные деяния возник у лица до начала или в процессе совершения первого из них.

ГЛАВА 3. ПУБЛИЧНЫЕ ПРИЗЫВЫ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПУБЛИЧНОЕ ОПРАВДАНИЕ И ПРОПАГАНДА ТЕРРОРИЗМА: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И РАЗГРАНИЧЕНИЯ

§ 3.1. Объективные и субъективные признаки публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма и пропаганды терроризма: общие замечания

Уяснение содержания признаков публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания и пропаганды терроризма предполагает в первую очередь обращение к тексту уголовного закона, в частности примечаниям к ст. 205² УК РФ, в которых содержатся определения некоторых из них.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть следующее. То обстоятельство, что интересующие юриста термины («призывы», «оправдание» и проч.) функционируют не только в области права, но и в области лингвистики, позволило правоприменителю «подсесть на лингвистическую иглу»⁴⁷¹ как при уяснении смысла конкретных сообщений, распространение которых легло в основу уголовных обвинений, так и при толковании соответствующих законодательных понятий, описывающих признаки состава преступления. Это не может не вызывать беспокойство, поскольку рискует обернуться тем, что правовые значения признаков состава преступления будут подменяться их лингвистическими значениями. Недопустимое толкование уголовного закона в свою очередь приводит к нарушению не только принципа законности, но и правовых норм, гарантирующих свободу выражения мнения, в свете которых должно производиться толкование соответствующих уголовно-правовых норм.

В силу наблюдающегося на практике перекалывания «ответственности с судов на плечи экспертов»⁴⁷² рассматриваемые в этой главе диссертации понятия («призывы», «оправдание», «пропаганда») будут проанализированы с точки зрения их правовых значений в сопоставлении с лингвистическими для того, чтобы выявить имеющиеся

---

⁴⁷¹ Резник Г.М. Предисловие к кн.: Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие. М., 2018. С. 4.

⁴⁷² Чернявский Д.О. Уголовно-правовая характеристика публичных призывов к нарушению территориальной целостности Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 123.

между ними противоречия. В связи с этим необходимо сделать несколько предварительных пояснений.

Определение лингвистических значений указанных понятий во многом основано на используемой судебными экспертами-лингвистами **теории речевых актов**⁴⁷³. Эта узкоспециальная лингвистическая теория, не претендующая на общее объяснение речевой деятельности, была разработана в середине 20 века английским философом, логиком Дж. Л. Остином и получила свое последующее развитие прежде всего в нескольких работах американского логика Дж. Р. Серля.

Дж. Л. Остин ввел в оборот такое понятие, как перформативное высказывание, или перформатив (англ. *perform* - исполнять, выполнять, делать). Этот термин определяет группу высказываний, произнесение которых является «осуществлением действия»⁴⁷⁴. Причем имеется в виду не сам акт «говорения», а прежде всего те действия, которые осуществляются посредством такого акта: «Произнести перформативное высказывание – это значит, например, заключить пари»⁴⁷⁵.

Согласно Дж. Остину, при осуществлении речевого акта совершаются три группы действий:

«локутивный акт» – произнесение определенного высказывания, обладающего определенным значением согласно используемым языковым средствам;

«иллокутивный акт» – осуществление в ходе говорения определенного действия (приказа, просьбы, предупреждения и т.д.), то есть произнесение высказывания, обладающего определенной силой (для чего говорящий использует локуцию);

«перлокутивный акт» – достижение определенных целей посредством говорения (убеждение, устрашение, введение в заблуждение адресата и т.д.)⁴⁷⁶.

---

⁴⁷³ Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие. М., 2018. С. 18-19; Радбиль Т.Б. Постклассическая теория речевых актов в производстве лингвистической экспертизы по делам об экстремизме // Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сборник докладов Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Нижний Новгород, 20–21 мая 2021 г.). Н. Новгород, 2021. С. 232; Чернышева Т.В. Метод анализа речевых актов: возможности и проблемы использования в лингвоэкспертной и судебной практике / Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2019. Т. 15, ч. 1. С. 218-220.

⁴⁷⁴ Остин Дж.Л. Слово как действие. Перевод с английского А.А. Медниковой // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Пер. с англ. / Сост. и вступ. ст. И.М. Кобозевой и В.З. Демьянкова. Общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М., 1986. С. 27.

⁴⁷⁵ Там же. С. 30 (Примечания, 7).

⁴⁷⁶ Там же. С. 92-93.

И если локуция и перлокуция традиционно являются объектами исследований соответственно в формальной семантике и риторике, то теория речевых актов сосредоточила свое внимание прежде всего на иллокуции: «Подход к речевому акту как к способу достижения человеком определенной цели и рассмотрение под этим углом зрения используемых им языковых средств – главная особенность теории речевых актов»⁴⁷⁷. Именно иллокутивная сила речевого акта (ее также называют интенцией, речевой целью, коммуникативным намерением), определяет, какое действие совершается говорящим – побуждение, обещание, угроза, оправдание и т.д.

Отметим, что установление судебным экспертом-лингвистом речевой цели (коммуникативной направленности) текста не определяет наличие умысла, а равно мотивов и целей деяния, а отвечает на вопрос, как может быть понято то или иное высказывание. Судебные эксперты, таким образом, устанавливают коммуникативную направленность текста, или его смысл, как он выражен в продукте речевой деятельности – объективный смысл, как отмечалось ранее. Как было указано в одном из актов комплексной психолого-лингвистической экспертизы, «реальные взгляды и установки пользователя (для обоснования мотивации его деятельности как публикатора) можно установить при личном опросе»⁴⁷⁸. В компетенции эксперта не может находиться, как иногда утверждается, «выявление основных признаков прямого умысла»⁴⁷⁹ – постановка перед ним такой задачи будет предполагать недопустимое его вторжение в сферу решения вопросов виновности⁴⁸⁰.

Различение этих вопросов можно продемонстрировать на довольно простом примере. Так, по одному из уголовных дел на экспертизу поступил среди других текст следующего содержания: *«Террористу дай на грудь звездочку геройскую, // Дай героям по статье, обеспечь жизнь скотскую. // Разворована страна властью *****. // Твари славят басурман землю сдав отцовскую».*

---

⁴⁷⁷ Кобозева И.М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности. // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Пер. с англ. / Сост. и вступ. ст. И.М. Кобозевой и В.З. Демьянкова. Общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М., 1986. С. 13-14.

⁴⁷⁸ Заключение экспертов (комплексная психолого-лингвистическая судебная экспертиза по материалам уголовного дела №11502450011000144 по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205² УК РФ) № 75э/2 от 23.06.2017 // Уголовное дело № 2-90/2018. Т. 2, л.д. 21.

⁴⁷⁹ Волосюк Е.А. Установление признаков призыва к действиям экстремистского характера: юридические и лингвистические аспекты // Проблемы теории и практики борьбы с экстремизмом и терроризмом: матер. науч.-практ. конф. М., 2015. С. 269.

⁴⁸⁰ Шишков С.Н., Полубинская С.В. Проблемы установления признаков состава преступления с использованием специальных знаний // Уголовное право. 2018. № 5. С. 114-123 // СПС «КонсультантПлюс».

С формальной точки зрения фраза «Террористу дай на грудь звездочку героическую» могла бы быть интерпретирована как побуждение к тому, чтобы наградить лицо, осуществившее террористический акт, восславить его и совершенное им преступление. Однако здесь повелительное наклонение глагола («дай») употребляется в противоположном значении – значении осуждения, что характерно для иронии – об этом свидетельствует дальнейшая негативная оценка власти. По указанным причинам эксперт-лингвист не установил соответствующее коммуникативное намерение (речевую цель)⁴⁸¹. Для целей правовой квалификации, это означает в первую очередь отсутствие объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ.

Нельзя не признать, что в следственно-судебной практике наблюдается тенденция к возложению на экспертов не свойственных им задач. Уже давно отмечается, что нередко «вопросы к экспертам формулируются таким образом, что дословно воспроизводят текст соответствующей нормы закона, провоцируя специалистов (психологов, лингвистов) к выходу за пределы своей профессиональной компетенции, по сути вынуждая их давать правовую квалификацию деяния»⁴⁸². Исследования, проводимые экспертами в рамках судебных экспертиз по конкретным делам, рискуют подменить собой правовую оценку деяний, которая должна даваться правоприменителем. В определенной степени это связано с тем, что в законодательных формулировках использована терминология, которая не позволяет уяснить с необходимой степенью определенности признаки состава рассматриваемого преступления⁴⁸³.

В этой части работы обратим внимание лишь на некоторые из понятий, используемых в тексте ст. 205² УК РФ, а именно «террористическая деятельность», «терроризм», «практика терроризма» и «идеология терроризма».

Толкование понятия террористической деятельности для целей ст. 205² УК РФ с момента ее введения в уголовный закон вызывало сложности по причине имевшихся противоречий между определением террористической деятельности в Федеральном законе «О противодействии терроризму» и определением этого понятия в ст. 205¹ УК РФ

---

⁴⁸¹ Заключение эксперта № 3/688 от 03.08.2017 // Архив 2-го Западного окружного военного суда. Уголовное дело № 2-3/2018. Т. 2, л.д. 254-255.

⁴⁸² Агапов П.В. О роли судебной экспертизы в процессе доказывания по делам о преступлениях экстремистской направленности // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 1 (33). С. 52.

⁴⁸³ Ковлагина Д.А. Актуальные проблемы квалификации и применения ст. 205² УК РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Том. 13. № 5. С. 154-155.

«Содействие террористической деятельности». Оставалось неясным, является ли это понятие бланкетным, то есть отсылающим к названному закону, или же отсылочным, то есть предполагающим при его уяснении обращение к ст. 205¹ УК РФ⁴⁸⁴. Эта проблема была разрешена в 2016 г. дополнением ст. 205² УК РФ примечанием 2: «В настоящей статье под террористической деятельностью понимается совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205-206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, 361 настоящего Кодекса»⁴⁸⁵.

Отметим в связи с этим возникшие у специалистов сомнения в обоснованности причисления к террористической деятельности совершения преступления, предусмотренного ст. 205⁶ УК РФ («Несообщение о преступлении»). Указанное деяние не отнесено к террористической деятельности ни в ст. 205¹ УК РФ («Содействие террористической деятельности»), ни в Федеральном законе «О противодействии терроризму», в п. 2 ст. 3 которого определяется понятие террористической деятельности⁴⁸⁶. Как полагают А.И. Рарог и В.В. Палий, указанное преступление не посягает на общественную безопасность, не относится к террористическим и должно находиться в числе преступлений против правосудия. Указанными авторами также отмечается, что несообщение о преступлении совершается путем бездействия, а потому к нему не применимо понятие «деятельность»⁴⁸⁷.

В ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» терроризм определяется как «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных

---

⁴⁸⁴ См. подробнее об этом: Шибзухов З.А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 83-87.

⁴⁸⁵ Федеральный закон от 06.07.2016 № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201607070042>

⁴⁸⁶ Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (в ред. Федерального закона от 10.07.2023 № 287-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102105192>

⁴⁸⁷ Рарог А.И., Палий В.В. Уголовно-правовое противодействие терроризму и экстремизму: учебное пособие. М., 2024. С. 37, 50.

действий»⁴⁸⁸. Это понятие и должно определять содержание соответствующего бланкетного признака в составе публичного оправдания и пропаганды **терроризма**.

Тем не менее между ст. 205² УК РФ и указанным выше определением наблюдается терминологическая рассогласованность, которая если не ставит под сомнение бланкетность соответствующего признака состава, то способна запутать при толковании рассматриваемой уголовно-правовой нормы. Так, употребляемое в определении публичного оправдания терроризма (примечание 1 к ст. 205² УК РФ) понятие «практика терроризма», как можно предполагать, означает практику воздействия на принятие решения указанными выше органами и организациями, связанную с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий. Но, строго говоря, если терроризм – это «идеология насилия и практика воздействия...», то практика терроризма должна пониматься как «практика идеологии насилия и практики воздействия...».

Вызывает вопросы соотношение используемых в ст. 205² УК РФ понятий «практика терроризма» и «террористическая деятельность». Полагаем, что есть основания считать их не тождественными, а лишь частично пересекающимися, хотя бы потому, что преступления, совершение которых согласно примечанию 2 к ст. 205² УК РФ входит в понятие террористической деятельности, не всегда осуществляются в целях воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями. Вместе с тем, в определении пропаганды терроризма (примечание 1¹ к ст. 205² УК РФ) речь идет об идеологии терроризма и террористической деятельности, что дает основание полагать, что практика терроризма и террористическая деятельность являются взаимозаменяемыми понятиями.

Указанные затруднения, как уже отмечалось, и приводят к тому, что правовой вопрос о наличии в распространении того или иного сообщения признаков состава преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, фактически разрешается экспертами, проводящими исследование по представленным им материалам уголовного дела. Например, в уголовном деле Ал-ва в заключении экспертов относительно одного из являющихся

---

⁴⁸⁸ Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (в ред. Федерального закона от 10.07.2023 № 287-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102105192>

объектом экспертизы текстов содержались следующие выводы. Экспертами было выявлено «побуждение в форме скрытого призыва к насильственным действиям против христиан (убийству) с возможностью использования оружия массового поражения», но поскольку «речевые единицы, актуализирующие концепт «террор»» в представленном на экспертизу материале, на взгляд эксперта-лингвиста, отсутствовали, был сделан вывод об отсутствии признаков «побуждения к осуществлению террористической деятельности»⁴⁸⁹. В указанном случае с выводами экспертов, на наш взгляд, можно было согласиться (по другим причинам), но разрешение подобных вопросов экспертами, повторим, само по себе недопустимо.

Еще больше затруднений вызывает определение идеологии терроризма. Как неоднократно отмечалось исследователями, идеологию терроризма в ст. 205² УК РФ, исходя из законодательного определения терроризма в Федеральном законе «О противодействии терроризму», буквально можно понимать «как идеологию идеологии насилия и практики воздействия...»⁴⁹⁰. Таким образом, как и в случае с понятием практики терроризма, мы и здесь сталкиваемся с незаметной на первый взгляд терминологической рассогласованностью ст. 205² УК РФ и указанного федерального закона.

Правоприменитель во многом оказывается дезориентированным при толковании и применении понятия «идеология терроризма» в ст. 205² УК РФ, что связано еще и с тем, что в правовых актах, как замечала А.И. Долгова, не описывается какая-то «особая идеология, служащая побудительной силой для террористов» – «в основе террористических деяний лежат разные побудительные мотивы, взгляды, убеждения, воззрения»⁴⁹¹. В.Е. Петрищев также утверждает, что «идеологии терроризма как некой

---

⁴⁸⁹ Заключение экспертов по результатам производства комплексной психолого-лингвистической судебной экспертизы от 14.02.2018 // Архив 2-го Западного окружного военного суда. Уголовное дело № 2-64/2018. Т. 3, л.д. 156-232.

⁴⁹⁰ Галяшина Е.И., Богатырев К.М. Идеология терроризма в Российской Федерации: понятийный аппарат и особенности противодействия // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2023. № 2. С. 79; Ковлагина Д.А. Актуальные проблемы квалификации и применения ст. 205² УК РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Том. 13. № 5. С. 154.

⁴⁹¹ Долгова А.И. Избранные труды / [сост. В.В. Меркурьев, О.А. Евланова, А.С. Васнецова, Д.А. Соколов; вступит. ст. М.П. Клейменова, В.А. Номоконова, Э.Ф. Побегайло, В.Е. Эминова]; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2017. С. 159.

единой универсальной концепции использования методов устрашения для достижения политических целей не существует»⁴⁹².

В недавно утвержденном Президентом РФ Комплексном плане противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024 - 2028 годы⁴⁹³ понятие «идеология терроризма» по понятным причинам упоминается многократно. Первый раз это понятие используется при перечислении целей Комплексного плана, в числе которых названо формирование у населения «неприятя идеологии терроризма», и здесь же поставлена сноска, в которой дословно указано следующее: «Идей радикального псевдоислама, украинского национализма и неонацизма, а также субкультуры массовых убийств («Колумбайн», «Маньяки Культ Убийц»), распространяемых организациями, сообществами, движениями, признанными террористическими». Остается не ясным, раскрывается ли тем самым понятие идеологии терроризма, или указанные в сноске идеологии уравниваются с идеологией терроризма, или же они являются самостоятельными, но противодействие им также входит в указанный Комплексный план. Определяющим, по всей видимости, является указание на то, что они распространяются организациями, сообществами, движениями, которые внесены в Единый федеральный список террористических организаций⁴⁹⁴.

В начале 2022 г. Верховный Суд РФ, рассмотрев административное исковое заявление Генерального прокурора РФ, признал движение «Колумбайн» террористической организацией. Из официального сообщения Генеральной прокуратуры РФ следует, что Верховный Суд РФ согласился с доводами Генерального прокурора о том, что указанное движение основано на «идеологии насилия и преследует цели массовой гибели людей, устрашения населения и дестабилизации обстановки в стране путем реализации масштабных насильственных акций». Создаваемые в социальных сетях группы проводят психологическую обработку молодых людей с целью снятия у них «морального запрета на применения насилия и совершения убийств». Указывается, что

---

⁴⁹² Петрищев В.Е. Некоторые проблемы противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2013. № 2. С. 32.

⁴⁹³ Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024 - 2028 годы (утв. Президентом РФ 30.12.2023 № Пр-2610) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁹⁴ Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими // URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>

под воздействием рассматриваемой идеологии совершаются преступления террористической и общеуголовной направленности⁴⁹⁵.

Таким образом, идеология терроризма представляется как совокупность идей (взглядов), которыми насилие, вероятно, масштабное, объявляется самостоятельной «ценностью»⁴⁹⁶, или самоцелью (цель «массовой гибели людей» – см. выше). Иными словами, идеология терроризма оказывается еще более широким понятием, чем «идеология насилия», которая в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года определяется как «совокупность идей (взглядов), оправдывающих применение насилия для достижения религиозных, идеологических, политических и иных целей»⁴⁹⁷.

Такое понимание идеологии терроризма оказывается шире и того явления, об идеологии которого идет речь – ведь терроризм как практика, согласно законодательному определению, предполагает воздействие на принятие решения органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями, связанное с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий.

Определение идеологии терроризма, как и самого терроризма, признается в целом сложной, если не сказать, неразрешимой задачей. Так, А.М. Васильев и В.А. Гарев отмечают, что понятие терроризма «настолько расплывчато, что существует около двухсот его определений»⁴⁹⁸, а А.С. Васнецова, подчеркивая многообразие подходов к определению понятия идеологии, приводит 38 возможных определений идеологии терроризма⁴⁹⁹. Использование таких трудноопределимых понятий при конструировании уголовно-правовых запретов возможно лишь тогда, когда им даются непротиворечивые законодательные определения. На настоящий же момент, нужно признать, такие дефиниции в уголовном законе отсутствуют.

---

⁴⁹⁵ Верховный Суд Российской Федерации признал «Колумбайн» террористической организацией // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=70034347>

⁴⁹⁶ Галяшина Е.И., Богатырев К.М. Идеология терроризма в Российской Федерации: понятийный аппарат и особенности противодействия // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2023. № 2. С. 80.

⁴⁹⁷ Указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202005290036>

⁴⁹⁸ Терроризм в современном мире / научн. ред. Ю.М. Антонян, В.Л. Шульц. М., 2008. С. 5.

⁴⁹⁹ Васнецова А.С. Идеология терроризма // Социодинамика. 2014. № 12. С. 36-58 // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=10831

А.И. Рарог отмечает: «Сущность терроризма заключается в идеологии и практике применения насилия для достижения поставленных террористами целей. Идеология терроризма есть его теоретический инструмент, а практика — это реализация разработанных и пропагандируемых идей, и разделять их нельзя»⁵⁰⁰. На то же указывают С.В. Борисов и С.В. Иванцов: «терроризм есть неразрывное сочетание террористической идеологии и ее воплощения в конкретных преступлениях, образующих террористическую деятельность»⁵⁰¹.

О «дуалистическом характере» понятия «терроризм» пишут и иностранные специалисты. Так, один из ведущих европейских экспертов в исследовании терроризма А.П. Шмид полагает, что терроризм может и должен пониматься как доктрина (*doctrine*) и практика (*practice*). С точки зрения первого аспекта терроризм является учением, утверждающим «стратегическую эффективность особой формы политического насилия, в которой главные жертвы насилия – как правило, гражданские лица и некомбатанты – не являются основными целями»⁵⁰². Второй аспект предполагает рассмотрение терроризма как практики «убийств, подрывов смертников, массовых убийств, похищений, актов захвата заложников» и прочих комбинированных тактик и методов «с целью влияния и манипулирования политическим процессом как на национальном, так и на международном уровне»⁵⁰³.

Терроризм как идеология не отождествляется с мотивами, лежащими в основе принятия решения об участии в террористической деятельности. Именно на это обстоятельство обращают внимание те, кто указывает, что идеология терроризма паразитирует «на уже сформировавшихся ранее идеологических и политических концепциях, религиях, традициях», в качестве ее основы выступают, например, «национализм, клерикализм, сепаратизм, политический экстремизм левого или правого толка»⁵⁰⁴.

⁵⁰⁰ Рарог А.И. Уголовный кодекс России против терроризма // Lex Russica. 2017. № 4. С. 169.

⁵⁰¹ Иванцов С.В., Борисов С.В. Актуальные вопросы уголовно-правового противодействия распространению экстремистской идеологии в Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2022. № 2 (58). С. 52.

⁵⁰² Schmid A.P. The Definition of Terrorism // The Routledge Handbook of Terrorism Research / Edited by A.P. Schmid. London, 2011. P. 76; Schmid A.P. Defining terrorism. International Centre for Counter-Terrorism Report. March 2023 // URL: https://www.icct.nl/sites/default/files/2023-03/Schmidt%20-%20Defining%20Terrorism_1.pdf

⁵⁰³ Schmid A.P. The Definition of Terrorism // The Routledge Handbook of Terrorism Research / Edited by A.P. Schmid. London, 2011. P. 76.

⁵⁰⁴ Петрищев В.Е. Некоторые проблемы противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2013. № 2. С. 32. См. также: Гордин А.В., Киселев А.В.

Любая идеология, замечает А. Хейвуд, дает оценку существующему порядку, предлагает образ желаемого будущего и объясняет, как должны осуществляться политические изменения⁵⁰⁵. А. Брахими в статье «Идеология и терроризм» полагает верным определять идеологию как совокупность политических идей, ориентированных на действие (*action-orientated*)⁵⁰⁶.

Полагаем, что идеология терроризма, на какой бы основе она ни строилась, представляет собой систему убеждений, объясняющих положение дел в обществе или мире (отдельных сферах) и предписывающих ценность определенному (желаемому) их положению, предназначенных для широкого распространения и претендующих на исключительную объяснительную силу, основанную на уверенности в их истинности. При этом определяющей чертой указанной идеологии (именно как идеологии терроризма) является осуществляемая в ее рамках легитимация использования террористической деятельности для достижения желаемого положения дел⁵⁰⁷.

Отдельного внимания требует проблема разграничения преступных действий, предусмотренных ст. 205² УК РФ, которая оказывается более запутанной, когда согласно заключению эксперта в спорном тексте⁵⁰⁸ содержатся «лингвистические и психологические признаки» каждого из соответствующих речевых актов. Например, в деле Шар-ва в акте комплексной психолого-лингвистической экспертизы указывалось, что в видеозаписи (обвиняемый демонстрировал ее осужденным, отбывающим вместе с ним наказание в одной из исправительных колоний) содержатся лингвистические и психологические признаки «побуждения к участию в джихаде как вооруженной борьбе, в том числе посредством совершения насильственных действий», «пропаганды идеологии

Анализ идеологии терроризма в контексте современных вызовов и угроз // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2021. № 6. С. 38-40.

⁵⁰⁵ Cit. ex.: Brahim A. Ideology and Terrorism // The Oxford Handbook of Terrorism / Edited by E. Chenoweth, R. English, A. Gofas, S.N. Kalyvas. Oxford, 2019. P. 298-299.

⁵⁰⁶ Ibid. P. 299.

⁵⁰⁷ В основе такого понимания лежат идеи, высказанные Г.А. Акерманом и М. Бернхемом (Towards a Definition of Terrorist Ideology // Terrorism and Political Violence. 2021. Vol. 33. Issue 6. P. 1160-1190) и в сжатом виде представленные в работе: Nesbitt M, West L., Amarasingam A. The Elusive Motive Requirement in Canada's Terrorism Offences: Defining and Distinguishing Ideology, Religion, and Politics // Osgoode Hall Law Journal. 2023. Vol. 60. № 3. P. 589-592.

⁵⁰⁸ Именно текст, письменный или устный, понимаемый как отдельное высказывание или совокупность высказываний, является объектом судебной лингвистической экспертизы (см.: Галяшина Е.И. Криминогенные речевые действия, посягающие на мировоззренческую безопасность в интернет-среде, в аспекте судебной лингвистической экспертизы // Судебная экспертиза. 2020. № 1 (61). С. 40-41; Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Указ. соч. С. 20).

насилия (терроризма)», «оправдания идеологии насилия (терроризма)»⁵⁰⁹. Правоприменителю в таких случаях приходится отвечать на сугубо правовой вопрос, должно ли вменяться лицу в вину несколько форм поведения, предусмотренных ст. 205² УК РФ (пусть и без совокупности преступлений), сообразно существующим правилам квалификации преступлений, составы которых имеют альтернативные признаки? Или же с точки зрения правовой оценки эти действия вовсе не могут пересекаться, если речь идет о распространении одного и того же сообщения, а значение заключения экспертов не нужно преувеличивать?

Разрешение вопросов, касающихся субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, в силу существующих в уголовно-правовой науке дискуссий требует предварительного обращения к более общей проблеме определения вины в преступлениях, составы которых сконструированы по типу формальных.

Как отмечает А.И. Рарог, согласно доминирующей в российской уголовно-правовой доктрине позиции в преступлениях с формальным составом возможен лишь прямой умысел, интеллектуальное и волевое содержание которого исчерпывается отношением к общественно опасному действию или акту бездействия⁵¹⁰. В соответствии с этой позицией вина в составе публичных призывов к осуществлению террористической деятельности определяется как осознание лицом общественной опасности публичного призыва к осуществлению террористической деятельности и желание его совершить⁵¹¹. Характеристика умысла в составе публичного оправдания терроризма чаще всего ограничивается указанием на то, что «виновный осознает общественную опасность своего деяния и желает выполнить публичное оправдание терроризма»⁵¹². Вина в составе

---

⁵⁰⁹ Заключение эксперта № 4328-4329/4-1 от 17 мая 2018 г. // Архив 2-го Западного окружного военного суда. Уголовное дело № 2-88/2018. Т. 1, л.д. 252-257.

⁵¹⁰ Рарог А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: монография. М., 2015. С. 70.

⁵¹¹ См., напр.: Кунов И.М. Уголовно-правовое противодействие распространению криминогенной информации: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. С. 74; Шибзухов З.А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 105.

⁵¹² Преступления террористической направленности: вопросы квалификации: учебное пособие / И.Р. Диваева [и др.]. Уфа, 2015. С. 17. См. также: Багмет А.М., Бычков В.В. Квалификация преступления террористического характера: учеб пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». М., 2018. С. 80.

пропаганды терроризма считается установленной, если лицо осознавало общественную опасность своих действий и желало их выполнить⁵¹³.

Отметим, что более очевидно такой подход прослеживался в Уголовном уложении 1903 г., в ст. 48 которого указывалось: «Преступное деяние почитается умышленным не только когда виновный желал его учинения, но также когда он сознательно допускал наступление последствия, обуславливающего преступность сего деяния». Разработчиками Уголовного уложения пояснялось: «Там, где преступность заключается в самом действии или в самом бездействии, виновный, сознавая, что он делает или не делает что-либо преступное, тем самым уже и желает преступного деяния»⁵¹⁴.

Сообразно этому Правительствующий Сенат, характеризуя субъективную сторону состава публичного возбуждения к преступным деяниям, указывал: «Достаточно ... чтобы виновный сознавал, что он публично произносит или распространяет в публике сочинение, изображение или речь и что по содержанию своему эти речь, сочинение или изображение возбуждают читателя, слушателя или зрителя к указанным преступным деяниям. Так как наступление какого-либо дальнейшего последствия независимо от воли виновного для состава этого деяния не требуется, и закон наказывает само чтение, произнесение или распространение, то виновный, сознавая, что он распространяет сочинение противозаконного содержания, тем самым и желает его учинения»⁵¹⁵. При этом указанное преступление наличествовало и в том случае, когда сочинение передавалось одному лицу в полное распоряжение без всяких условий, «так как непринятие мер к предотвращению обращения его среди многих лиц должно быть рассматриваемо как сознательное допущение распространения преступных сочинений, что, согласно ст. 48 Уголовн. Уложен., равносильно прямому намерению на распространение»⁵¹⁶.

---

⁵¹³ Кунашев А.А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: уголовно-правовой анализ и вопросы квалификации // Уголовное право. 2018. № 6. С. 88; Москалев Г.Л. Указ. соч. С. 84-85.

⁵¹⁴ Уголовное уложение 22 марта 1903 г. с мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Мин. Юстиции в Государственный Совет и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. Издание Н.С. Таганцева. СПб., 1904. С. 94.

⁵¹⁵ Решение Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 14 марта 1906 г. по делу действительного статского советника Леонида Ходского и коллеж. ассес. Артемия Котельникова // Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1906 год. Екатеринослав, 1911. С. 15.

⁵¹⁶ Решение Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 19 января 1905 г. по делу мещанина Петра Крохалева // Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1905 год. Екатеринослав, 1911. С. 9.

Как можно заметить, появляющийся в данном случае элемент «сознательного допущения» не превращал прямой умысел в косвенный, его содержательным моментом все еще оставалось осознание фактической стороны совершаемого деяния. Допущение в данном случае противопоставлялось не желанию как волевому элементу вины, а знанию о наличии определяющих преступность деяния обстоятельств как элементу интеллектуальному. О двух значениях понятия «допущение» – интеллектуальном и волевом – упоминалось и позднее, в советской уголовно-правовой доктрине⁵¹⁷.

Это заставляет вспомнить разъяснения Пленума Верховного Суда РФ относительно субъективной характеристики квалифицированного состава изнасилования несовершеннолетней: виновный должен знать или допускать, что потерпевшей является лицо, не достигшее восемнадцати лет⁵¹⁸. Несмотря на то, что П.С. Яни полагает, что это означает, что содержащаяся в ст. 25 УК РФ дефиниция косвенного умысла может быть применена и к преступлениям с формальным составом⁵¹⁹, есть основания полагать, что в указанном случае вид умысла остается прямым, меняются лишь оттенки его интеллектуального содержания. Как отмечали П.С. Дагель и Д.П. Котов, «форма вины определяется отношением к деянию и его последствиям и ни к каким другим обстоятельствам; различные варианты психического отношения к другим признакам состава влияют на содержание вины, но не на ее форму»⁵²⁰.

В отличие от ст. 48 Уголовного уложения 1903 г., в ст. 25 УК РФ умышленная форма вины определена как психическое отношение лица к общественной опасности своих действий (бездействия) и их общественно опасным последствиям. Это положение, как полагают Н.Е. Крылова и С.В. Складов, означает, что при определении вины в преступлениях с формальным составом отношение лица к последствиям совершенного им деяния также не должно игнорироваться. Иное решение рассматриваемого вопроса, на взгляд указанных специалистов, будет противоречить закону⁵²¹.

---

⁵¹⁷ Гринберг М.С. Преступления против общественной безопасности: Часть Особенная: Учебное пособие. Свердловск, 1974. С. 108; Злобин Г.А., Никифоров Б.С. Умысел и его формы. М., 1972. С. 180-182.

⁵¹⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 №16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», п. 22 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵¹⁹ Яни П.С. Вопросы квалификации половых преступлений // Законность. 2013. № 5. С. 16-21 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵²⁰ Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974. С. 82.

⁵²¹ Крылова Н.Е. Материальные, формальные и усеченные составы преступлений: дискуссия с продолжением // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2017. № 6. С. 19-20; Складов С.В. Вина и мотивы преступного поведения. СПб., 2004. С. 15.

Как было продемонстрировано ранее, при характеристике вины в преступлениях с формальным составом указание на волевое отношение к последствиям зачастую заменяется указанием на волевое отношение к самому действию или акту бездействия («лицо осознавало, что совершает определенные действия, и желало их совершить»). На взгляд С.В. Складорова, такая замена может вызывать лишь недоумение, поскольку «психически здоровый человек, совершая волевые действия, всегда желает их совершить»⁵²². О том, что такие указания или тавтологичны («и желает»), или бессмысленны («и сознательно допускает») писал также Б.С. Никифоров, ограничивая характеристику умысла в преступлениях с формальным составом указанием на осознание общественной опасности совершаемого деяния⁵²³.

Вместе с тем общественная опасность деяния может быть связана лишь с тем, что оно способно причинить вред охраняемому уголовным законом объекту. М.С. Гринберг, подчеркивая, что отношение к общественной опасности деяния есть отношение к объекту преступления, указывал, что и то, и другое отношение возникает на основе предвидения или возможности предвидения общественно опасных последствий, а значит, «всякое преступление предполагает психическое отношение лица и к самому действию, и к последствиям такового»⁵²⁴.

Необходимость определения психического отношения к общественно опасным последствиям в преступлениях с формальным составом приводит ряд специалистов к выводу о возможности их совершения с косвенным умыслом⁵²⁵. Как представляется, одновременно с таким выводом возникает вопрос и о возможности неосторожной формы вины в преступлениях с формальным составом.

Отметим, что совершение последних по небрежности допускается даже теми учеными, кто не считает необходимым устанавливать в этих случаях психическое отношение к общественно опасным последствиям. Так, А.И. Рарог полагает, что такая возможность подтверждается ст. 28 УК РФ, в которой одним из случаев невиновного причинения вреда называется ситуация, когда лицо не осознавало и по обстоятельствам

---

⁵²² Складоров С.В. Указ. соч. С. 15-16.

⁵²³ Никифоров Б.С. Субъективная сторона в «формальных» преступлениях (Советское государство и право. 1971. № 3) // Никифоров Б.С. Избранное. М., 2010. С. 202-203.

⁵²⁴ Гринберг М.С. Указ. соч. С. 90.

⁵²⁵ Там же. С. 95.

дела не могло осознавать общественную опасность своих действий (бездействия)⁵²⁶. Здесь снова можно отметить имевшую место регламентацию понятия неосторожности в ст. 48 Уголовного уложения 1903 г., согласно которой составы преступлений, сконструированные по типу формальных, исключали их совершение с эвентуальным (косвенным) умыслом и по легкомыслию, но допускали прямой умысел и небрежность⁵²⁷.

Отметим, что разрешение поставленного вопроса применительно к конкретным составам преступлений в современном уголовно-правовом контексте дополнительно затрудняется недостаточно определенной законодательной регламентацией ответственности за неосторожные преступления⁵²⁸. Речь идет о положении, закреплённом в ч. 2 ст. 24 УК РФ, толкование которого вызвало дискуссию в уголовно-правовой доктрине⁵²⁹ и судебной практике⁵³⁰.

Правило, согласно которому, если в диспозиции статьи Особенной части УК РФ форма вины не конкретизирована, то соответствующее преступление может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности, по замечанию А.И. Рарога, не должно абсолютизироваться⁵³¹. Пленум Верховного Суда РФ предлагает судам при решении вопроса о форме вины в конкретных составах преступлений учитывать

---

⁵²⁶ См.: Рарог А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: монография. М., 2015. С. 71.

⁵²⁷ Уголовное уложение 22 марта 1903 г. с мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Мин. Юстиции в Государственный Совет и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. Издание Н.С. Таганцева. СПб., 1904. С. 237. С. 97.

⁵²⁸ Уголовное уложение 1903 г. в этом смысле было более совершенным. Ст. 48 этого законодательного акта предусматривала недвусмысленные правила: «Тяжкие преступления наказываются лишь при наличии вины умышленной. Преступления наказываются при наличии вины умышленной, при наличии же вины неосторожной – только в случаях, особо законом указанных. Проступки наказываются при наличии не только вины умышленной, но и неосторожной, за исключением случаев, особо законом указанных».

⁵²⁹ См., напр.: Рарог А.И. Неосторожность в уголовном праве: пределы наказуемости // Уголовное право. 2022. № 8. С. 51-52; Тяжкова И.М. Критерии наказуемости преступной неосторожности // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2007. № 4. С. 32-42; Яни П.С. Сложные вопросы субъективной стороны преступления // Российская юстиция. 2002. № 12. С. 47.

⁵³⁰ Хорошо известно имеющееся несовпадение по этому вопросу позиций Конституционного Суда РФ и Пленума Верховного Суда РФ. Сравн.: абз. 3-5 п. 3.3 постановления Конституционного Суда РФ от 31 марта 2011 года № 3-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.В. Капорина, И.В. Коршуна и других» и п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 15.12.2022) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵³¹ Рарог А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: монография. М., 2015. С. 90.

содержание деяния, способы его совершения и иные признаки объективной стороны преступления⁵³².

Вопрос о том, допускает ли состав преступления, предусмотренный ст. 205² УК РФ, неосторожную форму вины, с одной стороны, возникать не должен. На первый взгляд, кажется очевидным, что деяние, предусмотренное ст. 205² УК РФ, по самому своему содержанию является умышленным преступлением. Но, с другой, – так ли несомненен этот вывод? Какие признаки объективной стороны публичного оправдания или пропаганды терроризма, как того требует Пленум, указывают на исключительно умышленный их характер? Ответ на этот вопрос не очевиден даже в тех случаях, если вина будет определяться исключительно на основе психического отношения к самому действию: например, в случаях публикации в социальной сети путем репоста чужого сообщения, оправдывающего или пропагандирующего терроризм, теоретически может возникнуть вопрос и о возможной наказуемости неосторожных деяний.

Довольно показательным в этой связи является уголовное законодательство Великобритании. Согласно статье 1 Закона о терроризме (2006)⁵³³, устанавливающей ответственность за поощрение терроризма, *mens rea* этого преступного деяния может заключаться не только в намерении – *intent*, но также и в неосторожности – *reckless* (может переводиться также как «безрассудство»). Во время обсуждения законопроекта возник вопрос о том, какая концепция неосторожности имеется в виду. Дело в том, что после 1981 г. в английском праве стали различать субъективную неосторожность и неосторожность типа «Колдуэлл». Первая предполагает, что лицо предвидит риск того, что определенные последствия могут наступить, этот риск является для лица очевидным и при всех обстоятельствах у него нет оснований полагать, что он не наступит. Вторая – что неосторожность присутствует и в том случае, если при объективном наличии очевидного риска лицо не задумывается о возможности его возникновения⁵³⁴. После принятия закона Министерство внутренних дел Великобритании заявляло, что из дебатов

---

⁵³² Пункт 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 15.12.2022) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования».

⁵³³ Terrorism Act 2006 // Официальная интернет-база статутного права Великобритании. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/11/contents>

⁵³⁴ Уголовное право зарубежных стран. В 3 т. Том 1. Общая часть. Англия. США: учебник для бакалавриата и магистратуры / отв. ред. Н.Е. Крылова. – 5-е изд., перераб. и доп. М., 2017. С. 31-33 (автор раздела – Н.А. Голованова).

по законопроекту ясно, что термин «*reckless*» должен пониматься в первом из указанных значений: лицо осознавало риск того, что результатом заявления будет поощрение терроризма или конвенционных преступлений, и с его стороны в известных ему обстоятельствах было бы неразумно идти на такой риск⁵³⁵.

С учетом критики, прозвучавшей при обсуждении законопроекта, было решено предусмотреть некоторые гарантии от необоснованных обвинений в поощрении терроризма. Так, пункт 1 (б) Закона о терроризме предполагает защиту от обвинения в том случае, если лицо может доказать, что 1) заявление не выражало его мнения и не получило его одобрения, и 2) при всех обстоятельствах публикации было ясно, что так оно и есть. Бремя доказывания при этом возлагается на лицо, привлекаемое к ответственности.

Возвращаясь к вопросу о возможности неосторожной формы вины в составе преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, нужно признать, что, основываясь на приведенных выше разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, теоретически исключить ее полностью все же нельзя. Это связано в том числе с тем, что существующие сложности толкования ч. 2 ст. 24 УК РФ этими разъяснениями преодолеваются лишь частично, но не устраняются окончательно, что может быть сделано лишь на законодательном, а не правоприменительном уровне. До тех же пор, полагаем, исходить нужно из умышленного характера преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, по следующим причинам.

Во-первых, даже если фактически указанное деяние можно совершить по неосторожности⁵³⁶, то разграничить такие случаи с невиновным причинением вреда в ряде случаев окажется крайне проблематичным. Такие риски особенно очевидны в случаях распространения материалов соответствующего содержания лицами, не являющимися их авторами. Во-вторых, можно согласиться с тем, что в целом является эффективным и целесообразным ограничение уголовной ответственности за

---

⁵³⁵ The Terrorism Act 2006. Circular. Home Office // URL: <https://www.gov.uk/government/publications/the-terrorism-act-2006>. Несмотря на то, что исследователи отмечают, что волевой элемент в *reckless*, возможно, является менее строгим, чем в *dolus eventualis* (Keiler J. Terrorist Speech and the Criminal Law – A Comparative Analysis // European Journal of crime, criminal law and criminal justice. 2017. Vol. 5. P. 250), отметим, что неосторожность (по типу субъективной неосторожности) по уголовному праву Великобритании все же ближе к косвенному умыслу, чем неосторожности в тех значениях, которые последние имеют в уголовном праве России.

⁵³⁶ О необходимости установить административную ответственность за неосторожное публичное оправдание терроризма пишет Е.А. Глухов: Глухов Е.А. Публичное оправдание терроризма: направленность умысла, целей и самооценка со стороны преступника // Уголовное право. 2024. № 9. С. 39.

неосторожные деяния лишь случаями причинения ими реального ущерба⁵³⁷. В-третьих, напомним, что ст. 5 Варшавской конвенции требует от государств-участников криминализировать публичное подстрекательство к совершению террористического преступления, «когда оно совершается незаконно и умышленно».

Более подробная характеристика вины и других признаков субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, будет представлена в следующих параграфах с учетом сделанных замечаний.

§ 3.2. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности

Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ «под публичными призывами к осуществлению террористической деятельности в статье 205² УК РФ следует понимать выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению террористической деятельности, то есть к совершению преступлений, предусмотренных статьями 205-206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, 361 УК РФ»⁵³⁸.

Нужно признать, что данное определение во многом согласуется с пониманием «призыва» в теории речевых актов. Так, призыв принято относить к двум типам речевых актов – аппеллятивам (обращениям) и директивам (побуждениям)⁵³⁹. Таким образом, коммуникативной целью призыва является, с одной стороны, установление контакта с адресатом, а с другой – побуждение его к совершению или несвершению каких-либо действий. Вместе с тем обратиться можно с вопросом, угрозой, разъяснением, предупреждением и т.д., то есть сама по себе характеристика призывов как обращений вряд ли позволяет судить о его специфических признаках. В связи с этим призыв как речевой акт рассматривается судебными экспертами-лингвистами в первую очередь как побуждение.

---

⁵³⁷ Тяжкова И.М. Критерии наказуемости преступной неосторожности // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2007. №4. С. 39, 41.

⁵³⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», п.18 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵³⁹ Гоциридзе Д., Алексидзе М. Концепт «призыв» с позиции теории речевых актов // Russian Language Journal. 2009. № 59. С. 140.

Лингвистами отмечается, что призыв является лишь одной из многочисленных форм побуждения⁵⁴⁰, и, таким образом, требует разграничения с приказом, советом, просьбой, инструкцией и другими подобными речевыми актами. Причем с учетом коммуникативной ситуации адресат как носитель языка, как правило, способен идентифицировать то или иное побуждение как совет, просьбу или, например, призыв. Из этого, как можно предполагать, исходит В.А. Бурковская, которая прямо ставит вопрос о необходимости отграничения призыва от «просьбы, пожелания, напутствия»⁵⁴¹.

Вместе с тем другие ученые-криминалисты полагают, что «форма» призыва (требование, убеждение, просьба, обещание каких-либо благ и т.д.) на квалификацию не влияет⁵⁴². Соглашаясь с этой позицией, подчеркнем лишь то, что с точки зрения эксперта-лингвиста просьба или требование формой призыва не являются, так как действительное соотношение этих понятий иное – они все являются разновидностями побудительных речевых актов.

Довольно точно создавшееся положение охарактеризовано В.Д. Никишиным, который, анализируя понятие призыва в уголовном праве, указывает: «юридически значимой является целевая направленность на побуждение реципиента совершить определенные действия, а не форма высказывания», вербально же она «может быть реализована как в речевом акте призыва, так и в других речевых актах (например, в форме совета, рекомендации, просьбы и др.)»⁵⁴³.

Отмеченное заставляет констатировать наличие расхождения между пониманием призыва в уголовном праве и науке о языке⁵⁴⁴. Высказывание, не являющееся призывом с точки зрения лингвистической квалификации, может являться призывом с точки зрения уголовно-правовой квалификации. В связи с этим эксперты рекомендуют фиксировать в экспертном заключении все случаи речевого побуждения, независимо от его разновидности (например: «Призывы к данному действию не обнаружены, но

---

⁵⁴⁰ Там же.

⁵⁴¹ Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2006. С. 271.

⁵⁴² Кибальник А., Соломоненко И. Указ. соч. С. 15; Шевченко И.В. Уголовная ответственность за террористическую деятельность: монография. М., 2011. С. 97.

⁵⁴³ Никишин В.Д. Теоретические и организационно-правовые аспекты судебной экспертизы материалов религиозного характера экстремистской и террористической деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 122.

⁵⁴⁴ Расследование преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: научно-практическое пособие / под ред. докт. юрид. наук А.И. Бастрыкина. М., 2021. С. 150-151 (авторы параграфа – Байрамова Ф.О., Гарт И.В.).

побуждение аудитории к нему выражено в форме совета (рекомендации и т.п.)»⁵⁴⁵, или предлагают вовсе отказаться от понятия «призыв» при постановке вопросов эксперту, заменив его на более корректное – побуждение⁵⁴⁶.

Показательно сформулированное С.В. Борисовым определение публичных призывов, в котором делается акцент на особом содержании распространяемой информации: «обращение виновного к широкому кругу лиц с помощью различных средств коммуникации (выступление на митинге, демонстрация плакатов или распространение листовок, и т.д.), содержащее **сведения, побуждающие** данных людей к активным действиям террористического характера»⁵⁴⁷ (выделено мой. – О.К.).

Именно побуждение является основным сущностным признаком правового понятия «призыв». Это подчеркивает и А.Г. Хлебушкин, отмечая, что при призыве обращение «должно носить именно побудительный, инициативный характер», то есть побуждать к определенному поведению, а «не выражаться только в оценках, приглашении к обсуждению, предложении принять свою точку зрения»⁵⁴⁸.

Как представляется, весьма ценным для российского уголовного права может оказаться понимание публичного призыва в немецкой уголовно-правовой науке и судебной практике. В них подчеркивается, что призыв имеет характер «воззвания», то есть выражает **распознаваемое** стремление лица мотивировать третьих лиц выполнить состав того или иного преступления⁵⁴⁹. Недостаточно поэтому лишь заявить, что «совершение преступного деяния приветствуется, является необходимым или неизбежным, либо лишь абстрактно одобрить совершение преступлений»⁵⁵⁰.

Согласимся с немецким правовым подходом в том, что призыв предполагает, что желание склонить других лиц к совершению уголовно наказуемых деяний должно быть **выражено** в обращении «явно или таким образом, который позволяет сделать выводы»⁵⁵¹

⁵⁴⁵ Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Указ. соч. С. 96.

⁵⁴⁶ Расследование преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: научно-практическое пособие / под ред. докт. юрид. наук А.И. Бастрыкина. М., 2021. С. 151 (авторы параграфа – Байрамова Ф.О., Гарт И.В.).

⁵⁴⁷ Борисов С.В. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Российский следователь. 2007. № 19 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁴⁸ Хлебушкин А.Г. Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере охраны основ конституционного строя: Дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2016. С. 171.

⁵⁴⁹ Штаге Д. Уголовная ответственность за призыв к самосуду в соответствии с уголовным законодательством Германии // Союз криминалистов и криминологов. 2013. № 1. С. 103.

⁵⁵⁰ Там же.

⁵⁵¹ Там же.

о таком его содержании. О том, что призыв есть обращение к другим лицам, «в котором выражено стремление оказать воздействие на их волю и поведение», пишет В.И. Михайлов, комментируя понятие публичных призывов в ст. 205² УК РФ⁵⁵².

В этой связи показательна позиция Д.В. Лобача, который пишет: «призывы... должны совершаться только через такие действия, которые недвусмысленно свидетельствуют о склонении других лиц к совершению преступлений террористического характера»⁵⁵³. Призыв, как полагает указанный автор, «следует интерпретировать только через такие вербальные действия, которые изначально и недвусмысленно могут ориентировать слушателя на совершение соответствующих преступлений», «действия, выраженные в повелительных призываниях, убеждениях, уговорах, обращениях, требованиях»⁵⁵⁴.

Действительно, существуют такие способы **выражения** побуждения, которые передают его однозначно, при помощи языковых средств, конструкций, специально предназначенных для этого и систематически используемых в речи.

Самым простым и понятным вариантом выражения призыва является заявление по типу «Я призываю вас...» или «Я хочу, чтобы вы...». Столь же ясным, очевидным способом выразить побуждение является использование повелительного наклонения. Именно с этим связаны нередко встречающиеся утверждения, подобные следующему: «в соответствии с правилами русского языка, призыв должен выражаться глаголами повелительного наклонения, которые имея соответствующую стилистическую и эмоциональную окраску, способны побудить людей к совершению тех или иных действий»⁵⁵⁵. Например, по одному из уголовных дел обвиняемый опубликовал на личной

---

⁵⁵² Михайлов В.И. Противодействие терроризму и совершенствование уголовного закона // Российский ежегодник уголовного права. 2006. № 1. С. 529.

⁵⁵³ Лобач Д.В. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: проблемные аспекты регламентации в фокусе критического анализа // Черные дыры в Российском законодательстве. 2017. №5. С. 72.

⁵⁵⁴ Там же. О том, что призывы содержат «слова, недвусмысленно и прямо призывающие с использованием глаголов повелительного наклонения к совершению преступлений», пишет и Э.Ю. Чуклина. (См.: Чуклина Э.Ю. Судебная практика по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 205.1 и ст. 205.2 УК РФ (по материалам Южного окружного военного суда) // Право и политика. 2019. № 12. С. 82-93. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31628).

⁵⁵⁵ Чернявский Д.О. Уголовно-правовая характеристика публичных призывов к нарушению территориальной целостности Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 121.

странице в социальной сети текст, в котором содержались в том числе следующие слова: «*Бери в руки оружие! Вступай в ряды...! Убивай ....!*»⁵⁵⁶.

Авторы одной из коллективных монографий, утверждая, что призывы выражаются глаголами повелительного наклонения, пишут: «Публичные высказывания лица о целесообразности или возможности осуществления террористической деятельности, выраженные глаголами в форме сослагательного наклонения, не должны расцениваться как призывы, но (с учетом конкретных обстоятельств) могут рассматриваться как оправдание терроризма»⁵⁵⁷. Более осторожную (допускающую варианты) позицию по рассматриваемому вопросу занимает А.А. Кунашев, полагающий, что призывы заключаются *в первую очередь* в воззваниях и лозунгах и, *как правило*, для них характерно использование глаголов повелительного наклонения⁵⁵⁸.

Использование глаголов повелительного наклонения можно назвать неким языковым ядром выражения побуждения, который, как и прямое высказывание «Я призываю вас...», с очевидностью указывает на коммуникативную цель побудить. Но побуждение может быть выражено и иными средствами, находящимися условно на периферии от указанного выше ядра. Как указывает М.А. Осадчий, императив может быть заменен на «мягкое воление, выраженное вопросом-рекомендацией (Не стоит ли начать борьбу?), утверждением необходимости действий (Необходимо собраться на митинг у здания администрации) или обоснованием действий, выраженным как развернутой аргументацией, так и простым указанием на правильность или своевременность неких действий (Настал час прекратить этот беспредел; Единственный выход для нас сейчас – заблокировать избирательный участок)»⁵⁵⁹. В той мере, в которой из подобных высказываний и их общего контекста (автора высказывания, адресатов

---

⁵⁵⁶ Приговор Московского окружного военного суда от 09.04.2015 по уголовному делу № 2-13/2015 // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

⁵⁵⁷ Бурковская В.А., Маркина Е.А., Мельник В.В., Решетова Н.Ю. Уголовное преследование терроризма. М., 2008. С. 20. См. также: Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2006. С. 271; Димитрова Е.А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской и террористической деятельности как средство противодействия экстремизму и терроризму // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2012. № 1 (10). С. 176; Тарбагаев А.Н., Москалев Г.Л. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст. 205² УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации // Вестник СПбГУ. Сер. 14. Право. 2016. Вып. 2. С. 30.

⁵⁵⁸ Кунашев А.А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: уголовно-правовой анализ и вопросы квалификации // Уголовное право. 2018. № 6. С. 83.

⁵⁵⁹ Осадчий М.А. Судебно-лингвистическая параметризация экстремистского призыва // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 11 (19). С. 65.

сообщения, обстановки и проч.) может с достаточной очевидностью следовать желание обращающегося побудить других к совершению определенных действий (бездействию), имеет место призыв.

Следует согласиться с теми, кто полагает, что интерпретация призывов как выражаемых лишь императивом необоснованно сужает содержание рассматриваемого признака состава преступления⁵⁶⁰. Сама по себе языковая форма, в которой сделаны заявления, не может предрешать вопрос о наличии или отсутствии призыва.

Еще раз подчеркнем, что коммуникативное намерение обращающегося побудить других к совершению определенных действий или бездействию может и должно выводиться не только из используемых языковых конструкций, но также из экстралингвистического (непосредственного и общего) контекста высказывания.

Речевые акты, иллокутивная цель которых не находит прямого отражения в языковой структуре высказывания, получили в теории речевых актов название косвенных⁵⁶¹: «в косвенных речевых актах говорящий передает слушающему большее содержание, чем то, которое он реально сообщает, и он делает это, опираясь на общие фоновые знания, как языковые, так и неязыковые, а также на общие способности разумного рассуждения, подразумеваемые им у слушающего»⁵⁶². Как поясняют в современной литературе, «под косвенным речевым актом понимается такой речевой акт, в котором эксплицирована, т.е. словесно выражена, одна коммуникативная цель, а конвенционально подразумевается другая»⁵⁶³.

Действительно, некоторые косвенные речевые акты стали **конвенциональными способами выражения** той или иной цели, которая именно в силу конвенциональности без труда может быть распознана адресатом. Как отмечал Дж. Р. Серль, требуется некоторая изобретательность, чтобы не понять как просьбу следующие высказывания: «Можете ли вы достать соль?» или «Я был бы вам признателен, если бы вы сошли с моей

---

⁵⁶⁰ См., напр.: Кунов И.М. Уголовно-правовое противодействие распространению криминогенной информации: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. С. 61; Шибзухов З.А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 90-91.

⁵⁶¹ Кобозева И.М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности. // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Пер. с англ. / Сост. и вступ. ст. И.М. Кобозевой и В.З. Демьянкова. Общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М., 1986. С. 19.

⁵⁶² Дж. Р. Серль. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Пер. с англ. / Сост. и вступ. ст. И.М. Кобозевой и В.З. Демьянкова. Общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М., 1986. С. 197.

⁵⁶³ Радбиль Т.Б. Указ. соч. С. 234.

ноги»⁵⁶⁴. Очевидно, что целью высказывания в первом случае является не получить ответ на вопрос, а побудить адресата передать соль, а во втором – не выразить признательность и не сообщить об условиях ее выражения, а побудить адресата к конкретному действию (сойти с ноги). И лишь из вежливости говорящий избрал такой, косвенный, способ *выражения* своего желания. Использование таких высказываний для косвенного выражения просьбы «конвенционально, то есть опривычено и обычно для употребления в повседневной речи»⁵⁶⁵.

Баг-ев в одной из социальных сетей опубликовал репост текста, содержащий в частности следующее высказывание: «... *почему бы тебе не присоединиться к этому кораблю и не стать одной из тех женщин, которые пишут историю своими великими поступками; женщин, при упоминании которых мы поднимали бы головы?*». Этот вопрос звучал в самом конце текста, повествовавшего о нескольких женщинах, которые совершили действия, восхищавшие (исходя из вопроса) автора текста: одна из них совершила террористический акт, въехав на грузовике в воинскую часть и его подорвав; другая призывала «женщин Мекки на джихад и его финансирование», а также однажды сама стреляла по позициям противника из установки залпового огня в Афганистане; третья послала сына «на Джихад в Афганистан»⁵⁶⁶.

Заключение эксперта-лингвиста содержало следующие разъяснения и выводы: «формально анализируемое предложение является вопросительным, а не побудительным, однако в семантике высказывания очевиден дополнительный смысл – побудительная направленность, предписывающая определенную модель поведения, то есть подлинная цель данного высказывания состоит в том, чтобы побудить адресата совершить определенное действие»; «побудительную направленность данному высказыванию придает использование конструкции «почему бы тебе не присоединиться к этому кораблю», отражающее семантику пожелания, вежливой просьбы»⁵⁶⁷. Судом действия Баг-ва были квалифицированы как публичные призывы к осуществлению

⁵⁶⁴ Дж. Р. Серль. Указ. соч. С. 196.

⁵⁶⁵ Каразия Н.А. Методика прагмалингвистического исследования: основные подходы и категории // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2006. № 1 (7). С. 40.

⁵⁶⁶ Заключение специалиста № 29 // Архив 2-го Западного окружного военного суда. Уголовное дело № 2-20/2017. Т.1, л.д. 86-87.

⁵⁶⁷ Заключение эксперта № 37 от 26 октября 2016 г. // Архив 2-го Западного окружного военного суда. Уголовное дело № 2-20/2017. Т.2, л.д. 232

террористической и экстремистской деятельности, а также оправдание терроризма (ч. 1 ст. 205², ч. 2 ст. 280 УК РФ)⁵⁶⁸.

Отметим, что в практике судебных лингвистических экспертиз также выделяется «скрытый призыв», по-разному понимаемый лингвистами. Одни отождествляют его с косвенным призывом⁵⁶⁹, другие – считают самостоятельным видом призыва, понимая под ним представление информации, направленно формирующей у адресата желание действовать или чувство необходимости действий⁵⁷⁰.

Призыв является скрытым, если эксперт полагает, что автор выстраивал свой текст, рассчитывая, что он сформирует у читателя, слушателя желание действовать определенным образом. «Скрытый призыв нередко дает развернутую программу действий, к которым подстрекает, т.е. автор программирует поведение адресата речи, нередко используя методы речевого манипулирования сознанием, воздействия на психику, подсознание читателя или слушателя»⁵⁷¹. Важное замечание при этом делается самими экспертами: вызывает сомнение, что подобные заключения входят в компетенцию эксперта-лингвиста, поскольку задача последнего состоит в выявлении призыва как речевой цели, то есть текст должен содержать языковые средства его выражения⁵⁷².

Полагаем, что это замечание важно не только для лингвистической, но и для правовой квалификации призыва⁵⁷³. Во второй главе работы уже отмечалось, что действие, образующее призыв, предполагает использование устной или письменной речи: одно лишь изображение, без словесного, текстового комментария, образовывать призывы не может.

---

⁵⁶⁸ Приговор Московского окружного военного суда от 23.03.2017 по уголовному делу № 2-20/2017 // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

⁵⁶⁹ Салихова Э.А. К вопросу о вербальной реализации призыва // Политическая лингвистика. 2019. № 2 (74). С. 170-171; Стернин И.А. Выявление признаков возбуждения расовой и национальной вражды в лингвистической экспертизе текста: методическое пособие. Воронеж, 2010. С. 14.

⁵⁷⁰ Араева Л.А., Осадчий М.А. Судебно-лингвистическая экспертиза по криминальным проявлениям экстремизма // Уголовный процесс. 2006. № 4.

⁵⁷¹ Осадчий М.А. Использование лингвистических познаний в расследовании преступлений, предусмотренных статьей 282 Уголовного кодекса РФ // Право и безопасность. 2007. № 3-4 (24-25) // URL: https://dpr.ru/pravo/pravo_21_17.htm

⁵⁷² Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Указ. соч. С. 91.

⁵⁷³ В этом смысле публичный призыв отличается от подстрекательства, которое, на взгляд целого ряда специалистов, может являться и скрытым (См.: Бурчак Ф.Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву. Киев, 1969. С. 160-161; Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. Часть 2: Виды соучастников и формы участия в преступной деятельности. Свердловск, 1962. С. 84-85; Трайнин А.Н. Избранные труды. С. 294).

С этой точки зрения показателен вопрос, возникший в уголовном деле по обвинению Кар-ва в публичных призывах к осуществлению террористической деятельности. Кар-ев разместил (путем репоста) на своей странице в социальной сети видеозапись с видеорядом и закадровой речью, произносимой на английском языке. Согласно акту комплексной лингвистическо-религиоведческой экспертизы, которая проводилась по переводу, выполненному с английского на русский язык, материал содержал «побуждение к вооруженной борьбе вплоть до полного физического уничтожения против группы лиц, обозначенные как «неверующие» или «неверные»»⁵⁷⁴. Поскольку речь в видеоролике звучала на английском языке, возник вопрос, осознавал ли обвиняемый содержание размещенного им материала. Поэтому, наряду с показаниями преподавателя иностранного языка техникума, где учился обвиняемый Кар-ев, которая свидетельствовала о том, что последний знал английский язык на оценку между «отлично» и «хорошо», в числе доказательств значились также показания эксперта-религиоведа, проводившего экспертизу видеоматериала. Эксперт показал, что «после детального ознакомления с материалами, представленными на экспертизу» он «приходит к выводу, что общая смысловая направленность данной видеозаписи понятна только по имеющемуся видеоряду, без учета произносимого в ней текста»⁵⁷⁵. Указанные доказательства легли в основу обвинительного заключения, но в связи с истечением сроков давности уголовное преследование было прекращено⁵⁷⁶. Не поднимая в данном случае непростой вопрос о том, является ли переводной текст надлежащим объектом судебной лингвистической экспертизы⁵⁷⁷, подчеркнем, что одно лишь изображение, в отсутствие вербальной ее составляющей призывом являться не может, в отличие от креолизованного текста, состоящего из вербальной (языковой, речевой) и невербальной частей.

По другому уголовному делу скрытый призыв был обнаружен судебным экспертом в тексте, который содержал утверждение о том, что «лучшим исходом» является смерть

---

⁵⁷⁴ Заключение экспертов от 07.04.2017 № 263/1-1 // Архив 2-го Западного окружного военного суда. Уголовное дело № 2-79/2017. Т.2, л.д. 238-246.

⁵⁷⁵ Протокол допроса эксперта от 20.06.2017 // Архив 2-го Западного окружного военного суда. Уголовное дело № 2-79/2017. Т. 2, л.д. 248-250.

⁵⁷⁶ Постановление о прекращении уголовного дела от 17.10.2017 // Архив 2-го Западного окружного военного суда. Уголовное дело 2-79/2017. Т. 4, л.д. 16.

⁵⁷⁷ См. об этом: Расследование преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: научно-практическое пособие / под ред. докт. юрид. наук А.И. Бастрыкина. М., 2021. С. 141- 142 (авторы параграфа – Байрамова Ф.О., Гарт И.В.).

«шахида-мученика» «на пути Аллаха», и просьбу «Я прошу Аллаха, что бы...» (далее следовало пожелание шариата во всем мире и победы признанному террористической организацией «Исламскому государству»)⁵⁷⁸.

«Лингвистическими маркерами» скрытого призыва «к участию в боевых действиях на стороне террористической организации» эксперт посчитал «использование обращения религиозного характера (*Я прошу Аллаха*), а также придаточных предложений цели, идентифицируемых по подчинительному союзу чтобы»⁵⁷⁹.

Оставляя за скобками вопрос о надлежащей квалификации эксперта с учетом имеющегося у него образования (специалист по теологии, кандидат исторических наук), отметим, что возможно, этот отрывок и мог служить побудительным средством, но этого для квалификации его как содержащего призыв недостаточно. В представленном тексте нельзя обнаружить выражения воли автора на побуждение других лиц к совершению каких-либо действий.

В другом случае предметом рассмотрения была аудиозапись, в которой зачитывался текст, имеющий стихотворную форму. Обвиняемый Мещ-ов разместил ее путем репоста в своем аккаунте социальной сети. Эксперт обнаружил признаки призыва к совершению насильственных действий в форме воинствующего джихада, основанным на межрелигиозной неприязни, которые были расценены судом как призывы к осуществлению террористической деятельности⁵⁸⁰. Эксперт установил, в частности, следующее. Высказыванием «*Эй, иудеи, эй вы, христиане! Знайте, не будет больше пощады*», представляющим собой угрозу, «автор сообщает о неизбежности наказания для группы «чужие» и эксплицитно побуждает мусульман к совершению насильственных действий»; «при этом автор говорит адресату не только о своей позиции – положительном отношении к воинствующему джихаду и желании его совершения («*жажда джихада*»), но и о позиции адресата, совпадающей с авторской, то есть выражает убеждение адресата в положительном отношении к джихаду («*Битва с неверным – смысл джихада*») и необходимости его совершения»⁵⁸¹. Несмотря на то, что эксперт усмотрел в тексте

⁵⁷⁸ Заключение лингвистической судебной экспертизы №42/03 от 9 июля 2018 г. // Архив 2-го Западного окружного военного суда. Уголовное дело № 2-14/2019. Т. 1, л.д. 102-115.

⁵⁷⁹ Там же.

⁵⁸⁰ Приговор Московского окружного военного суда от 01.08.2018 // Архив 2-го Западного окружного военного суда. Уголовное дело № 2-68/2018.

⁵⁸¹ Заключение экспертов № 757/20.1-1; 758/26.1-1 от 25.05.2018 // Архив 2-го Западного окружного военного суда. Уголовное дело № 2-68/2018. Т. 1, л.д. 206-252.

«эксплицитное», то есть явно выраженное побуждение, полагаем, что такой вывод вызывает серьезные сомнения.

Как будет показано в 4 параграфе настоящей главы, распространение текстов, подобных указанным выше, может квалифицироваться как пропаганда терроризма.

Итак, публичный призыв предполагает распространение таких сообщений, в которых содержится явно выраженное побуждение неопределенного круга лица к совершению преступлений, перечисленных в примечании 2 к ст. 205² УК РФ. Полагаем возможным обозначить его как прямое побуждение, придавая характеристике прямоты юридическое, а не лингвистическое значение, ориентированное лишь на форму речевого акта. В этом смысле показательно замечание Международного трибунала по Руанде, который под прямым и публичным подстрекательством к геноциду понимает «выражение, которое ... недвусмысленно (ясно) провоцирует другого на совершение преступного деяния», то есть «требуется большего, чем просто расплывчатый или косвенный намек»⁵⁸².

Приведенные выше тексты из материалов уголовных дел заставляют поставить и еще один вопрос: насколько конкретизированным должно являться преступное деяние, к которому осуществляется призыв? Дело в том, что непредсказуемость развития причинно-следственной связи при публичном призыве, невозможность контроля призывающим лицом поведения неопределенного круга лиц, к которым призыв обращен, традиционно влекут ослабление требования конкретизации деяния, к которому побуждается адресат, в составе публичных призывов по сравнению с подстрекательством к преступлению.

Так, в немецком уголовном праве подстрекательство предполагает определенную степень конкретизации планируемого деяния с тем, чтобы его можно было распознать как конкретное событие⁵⁸³. То есть недостаточно склонять к совершению преступления определенного вида (например, «убей!» или «укради!»), как он описан в статьях

---

⁵⁸² Muvunyi, (Trial Chamber), September 12, 2006, para. 502 // Genocide, War Crimes and Crimes against Humanity. A Digest of the Case Law of the International Criminal Tribunal for Rwanda. New York, 2006. P. 65.

⁵⁸³ Petzsche A. The Penalization of Public Provocation to Commit a Terrorist Offence – Evaluating Different National Implementation Strategies of the International and European Legal Framework in Light of Freedom of Expression // EuCLR. Vol. 7, 2/2017. P. 249–250.

уголовного закона. Нужны индивидуализирующие характеристики – конкретный объект, место, время и другие обстоятельства⁵⁸⁴.

В современной российской уголовно-правовой доктрине общего мнения по этому вопросу не сложилось. Одни исследователи полагают, что подстрекательство требует индивидуализации преступного деяния, направленного на определенного потерпевшего, совершаемого в определенном месте, определенным способом и т.д.⁵⁸⁵. Другие – что достаточно лишь обозначить вид преступления (кража, грабеж, убийство и т.д.)⁵⁸⁶.

На наш взгляд, подстрекательство предполагает конкретизацию преступления, не отождествляемую лишь с обозначением его вида. Это вытекает из существа подстрекательства, сутью которого является формирование у другого лица умысла на совершение преступления, а не просто создание у него представления о возможности удовлетворить те или иные потребности преступным путем.

Вместе с тем немецкие специалисты отмечают, что даже при публичных призывах противоправное деяние должно иметь определенную степень конкретизации. Простого определения вида деяния без указания времени, места и жертв недостаточно. Иное возможно, если призыв предполагает, что деяние может быть исполнено в любое время или, например, когда персонализация жертвы не важна⁵⁸⁷. Согласимся с тем, что некоторая конкретизация деяния необходима в любом случае хотя бы потому, что высказывания, носящие слишком общий характер, лишают такие сообщения побудительного (побуждающего к действию) характера, переводя их в разряд пропагандистских⁵⁸⁸.

Поскольку публичные призывы предполагают, что в распространяемом сообщении должно быть выражено желание лица побудить других к осуществлению преступной деятельности, сложности вызывает квалификация действий, связанных с размещением чужих сообщений в социальных сетях путем репоста (ретвита и проч.). Дело в том, что

---

⁵⁸⁴ См. подробнее: Костылева О.В. Признак публичности призывов к осуществлению террористической деятельности и оправдания терроризма (ст. 205² УК РФ) в сравнительно-правовом контексте // Уголовное право. 2023. № 10. С. 51-52.

⁵⁸⁵ Ивлев С.М. Уголовно-правовые средства противодействия терроризму: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 170; Субачев А.К. Институт соучастия в преступлении и его отражения в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2018. С. 109 – 110.

⁵⁸⁶ Благов Е.В. Соучастие в преступлении и уголовная ответственность. М., 2021. С. 133; Козлов А.П. Соучастие. СПб., 2001. С. 139.

⁵⁸⁷ Fischer, StGB, 65. Auflage 2017, Paragraf 111, Randnummer 4a.

⁵⁸⁸ Petzsche A. Op. cit. P. 252-253.

по своему буквальному смыслу репост означает, что пользователя заинтересовало чужое сообщение и он желает, чтобы с ним ознакомились те, кто посещает его страницу или у кого в новостной ленте отражается это его действие. Таким образом, объективно репост свидетельствует о намерении лица донести чужое сообщение до аудитории, которая предположительно еще не знакома с этим сообщением.

Проблема состоит в том, что намерение пользователя, сделавшего репост, чаще всего не сводится к отмеченному выше. Буквальный смысл репоста не отражает то, что в действительности хочет сделать пользователь: поставить в известность других о том, что кто-то сообщает некую информацию, пригласить к обсуждению, дискуссии, присоединиться к чужому сообщению, выразить ему поддержку, представить его как истинное (если оригинальное сообщение содержит какое-либо утверждение) или что-то иное⁵⁸⁹. Действительное коммуникативное намерение становится более очевидным для адресата, если репост дополняется соответствующим комментарием самого пользователя. Если же он отсутствует, значение репоста в каждом конкретном случае будет зависеть от содержания оригинального сообщения, контекста, принятых правил коммуникации в Интернете и других факторов.

Представляется неверным подход, который иногда поддерживается в практике судебных экспертиз и согласно которому лицо, размещая репост, тем самым автоматически обозначает свою позицию. Полагают, что если автор не отделяет свое слово от чужого, «он несет ответственность за чужое слово как за свое»⁵⁹⁰.

Считаем, что в случаях распространения обвиняемым чужих материалов суд должен проанализировать всю совокупность имеющихся обстоятельств, касающихся размещения таких материалов, в частности их количество, непосредственный контекст публикации⁵⁹¹, аудиторию, к которой обращено сообщение, в том числе известность для аудитории взглядов обвиняемого лица, размещение на странице собственных материалов, свидетельствующих о них. В первую очередь такая оценка должна производиться не для

---

⁵⁸⁹ Здесь можем отослать читателя к небезынтересному исследованию значения ретвитов: Marsili N. Retweeting: its linguistic and epistemic value // *Synthese*. 2021. Vol. 198. P. 10457–10483.

⁵⁹⁰ Заключение экспертов № 728; 729/1-1 от 08.09.2016 // Архив 2-го Западного окружного военного суда. Уголовное дело № 2-97/2016. Т. 2, л.д. 210-227.

⁵⁹¹ С этой точки зрения важным является анализ содержания всей страницы обвиняемого лица в социальной сети. В связи с этим отметим, что в материалах уголовных дел хоть часто и содержатся протоколы осмотров личных страниц обвиняемых, в том числе с фиксацией их изображений, но назвать их подробными можно не всегда.

того, чтобы установить направленность умысла или цель⁵⁹² пользователя социальной сети, разместившего чужое сообщение, а для того, чтобы определить, воспринимается ли такое размещение теми, кому доступно указанное сообщение, как **выражение** его (пользователя) намерения побудить других к совершению преступных деяний.

Нельзя не отметить, что отстаиваемый нами подход во многом приближается к существующей в немецком уголовном праве позиции, согласно которой публичный призыв к совершению преступного деяния (§ 111 Уголовного уложения ФРГ) является преступлением, связанным с личным заявлением. Это предполагает, что лицо выражает призыв *как собственный*, то есть в случае копирования чужого заявления должно иметь место «присвоение» высказывания другого лица⁵⁹³. В практике применения § 111 Уголовного уложения ФРГ подчеркивается, что воспроизведение чужих высказываний как собственных должно недвусмысленно следовать из реплицирующего действия – о присвоении чужого высказывания может свидетельствовать сопровождение его собственным комментарием или использование определенного способа его передачи⁵⁹⁴. При этом в немецком уголовном праве рассматривается вопрос о возможности квалификации действий лиц, распространивших чужое сообщение при отсутствии его «присвоения», как соучастия (пособничества) в совершении соответствующих преступлений⁵⁹⁵.

Относительно последнего замечания отметим, что в российском правовом контексте для квалификации распространения чужих сообщений посредством репостов по нормам о соучастии отечественному правоприменителю необходимо будет преодолеть ряд затруднений: допустить соучастие с односторонней субъективной связью⁵⁹⁶; признать размещение оригинальной записи в сети Интернет дящимся преступлением; согласиться с возможностью соучастия на этапе юридически оконченого деяния до момента его

---

⁵⁹² А именно так полагает судебная практика: см. абз. 3 п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁹³ Schulte Ph., Kanz K.-M. Daumen hoch?! – Die Like-Funktion im sozialen Netzwerk Facebook aus strafrechtlicher Perspektive // Zeitschrift für das Juristische Studium. 2013. № 1. S. 26.

⁵⁹⁴ Eser A. The law of Incitement and the Use of Speech to Incite Others to Commit Criminal Acts: German Law in Comparative Perspective // Freedom of speech and incitement against democracy / Editors: D. Kretzmer, F. K.Nazan. The Hague, 2000. P. 143; Schulte Ph., Kanz K.-M. Op. cit. S. 29.

⁵⁹⁵ Schulte Ph., Kanz K.-M. Op. cit.

⁵⁹⁶ Соисполнительство в убийстве с односторонней субъективной связью было признано возможным Верховным Судом РФ. См.: кассационное определение Верховного Суда РФ от 31.03.2011 № 56-О11-20 // СПС «КонсультантПлюс».

фактического окончания⁵⁹⁷. Решением проблемы может являться и появление самостоятельной уголовно-правовой нормы об ответственности за распространение сообщений, содержащих призывы к осуществлению террористической деятельности. Схожее предложение уже высказывалось представителями уголовно-правовой науки⁵⁹⁸.

Вместе с тем российская правоприменительная практика исходит из того, что «определяющим для уголовно-правовой оценки ... является не авторство текста, а факт его опубликования [обвиняемым] ... с целью побудить иных лиц к осуществлению террористической деятельности»⁵⁹⁹. Правда, нужно отметить, что при всей категоричности высказывания Судебной коллегии Верховного Суда РФ публикация чужого текста в данном деле сопровождалась одобрительными комментариями осужденного. Несколько ранее Судебная коллегия так же отмечала: тот факт, что осужденный не является автором размещенных материалов экстремистской направленности, не может служить основанием к отмене вынесенного приговора, поскольку статьей 280 УК РФ «охватываются действия, связанные с использованием виновным лицом в публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности заимствованных материалов указанной направленности»⁶⁰⁰.

В отличие от немецких судов, которые с опорой на внешний контекст оценивают, воспринимается ли сторонним наблюдателем действие по репосту чужого сообщения как солидарность с содержащимся в нем призывом, российский правоприменитель устанавливает, являлось ли целью репоста побудить других лиц к совершению преступления, и делает это зачастую с опорой на обстоятельства, лежащие за пределами самого действия по копированию чужого сообщения и объективных обстоятельств, при которых такое копирование происходит.

Так, Нуров признан виновным в совершении публичных призывов к осуществлению террористической деятельности и публичного оправдания терроризма, совершенных путем размещения репоста (содержащего десять текстовых комментариев Абдурахмана

---

⁵⁹⁷ Такая возможность фактически допускается Пленумом Верховного Суда РФ в отдельном случае. См.: п. 14.1, абз. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 29.06.2021) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁹⁸ Ковлагина Д.А. Актуальные проблемы квалификации и применения ст. 205² УК РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Том. 13. № 5. С. 158.

⁵⁹⁹ Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 10.02.2022 № 222-УД22-1-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁰⁰ Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 13.09.2018 № 205-АПУ18-23 // СПС «КонсультантПлюс».

ибн Насира ас-Саади) на своей странице в социальной сети. Цель размещения репоста – побуждение к преступлению, как можно понять из апелляционного определения, доказывалась на основе показаний свидетелей об одобрении и поддержке Нуровым деятельности муджахедов и джихада, а также факта его одновременного осуждения за склонение А. к участию в незаконном вооруженном формировании на территории Сирии⁶⁰¹.

По другому уголовному делу Маг-ва обвинялась в размещении на своей персональной странице в социальной сети «ВКонтакте» аудиозаписи и видеозаписи, содержащих призывы к осуществлению террористической деятельности и оправдание терроризма. Во время судебного заседания подсудимая признала, что она осознавала характер указанных материалов, несмотря на то, что, согласно заключению эксперта-лингвиста, материалы содержали «скрытый призыв», тем не менее она отрицала, что ее целью было призвать к осуществлению террористической деятельности или оправдать терроризм. Признавая Маг-ву виновной в публичных призывах и оправдании терроризма, суд основывался на показаниях свидетелей, согласно которым обвиняемая в разговорах сообщала, что хочет «жить по исламским законам», публиковала на своей странице видеозаписи «исламской тематики», а также показаниях самой подсудимой, данных ею на предварительном следствии, в которых она признавала себя виновной в инкриминируемом ей деянии⁶⁰². Согласно обвинительному заключению Маг-ва на допросе сообщала, что разместила указанные записи «в связи с убеждением в правильности и адекватности террористической деятельности против иноверцев»⁶⁰³.

В третьем случае Зам-ов обвинялся в размещении с марта 2014 г. по январь 2015 г. на своей странице в социальной сети «ВКонтакте» пяти видеозаписей, одной аудиозаписи и изображения, содержащих призывы к осуществлению террористической деятельности, оправдание терроризма, а также высказывания, возбуждающие ненависть и вражду в отношении «неверных». В основу приговора, помимо доказанного факта размещения подсудимым указанных материалов и акта судебной психолого-лингвистической

---

⁶⁰¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 03.07.2018 № 203-АПУ18-12 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁰² Приговор Московского окружного военного суда от 09.11.2017 // Архив 2-го Западного окружного военного суда. Уголовное дело № 2-85/2017.

⁶⁰³ Обвинительное заключение по обвинению Маг-ой Г.Т. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205² УК РФ // Архив 2-го Западного окружного военного суда. Уголовное дело № 2-85/2017. Т. 3, л.д. 177.

экспертизы, суд положил признание вины подсудимым и показания свидетелей о его негативном отношении к немусульманам и высказываниях в кругу единомышленников о необходимости вести борьбу с режимом Башара Асада в Сирии. Суд сослался также на длительность размещения соответствующих материалов подсудимым, но не при доказывании цели побудить других лиц к осуществлению террористической деятельности, а для подтверждения того факта, что подсудимый «понимал содержание выкладываемых им видеороликов, изображений и текстовых файлов, разделял высказывания, содержащиеся в них, и намеренно желал ознакомления с ними иных пользователей сети «Интернет»»⁶⁰⁴. Интересно также, что один из свидетелей, который сообщал об ознакомлении с материалами, размещенными Зам-ым на своей странице, «сделала вывод, что лицо, их разместившее, умышленно освещает деятельность каких-то террористических группировок и ведение ими боевых действий»⁶⁰⁵, а не то, что пользователь таким образом призывает к осуществлению террористической деятельности.

Еще раз подчеркнем следующее. На наш взгляд, вопрос должен состоять не в том, достаточно ли установить, каких убеждений придерживается обвиняемый, для того, чтобы доказать, что им преследовалась цель побудить других к осуществлению террористической деятельности. Основной вопрос заключается в том, согласуется ли опора исключительно на имеющиеся у обвиняемого взгляды с требованием, согласно которому в призыве должно быть выражено намерение лица побудить других к совершению преступных деяний? Указанное намерение должно распознаваться адресатом, исходя из внешних, наблюдаемых обстоятельств, таких как количество соответствующих публикаций на странице пользователя, непосредственный их контекст, размещение на странице собственных материалов соответствующего содержания, аудитория, к которой обращено сообщение, в том числе известность для аудитории взглядов обвиняемого лица, и проч.⁶⁰⁶

---

⁶⁰⁴ Приговор Московского окружного военного суда от 27.04.2018 по уголовному делу № 2-40/2018 // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

⁶⁰⁵ Там же.

⁶⁰⁶ Подробный анализ объективных обстоятельств, учитывающихся судами в целях направленности умысла, проведенный А.Г. Хлебушкиным, вполне применим и для решения указанной нами задачи (См.: Хлебушкин А.Г. Установление умысла при квалификации преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2024. № 3. С. 64-72).

Таким образом, объективная сторона публичных призывов к осуществлению террористической деятельности состоит в распространении среди неопределенного круга лиц информации или материалов, в которых прямо (явно) выражено намерение виновного побудить указанных лиц к совершению преступлений, перечисленных в примечании 2 к ст. 205² УК РФ.

Переходя к характеристике **субъективной стороны** публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, еще раз отметим господствующее в уголовно-правовой доктрине и практике мнение, согласно которому вина в указанном преступлении характеризуется прямым умыслом, что связано с формальной конструкцией состава. Вместе с тем, как уже отмечалось, такая конструкция не означает, что публичные призывы не причиняют вред охраняемым общественным отношениям, она лишь свидетельствует о тесной (неразрывной) связи общественно опасных последствий с совершаемыми действиями. Публичное распространение обращения, в котором выражено желание виновного побудить других лиц к совершению преступлений террористической направленности, приобретает общественно опасный характер постольку, поскольку в момент такого распространения создается опасность совершения указанных преступлений неопределенным кругом лиц, то есть причиняется вред общественной безопасности.

Возможность совершения указанного преступления с косвенным умыслом полностью исключается судебной практикой, которая в качестве обязательного признака публичных призывов (напр., ст. 205², 280, 280¹ УК РФ) признает цель побудить других лиц к совершению преступных деяний. Так, под публичными призывами к осуществлению террористической деятельности в статье 205² УК РФ понимается «обращения к другим лицам с **целью побудить** их к осуществлению террористической деятельности»⁶⁰⁷ (выделено мной. – О.К.).

Таким образом, распространение информации (материалов), содержащих призывы к осуществлению преступных деяний, без указанной цели соответствующих составов «призывных» преступлений (напр., ст. 205², 280, 280¹ УК РФ) не образует⁶⁰⁸. Такое

---

⁶⁰⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 №1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», п. 18 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁰⁸ Зателепин О.К., Борисов С.В. Новые позиции Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности // Уголовный процесс. 2018. № 11.

толкование сужает объем этих уголовно-правовых запретов и поднимает вопрос о соответствии тексту уголовного закона.

Ряд исследователей отрицает существование этого самостоятельного (обязательного) признака субъективной стороны публичных призывов. И.М. Кунов в обоснование указанной позиции отмечает, что лица, которые за вознаграждение занимаются размещением и распространением вредоносного контента в сети Интернет, могут и не преследовать соответствующей цели, относясь безразлично к формированию криминальной мотивации у других лиц, но это не должно становиться основанием для исключения их ответственности⁶⁰⁹.

Другие специалисты, отстаивая позицию, закрепленную на сегодняшний день в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, предлагают прямо обозначить соответствующую цель в тексте уголовного закона⁶¹⁰.

Считаем возможным согласиться с теми специалистами, кто считает, что само по себе понятие «призывы» подразумевает соответствующую цель⁶¹¹. Как подчеркивала И.М. Тяжкова применительно к преступлению, предусмотренному ст. 280 УК РФ, призывы – «это проявление целенаправленной деятельности», и несмотря на то, что цель не обозначена обязательным признаком указанного преступления, она очевидна – «вовлечь других людей в совершение действий экстремистской направленности»⁶¹².

Таким образом, субъективная сторона публичных призывов к осуществлению террористической деятельности характеризуется тем, что лицо осознает общественную опасность совершаемого действия, что означает осознание им фактического характера и социальной значимости своего поведения, предвидит неизбежность или возможность создания опасности совершения преступлений террористической направленности другими лицами в результате его призывов к этому и желает наступления указанного последствия, имея целью побудить других лиц к осуществлению террористической деятельности.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы.

---

⁶⁰⁹ Кунов И.М. Уголовно-правовое противодействие распространению криминогенной информации: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. С. 76.

⁶¹⁰ Шибзухов З.А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 106-107.

⁶¹¹ Балашов А.А. Указ. соч. С. 83.

⁶¹² Тяжкова И.М. Экстремистские преступления как посягательства на внутреннюю безопасность государства // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2012. № 4. С. 86, 87.

Объективная сторона публичных призывов к осуществлению террористической деятельности состоит в распространении среди неопределенного круга лиц информации и (или) материалов, содержащих прямое (явное выраженное) побуждение указанных лиц к совершению преступлений, перечисленных в примечании 2 к ст. 205² УК РФ.

Решение вопроса о том, выражено ли в обращении побуждение к осуществлению террористической деятельности, зависит не только от используемых языковых конструкций, но также от экстралингвистического контекста высказывания. Сама по себе языковая форма обращения не может предрешать вопрос о наличии или отсутствии призыва; в частности, интерпретация призывов как выражаемых лишь императивом необоснованно сужает понятие призывов.

Несмотря на то, что по сравнению с подстрекательством к преступлению при публичных призывах требование индивидуализации деяния, к совершению которого осуществляется побуждение, не выдвигается, некоторая конкретизация его все же необходима, поскольку слишком общий характер призывов лишает их побудительного (побуждающих к действию) свойства, переводя обращение в разряд пропагандистских высказываний.

Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности являются преступным действием, связанным с личным заявлением виновного. При распространении чужого обращения обстоятельства совершения преступления должны свидетельствовать о принятии лицом призыва в качестве собственного.

Субъективная сторона публичных призывов к осуществлению террористической деятельности характеризуется тем, что лицо осознает общественную опасность совершаемого действия, что означает осознание им фактического характера и социальной значимости своего поведения, предвидит неизбежность или возможность создания опасности совершения преступлений террористической направленности другими лицами в результате его призывов к этому и желает наступления указанного последствия, имея целью побудить других лиц к осуществлению террористической деятельности.

§ 3.3. Публичное оправдание терроризма

Определение публичного оправдания терроризма дается законодателем в примечании 1 к ст. 205² УК РФ. Под ним понимается публичное заявление о признании

идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании.

Отметим, что эксперты-лингвисты в своей деятельности, с одной стороны, не могут игнорировать содержащееся в уголовном законе определение, с другой же, – ориентируются на те значения, которые имеет в языке соответствующее понятие. Толковые словари русского языка раскрывают значение слова «оправдание» следующим образом: признание кого-либо правым, невиновным, поступившим непредвзято; доводы, объяснения, позволяющие оправдать, извинить кого-, что-либо; обоснование целесообразности, справедливости, закономерности чего-либо⁶¹³.

Лингвисты признают, что понимание ими речевого акта оправдания может расходиться с юридическим значением действия «оправдание терроризма». А поэтому отмечают, что вопрос, необходимо ли для выявления факта оправдания терроризма наличие всех трех указанных в уголовном законе признаков (признание правильным, нуждающимся в поддержке и подражании) или достаточно хотя бы некоторых из них, относится к правовой сфере. Эксперт же лишь предоставляет для его решения необходимый материал⁶¹⁴.

Буквальный смысл примечания 1 к ст. 205² УК РФ предполагает, что суд обязан установить, что в заявлении содержится признание терроризма не только правильным, но также нуждающимся в поддержке и подражании. Тем не менее применение примечания 1 к ст. 205² УК РФ сообразно этому ее смыслу наталкивается на несколько затруднений.

Во-первых, оправдание терроризма в ст. 205² УК РФ предполагает оправдание как его практики, так и идеологии, тогда как составляющая оправдания – поддержка терроризма – связывается с поддержкой исключительно террористической деятельности. Так, согласно примечанию 2 к ст. 205⁴ УК РФ, которое распространяется на ст. 205² УК РФ, поддержка терроризма – это «оказание услуг, материальной, финансовой или любой иной помощи, способствующих осуществлению террористической деятельности»⁶¹⁵

---

⁶¹³ Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь. М., 2000; Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003; Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний. М., 2008.

⁶¹⁴ Макаров В.И., Макарова О.С. Оправдание терроризма: вопросы лингвистической экспертизы // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2020. № 8 (33). С.2.

⁶¹⁵ Такое понимание поддержки было включено в УК РФ Федеральным законом от 02.11.2013 № 302-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201311030012>). Причем в первую очередь

(осложняется ситуация и тем, что в ст. 205⁴ УК РФ террористическая деятельность понимается несколько иначе, чем в ст. 205² УК РФ). В любом случае может возникать вопрос, преследуется ли согласно закону оправдание лишь идеологии терроризма?

Во-вторых, необходимо ответить на вопрос, как соотносятся поддержка, которая означает оказание помощи террористической деятельности, и подражание, которое предполагает необходимость воспроизведения практики терроризма. В частности, должны ли вытекать из заявления одновременно и необходимость воспроизведения практики терроризма, и необходимость оказания помощи террористической деятельности?

Что касается первого отмеченного затруднения, считаем преждевременным утверждать, что установленный в ст. 205² УК РФ запрет позволяет наказывать публичное оправдание некой идеологии. И дело здесь не в том, что в законодательном определении используется соединительный союз «и», что говорит о том, что оправдываться должна не только идеология, но и практика терроризма. И даже не в том, что «идеология терроризма ... является идеологией насилия, говорящей о допустимости совершения терактов и других опасных деяний, поэтому оправдание соответствующих взглядов и идей есть одновременно и оправдание террористической деятельности»⁶¹⁶. Считаем важным обратить внимание на то, что законодательное определение предполагает, что в заявлении должно содержаться признание терроризма нуждающимся в поддержке и подражании. Из этого, как представляется, следует, что заявление должно предполагать оправдание не самой идеологии, а той деятельности, которая на нее опирается. Ведь взглядам, идеям нельзя ни «подражать», ни их «поддерживать» в выявленном выше законодательном смысле (примечание 2 к ст. 205⁴ УК РФ)⁶¹⁷.

Ограничивающим применение нормы об оправдании терроризма могло бы стать следующее обстоятельство. Оправдываться могут только уже совершенные или совершаемые преступные деяния – это следует из семантического значения термина

давалось оно для целей ст. 205⁴ УК РФ, а не ст. 205² УК РФ, но законодатель счел необходимым скорректировать и уголовно-правовой запрет оправдания терроризма.

⁶¹⁶ Бадамшин С.К. Указ. соч. С. 87. См. также: Помнина С.Н., Вахонина Е.Б. Особенности определения признаков объективной стороны публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма или пропаганды терроризма // Социально-политические науки. 2018. № 3. С. 139.

⁶¹⁷ Это отмечает и И.М. Кунов: «находить благовидное объяснение, извинительную аргументацию можно лишь для определённой деятельности» (См.: Кунов И.М. Уголовно-правовое противодействие распространению криминогенной информации: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. С. 82).

«оправдание»⁶¹⁸. Отметим, что согласно, например, французскому уголовному праву, публичная апология актов терроризма предполагает прославление, оправдание или иным образом выражение положительного взгляда на уже совершенные преступления и их исполнителей (участников)⁶¹⁹. Из того же исходит и испанская судебная практика: объектом прославления или оправдания должно быть совершенное террористическое преступление либо любое лицо, участвовавшее в совершении таких преступлений⁶²⁰. Одобрение преступных деяний в § 140 Уголовного уложения ФРГ также касается конкретного совершающегося или уже совершенного преступного деяния⁶²¹.

Поддерживая такое понимание (как будет показано в следующем параграфе, оно позволит решить проблему разграничения публичного оправдания терроризма и пропаганды терроризма, совершаемой публично), тем не менее, отметим, что в российской судебной практике наблюдается иной подход. Как оправдание терроризма квалифицируется распространение заявлений, в которых оправдывается террористическая деятельность вне привязки ее к какому-то конкретному совершенному преступлению или преступной деятельности какого-либо лица или террористической организации.

Например, как оправдание терроризма было квалифицировано судом распространение видеоматериала с выступлением, в котором содержалось следующее высказывание: «любые формы сопротивления этому [*речь шла об «этнической экспансии» – О.К.*], их можно только приветствовать – террора, насилия, взрывов, убийств»⁶²².

В заключении комиссии экспертов в другом уголовном деле отмечалось, что в представленной на экспертизу видеозаписи содержатся «описания вооруженной борьбы

---

⁶¹⁸ Бабич О.В. Диагностика речевых действий по оправданию терроризма и идеологии экстремизма // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. Материалы V-й Международной научно-практической конференции / Отв. ред. В.Ю. Меликян. Вып. 5. Ростов н/Д, 2015. С. 333; Саженин И.И. Проблема диагностирования оправдания в экстремистском тексте // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления: материалы Межд. науч. конф. (Екатеринбург, 26-30.2016) / гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург, 2016. С. 183.

⁶¹⁹ Belavusau U., Boutin B., Grozdanova R., Noorloos M., Paulussen Ch. Op. cit. P. 19.

⁶²⁰ Legal standards on glorification. Case law analysis of the offence of glorification of terrorism in Spain // URL: <http://www.rightsinternationalspain.org/uploads/publicacion/6b06a5a8ad6c2f7c9b408091b87d0b3c7dff219.pdf>

⁶²¹ Petzsche A. The Penalization of Public Provocation to Commit a Terrorist Offence – Evaluating Different National Implementation Strategies of the International and European Legal Framework in Light of Freedom of Expression // EuCLR. 2017. Vol. 7 №2. P. 253.

⁶²² Заключение эксперта №3/688 от 03.08.2017 (комплексная психолого-лингвистическая экспертиза). Уголовное дело №2-3/2018 по обвинению Ис-ва С.Д. Т. 2, л.д. 247-282; Приговор Московского окружного военного суда от 25.01.2018 // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

за ислам», «декларируются традиционные для ислама идеи джихада, вооруженной борьбы и смерти за веру, захват Иерусалима по религиозным основаниям, которые интерпретируются как вневременные императивы, не проецируются на какие-либо конкретные события и явления социально-политической действительности»⁶²³. Суд расценил размещение указанного материала в социальной сети как публичное оправдание терроризма⁶²⁴.

Не исключено, что такой подход связан с тем, что в ст. 205² УК РФ указывается на оправдание терроризма, а не террористической деятельности.

Вместе с тем чрезмерно буквальное толкование понятия оправдания идеологии терроризма приводит к неправильным, на наш взгляд, выводам. Так, согласно приговору районного суда, подсудимый разместил на личной интернет-странице в «Мой мир» следующие сообщения: *«терроризм - это круто»* и *«терроризм - это класика и... (нецензурное слово) кто че говорит»*. Согласно заключению комиссии экспертов эти высказывания содержали заявления о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании⁶²⁵. При этом важно отметить, что суд расценил указанные действия подсудимого как публичное оправдание терроризма, учитывая в частности показания последнего, который объяснял, что «под терроризмом он понимал и понимает опасное социальное явление, направленное на причинение вреда жизни и здоровью гражданам, посредством взятия их в заложники, взрывов в общественных местах»⁶²⁶. Тем не менее, как указывалось ранее, должен устанавливаться объективный смысл высказывания, что предполагает невозможность при его интерпретации основываться на обстоятельствах, лежащих вне самого высказывания и его контекста.

Отвечая на второй вопрос, должны ли вытекать из заявления одновременно и необходимость воспроизведения практики терроризма, и необходимость оказания помощи террористической деятельности, еще раз подчеркнем, что этот вопрос возник по

---

⁶²³ Заключение комиссии экспертов (комплексная психолого-политоло-лингвистическо-религиоведческая судебная экспертиза) № 234/17 от 06.07.2017 г. // Архив 2-го Западного окружного военного суда. Уголовное дело № 2-39/2018. Т. 2, л.д. 189-215.

⁶²⁴ Приговор Московского окружного военного суда от 17.04.2018 по уголовному делу № 2-39/2018// Архив 2-го Западного окружного военного суда.

⁶²⁵ Приговор Центрального районного суда города Хабаровска от 19.09.2014 по делу № 1-367/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶²⁶ Там же.

причине внесенного в УК РФ в 2013 г. определения поддержки терроризма. До этого момента поддержка терроризма могла пониматься в том числе как исключительно моральное одобрение последнего, и поэтому проблемы соотношения поддержки и подражания не возникало. Это новое законодательное положение не учитывается экспертами-лингвистами, для которых *поддержать* в ст. 205² УК РФ все еще продолжает означать лишь *согласиться, одобрить*⁶²⁷. Противоречивой в этой связи выглядит и позиция, выраженная в одном из комментариев к УК РФ. Так, с одной стороны, понятие «нуждающиеся в поддержке» понимается в нем как «выражение согласия, одобрения, выступления в защиту терроризма», с другой же – тут же приводится определение поддержки терроризма, согласно примечанию 2 к ст. 205⁴ УК РФ⁶²⁸.

В.С. Комиссаров отмечал, что термин *оправдание* «не имеет четких границ и может быть насыщен различными оттенками, начиная от понимания причин определенного поведения и заканчивая выражением прямой поддержки такого поведения»⁶²⁹. Поскольку объяснение причин совершаемых преступлений не должно само по себе подвергаться уголовному преследованию, уголовный закон предполагает, что угрозу для общественной безопасности представляют такие случаи, когда от оправдания в указанном выше смысле переходят к представлению совершенных преступлений как дозволенных, допустимых действий. Такой переход осуществляется в случаях, когда в заявлении содержится указание на необходимость поддержки (в смысле оказания помощи) или подражания террористической деятельности. Поэтому эти две составляющие определения оправдания терроризма могут рассматриваться как альтернативные его признаки, поскольку каждая из них указывает на то, что террористическая деятельность рассматривается в заявлении в качестве поведения, которому можно и даже нужно следовать.

С указанной точки зрения интерес представляет практика Верховного и Конституционного судов Испании, согласно которой оправдание террористических

---

⁶²⁷ Голиков Л.М. Оправдание терроризма как речевое действие (на материале джихадистского текста): учебное пособие. Вологда, 2018. С. 10; Макаров В.И., Макарова О.С. Указ. соч.

⁶²⁸ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Особенная часть. Раздел IX (постатейный) (том 3) (отв. ред. В.М. Лебедев). М., 2017 (автор комментария к ст. 205² УК РФ – В.П. Степалин) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶²⁹ Комиссаров В.С. Комментарий к ст. 11 ФЗ №153-ФЗ от 25.07.2006 // Терроризм. Правовые аспекты противодействия: нормативные и международные правовые акты с комментариями, научные статьи / под ред. И.Л. Трунова и Ю.С. Горбунова. Изд. 2-е, переработ. и доп. М., 2007. С. 215.

преступлений имеет место тогда, когда то, что фактически является преступным поведением, представляется как правомерное и допустимое действие, а восхваление – когда террористические преступления и те, кто участвует в их совершении наделяются статусом примера для подражания, то есть им придается та же ценность, что присуща правопорядку, несмотря на то, что они прямо противоречат последнему⁶³⁰.

В российском уголовном законе используется лишь понятие «оправдание», но не «восхваление» («прославление») терроризма, что, на наш взгляд, связано с тем, что первое из указанных понятий («оправдание») согласно законодательному его определению охватывает второе. В основе оправдания терроризма лежит заявление, в котором содержится утверждение о том, что террористическая деятельность является дозволенным, допустимым поведением, то есть таким, которое может и при необходимости должно воспроизводиться. Поскольку же объективный смысл оправдывающего терроризм заявления может выражаться как в прямой форме, так и выводиться из лингвистического и экстралингвистического контекста, то заявления, в которых восхваляются (прославляются) лица, совершившие преступления террористической направленности, могут рассматриваться как оправдывающие террористическую деятельность. Героизация, например, исполнителя террористического акта может означать, что совершенное им преступление рассматривается в качестве образца, которому можно или следует подражать.

Отметим, что такой же подход можно встретить в практике Кассационного Суда Франции: оправдание или прославление самого преступника (при отсутствии каких-либо оговорок или условий) подразумевает оправдание совершенных им преступлений. Прославление террориста как якобы героя рассматривается как равносильное высказыванию об оправдании или одобрении совершенного им акта терроризма⁶³¹. Как можно заметить, Кассационный Суд Франции делает важное замечание об отсутствии каких-либо оговорок или условий при прославлении преступника. Действительно, прославление лица, совершившего преступление, не обязательно означает, что

---

⁶³⁰ Aguerri J.C. Freedom of Speech and Media Coverage of Glorification of Terrorism Case // The Presumption of Innocence and the Media Coverage of Criminal Case. Center for the Study of Democracy, 2021. P. 96 // URL: https://arisa-project.eu/wp-content/uploads/2021/04/The-Presumption-of-Innocence_EN_WEB.pdf

⁶³¹ Schlanger S. French Law and EU Rules in the Fight Against Incitement to Terrorism or Violent Extremism // Incitement to Terrorism. Editors: Anne F. Bayefsky and Laurie R. Blank. Leiden; Boston, 2018. P. 47.

прославляется и его преступная деятельность. Ведь лицо может прославляться и по другим причинам, не связанным с совершенным им преступлением.

Иногда из непосредственного лингвистического контекста абсолютно ясно, в связи с чем высказывается похвала. Так, Михеев был признан виновным в оправдании терроризма за выкрикивание на митинге лозунга: «Слава Николаю Королеву, взорвавшему рынок!». Как указали эксперты, «посредством данного лозунга создается слава лицу, осуществившему физическое насилие и физическое уничтожение, то есть действия Николая Королева не только признаются допустимыми, но и сообщается о необходимости его почетной известности как всеобщем признании его заслуг и уважении», «прославление ... лица, совершившего террористический акт, следует признавать, с языковой точки зрения, публичным оправданием терроризма»⁶³².

Но существуют и более сложные правоприменительные ситуации, в которых особое значение приобретает более широкий контекст высказывания. Именно эти сложности возникли в деле Вел-ва, имама одной из московских мечетей. В прочитанной проповеди перед собравшимися верующими Вел-ов упомянул о расстреле в Кизляре некоего А. Г-ва. Назвав его «одним из активнейших носителей знамени призыва», «мудрым» и «радевшим за проблемы уммы», «ведущим активную общественную деятельность», подчеркнув, что «Аллах забирает лучших», Вел-ов прочел заупокойную молитву за убитого.

Эксперт-лингвист, участвующий в проведении комплексной психолого-лингвистической экспертизы, пришел к выводу о том, что в произнесенной речи было выражено «положительное отношение к деятельности Г-ва: посредством высокой оценки его личности как мусульманина (*Всевышний забирает лучших*), посредством одобрения его деятельности (*Он был одним из активнейших носителей знамени призыва, этот А., покойный шахид, Он был мудрый ... радел за проблемы уммы*), посредством представления деятельности Г-ва как соответствующей истинному мусульманину, деятельности Г-ва как члена Хизб ут-Тахрир»⁶³³. Последний вывод был сделан с учетом

---

⁶³² Приговор Ленинского районного суда г. Кирова от 05.10.2010 по делу № 1-586/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶³³ Заключение экспертов № 238э/2 // Архив 2-го Западного окружного военного суда. Уголовное дело № 2-31/2017. Т. 1, л.д. 213-271.

представленных экспертам материалов (информационной справки) о том, что Г-в являлся членом признанной террористической организации Хизб ут-Тахрир⁶³⁴.

Отметим, что судом было признано доказанным, что Вел-ов знал о том, что Г-в являлся членом указанной террористической организации. Доводы Вел-ва о том, что он говорил о Г-ве как о гражданине и рядовом мусульманине, по мнению суда, опровергались «исследованными судом доказательствами, в том числе показаниями эксперта... которая заявила, что Вел-ов в своей проповеди говорил не о личности Г-ва, а высказывался об этом лице в связи с его деятельностью как члена организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», героизировал его»⁶³⁵.

Таким образом, одним из основных вопросов в данном случае являлся следующий: могло ли быть обеспечено такое понимание коммуникативного намерения Вел-ва слушателями? Так, если представить, что речь в этом выступлении шла, например, об Усаме бен Ладене, то обсуждаемых сложностей скорее всего бы не было.

Итак, оправдание терроризма предполагает заявление о том, что террористическая деятельность является дозволенным, допустимым поведением, то есть таким, которое может и при необходимости должно воспроизводиться. Тем не менее для более точного понимания оправдания терроризма, необходимо уточнить коммуникативную направленность лежащего в его основе заявления. Важно отметить, что лингвисты, а вслед за ними и правоприменители полагают, что речевыми целями оправдания терроризма могут являться следующие:

- информирование адресата о том, как он должен действовать⁶³⁶;
- убеждение адресата в том, что идеология и практика терроризма соответствуют определенной норме и/или являются полезными⁶³⁷;
- убеждение реципиента в допустимости, (или) правильности, (или) желательности, (или) необходимости совершения преступных действий⁶³⁸;

---

⁶³⁴ Там же.

⁶³⁵ Приговор Московского окружного военного суда от 28.04.2017 по уголовному делу № 2-31/2017 // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

⁶³⁶ Радбиль Т.Б. Указ. соч. С. 237; Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Указ. соч. С. 227-228.

⁶³⁷ Голиков Л.М. Оправдание терроризма как речевое действие // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №1. С. 110; Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Указ. соч. С. 227-228.

⁶³⁸ Никишин В.Д. Теоретические и организационно-правовые аспекты судебной экспертизы материалов религиозного характера экстремистской и террористической деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 133.

– демонстрация своих (особых) взглядов, отношения к предмету речи⁶³⁹.

Другими словами, объективный смысл распространенного заявления может состоять не только в побуждении (убеждении) других лиц к осуществлению террористической деятельности или убеждении их в том, что террористическая деятельность может или должна воспроизводиться, но и в выражении личного отношения к практике и идеологии терроризма. Хотя высказываются и другие мнения. Так, И.В. Жарков и Е.А. Колтунова полагают, что «с функциональной точки зрения оправдательное высказывание всегда имеет одну коммуникативную цель – убеждение собеседника»⁶⁴⁰.

Полагаем, что публичное оправдание терроризма в целях уголовно-правовой квалификации необходимо понимать именно в последнем значении. Публичное оправдание терроризма отсутствует, если объективный смысл распространенного заявления состоит в выражении личного отношения к практике и идеологии терроризма, когда ни лингвистический, ни экстралингвистический контекст не указывает на то, что указанное заявление по своему содержанию направлено на убеждение адресата в том, что террористическая деятельность является дозволенным, допустимым поведением.

О том, что распространяемая при оправдании терроризма информация направлена на «создание убеждения у неопределённого круга лиц о правильности и необходимости террористической деятельности» пишет также И.М. Кунов⁶⁴¹. Анализируя обстоятельства одного из уголовных дел по обвинению лица в совершении преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, и не соглашаясь с такой квалификацией, он отмечает: «Понятно, что речевой целью высказывания ... было не убеждение адресата в правильности террористической деятельности, а демонстрация ему своих взглядов ... эпатирование присутствующих ... лиц, причинение им нравственных переживаний и т.д.»⁶⁴².

Отметим, что вопрос может оказываться сложнее, поскольку выводы эксперта-лингвиста и эксперта-психолога, содержащиеся в акте судебной экспертизы, могут расходиться в данном отношении. Так, в деле Кур-ва было установлено, что оставленный

⁶³⁹ Бабич О.В. Указ. соч. С. 333; Радбиль Т.Б. Указ. соч. С. 236-237; Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Указ. соч. С. 227-228.

⁶⁴⁰ Жарков И.В., Колтунова Е.А. Оппозиция речевых актов одобрения и оправдания в сфере судебной лингвистической экспертизы // Юрислингвистика. *Legal Linguistics*. 2020. № 15. С. 19.

⁶⁴¹ Кунов И.М. Уголовно-правовое противодействие распространению криминогенной информации: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. С. 86.

⁶⁴² Там же. С. 84.

под видеозаписью с изображением подготовки одного из отрядов террористической организации Аль-Каида комментарий «*MashaAllAh brati Mudzhahidi*» (переведен как «Очень хорошо (молодцы), братья муджахеды»⁶⁴³) с точки зрения речевой цели, установленной экспертом-лингвистом, являлся демонстрацией особых взглядов автора комментария, а с точки зрения эксперта-психолога был «направлен на формирование у адресата позитивного эмоционально-смыслового отношения к моджахедам и их деятельности»⁶⁴⁴.

В этой связи важно в очередной раз отметить, что коммуникативная направленность высказывания должна определяться не только на основе лингвистических конструкций, но и непосредственного и общего контекста, в котором такое высказывание имеет место.

Еще один вопрос, требующий обсуждения, связан с квалификацией распространения чужих сообщений, содержащих оправдание терроризма, посредством репостов. Так, И.М. Кунов отмечает, что определение оправдания терроризма законодателем как заявления «предполагает самостоятельное высказывание лица, его сообщение с изложением своей точки зрения ... по какому-либо вопросу», а потому копирование (передача) чужого высказывания не может расцениваться как совершение указанного преступления. Автор предлагает скорректировать диспозицию нормы путем дополнения ее указанием на распространение материалов, оправдывающих террористическую деятельность⁶⁴⁵. Не согласен с такой трактовкой ст. 205² УК РФ, например, В.А. Очередыко⁶⁴⁶.

В зарубежной практике в решении этого вопроса также наблюдаются разные подходы. Так, практика Верховного Суда Испании свидетельствует о том, что состав публичного оправдания и восхваления террористических преступлений или лиц, их совершивших, не требует личного создания сообщения, принятия чужого сообщения в качестве собственного или снабжения его своей аргументацией, достаточно, чтобы тем

---

⁶⁴³ Специалист, осуществивший перевод (врач по специальности, носитель арабского языка), дал показания, что «дословно фраза «*MashaAllAh*» означает «Что пожелал Аллах», в переводе на русский язык – это выражение удивления, когда лицу что-то понравилось, то есть в прямом смысле перевода «Очень хорошо (молодцы)»: Допрос специалиста от 23 мая 2018 г. // Архив 2-го Западного окружного военного суда. Уголовное дело №2-73/2018. Т. 1, л.д. 232-232

⁶⁴⁴ Заключение эксперта № 1473/3-1 от 15.12.2017 // Архив 2-го Западного окружного военного суда. Уголовное дело №2-73/2018. Т. 2, л.д. 120-134; Приговор Московского окружного военного суда от 15.08.2018 // Архив 2-го Западного окружного военного суда. Уголовное дело №2-73/2018.

⁶⁴⁵ Кунов И.М. Проблемные вопросы квалификации оправдания терроризма // Уголовная политика и культура противодействия преступности: Материалы научно-практической конференции. Краснодар, 2016. С. 209-210.

⁶⁴⁶ Очередыко В.А. Уголовно-правовое значение прикосновенности к преступлению: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2020. С. 151-152.

или иным способом лицо предоставляло к нему доступ и рекламировало его, распространяя сообщение среди множества людей⁶⁴⁷. Вместе с тем нельзя исключать, что такой подход на сегодняшний день вступает в противоречие с позднее высказанной Конституционным Судом Испании позицией о необходимости устанавливать коммуникативное намерение при публикации сообщения (решение Конституционного Суда Испании по жалобе ампаро Сесара Монтана Лемана)⁶⁴⁸. Другими словами, требуется ответить на вопрос, каково коммуникативное значение самого репоста (ретвита и проч.), согласно принятым в Интернете правилам коммуникации?

В немецком уголовном праве состав одобрения преступных деяний (§ 140 Уголовного уложения ФРГ)⁶⁴⁹, как и уже упоминавшийся состав публичного призыва к совершению преступного деяния, является преступлением, связанным с личным заявлением. Напомним, что, согласно немецкой практике, воспроизведение чужих высказываний как собственных должно недвусмысленно следовать из реплицирующего действия. С этой точки зрения интересен меняющийся подход судов ФРГ. Так, если ранее использование такой функции социальной сети *Facebook*, как «мне нравится» («like»), не рассматривалось ими в качестве свидетельства о принятии заявления в качестве собственного⁶⁵⁰, то на сегодняшний день есть основания полагать, что позиция может измениться⁶⁵¹. В 2022 г. один из немецких судов посчитал, что факт проставления обвиняемым «like» публикации другого пользователя, в которой одобрялось совершенное убийство двух полицейских, может свидетельствовать о «присвоении» чужого высказывания. Это решение, правда, было встречено довольно критически представителями немецкой уголовно-правовой науки⁶⁵².

---

⁶⁴⁷ Такую позицию Верховный Суд Испании высказал, рассматривая жалобу осужденного, который апеллировал к тому, что сделал ретвит чужого сообщения, а значит размещенные им на своей странице изображения и видео не были частью его собственного обращения. (См.: Retweeting a message with a terrorist content // *Terrorism Convictions Monitor*. Issue 32. December 2018. 10/L/2018. P. 38-39).

⁶⁴⁸ Об этом деле см. подробнее: Костылева О.В. Пределы уголовно-правового запрета публичной апологии терроризма: опыт конституционного контроля во Франции и в Испании // *Вестник Московского университета*. Серия 11: Право. 2021. №5. С. 91-92.

⁶⁴⁹ Головненков П.В. Уголовное Уложение Федеративной Республики Германия – *Strafgesetzbuch (StGB)* – Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Potsdam, 2021. С. 250.

⁶⁵⁰ Schulte Ph., Kanz K.-M. Op. cit. S. 31-33.

⁶⁵¹ Возможно, это связано с тем, что до февраля 2016 г. функция «like» не была дифференцированной реакцией, после же указанного времени среди реакций на публикацию, помимо нее, появились иные («супер», «ха-ха», «ух ты», «сочувствую» и «возмутительно»).

⁶⁵² Wann ist "Liken" strafbar? Ein fragwürdiger Beschluss des LG Meiningen / Prof. Dr. Henning Ernst Müller. URL: <https://community.beck.de/2022/08/31/wann-ist-likem-strafbar-ein-fragwuerdiger-beschluss-des-lg-meiningen>

С точки зрения рассматриваемой проблемы обращает на себя внимание аргументация Московского окружного военного суда (ныне 2-ой Западный окружной военный суд), представленная в приговоре по делу Ис-ва. Ис-ев обвинялся в том, что разместил на своей странице в социальной сети «ВКонтакте» *путем репоста* три видеозаписи (в одном оригинальном посте). Во всех трех видеоматериалах содержались высказывания, возбуждающие ненависть и вражду в отношении различных групп, а в одной из них – также высказывания, оправдывающие терроризм. Помимо указанных действий, Ис-ву также вменялось размещение тем же способом еще одного видеоролика и одной аудиозаписи, в которых содержалось возбуждение ненависти или вражды к различным группам.

Вину Ис-ев признал частично, настаивая на том, что он не задумывался о содержании размещенных материалов. Основываясь на «периодичности и количестве размещения материалов», суд пришел к выводу, что Ис-ев «не мог не понимать их экстремистскую и террористическую направленность, как и не знать того, что их опубликование запрещается Правилами пользования сайтом «ВКонтакте»». Суд также учел свидетельские показания, согласно которым сослуживцы подсудимого не раз интересовались у него, не боится ли он размещать подобные записи, на что последний отвечал, что оснований опасаться чего-либо у него нет. Эти факты, наряду с заключением экспертов, легли в основу вывода суда о совершении инкриминируемых действий с прямым умыслом и целью возбудить ненависть и вражду в отношении определенных групп, а также **с целью** оправдания терроризма⁶⁵³.

Обратим внимание на установленную судом цель оправдания терроризма. Несмотря на то, что суд не раскрывает, что он имеет в виду под указанной целью, предполагаем, что это может означать следующее. Суд признал доказанным, что Ис-ев желал таким размещением чужого сообщения заявить о признании терроризма правильным, нуждающимся в поддержке и подражании. Таким образом, суд, вероятно, оценил в качестве заявления не столько содержание оригинальной записи, сколько действия пользователя по ее копированию. Размещением репоста лицо заявляет о том, что разделяет оправдывающие терроризм высказывания. Полагаем, что, указывая на цель

---

⁶⁵³ Приговор Московского окружного военного суда от 25.01.2018 по уголовному делу №2-3/2018 // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

оправдания терроризма, суд устанавливает не только осознание лицом коммуникативной направленности публикуемой информации, но и желание идентифицировать себя с соответствующим заявлением, то есть фактически лично, от своего имени оправдать терроризм.

Как уже указывалось, однозначно ответить на вопрос, может ли восприниматься внешним наблюдателем распространение чужого заявления путем репоста как его одобрение и поддержка, вряд ли возможно. Отметим, что есть основания полагать, что большинство пользователей социальных сетей чаще всего воспринимают осуществляемые ими репосты как одобрение, согласие с идеями, передаваемыми в копируемом сообщении, а потому, если они руководствуются иными намерениями, они делают это очевидным для других, оставляя свои личные комментарии к оригинальной записи. Это связано с тем, что обычно люди стремятся к успешной коммуникации, то есть желают быть правильно понятыми, а потому посчитают необходимым отменить более привычный смысл (значение) репоста, заменив его на иной путем добавления комментария.

Полагаем, что понимание репоста как его одобрение и поддержка может быть более вероятным в тех случаях, когда содержание публикуемого материала в целом имеет единую коммуникативную направленность – например, публикация короткой заметки, в которой оправдывается совершенный террористический акт.

Сложнее установить одобрение чужого заявления, содержащего оправдание терроризма, в случаях, когда, например, осуществляется публикация интервью с лицом, осуществлявшим или осуществляющим террористическую деятельность, в котором оно, среди прочего, оправдывает совершенные им преступления. В этих случаях, разнородная информация, содержащаяся в материале, затрудняет установление отношения к ней лица, если публикация не сопровождается какими-либо личными уточняющими комментариями или не находится в черед других, имеющих ту же коммуникативную направленность. Наличие одобряющего чужой пост комментария может не потребоваться в ситуации, когда на странице пользователя размещены иные публикации подобного содержания, или, например, когда статус или фото профиля страницы в социальной сети «сигнализирует» внешнему наблюдателю об определенных взглядах пользователя.

Например, Бес-ов разместил на своей личной странице в социальной сети 20 материалов, автором которых он не являлся, среди них – видеозапись интервью Ш. Басаева, в которой он в том числе оправдывал совершенный в Беслане захват заложников. Эксперт-лингвист и эксперт-психолог в своем заключении указали: «Автор (а соответственно и публикатор Бес-ов) демонстрирует свое позитивное отношение, солидаризацию с идеями Ш. Басаева, т.к. не выражает иную точку зрения (его комментарии отсутствуют)»⁶⁵⁴. Не соглашаясь с такой априорной установкой, тем не менее отметим, что выявленное экспертами положительное отношение Бес-ва к словам Ш. Басаева и оправданию совершенного в Беслане преступления могло бы быть выведено из общего контекста всей личной страницы Бес-ва в социальной сети, на которой были размещены также другие материалы (один из них, в частности, был озаглавлен как «Шамиль Басаев – Цитаты великих террористов»), которые содержали сообщения, «оправдывающие идеологию насилия, то есть практику терроризма»⁶⁵⁵.

Таким образом, объективная сторона публичного оправдания терроризма заключается в распространении среди неопределенного круга лиц информации или материалов, содержащих заявление, объективным смыслом которого является убеждение адресата в том, что террористическая деятельность, являясь дозволенным, допустимым поведением, может и должна воспроизводиться.

В связи с отмеченным возникает закономерный вопрос, в чем состоят **различия между публичными призывами к осуществлению террористической деятельности и публичным оправданием терроризма?** Ведь публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма нуждающимися в поддержке и подражании должно, как указывают эксперты, «классифицироваться лингвистическими средствами в качестве призыва к деятельности»⁶⁵⁶. Это особенно очевидно в случаях, когда коммуникативной целью речевого акта оправдания признается информирование адресата о том, как он должен действовать⁶⁵⁷.

---

⁶⁵⁴ Заключение экспертов № 728; 729/1-1 от 08.09.2016 // Архив 2-го Западного окружного военного суда. Уголовное дело № 2-97/2016. Т. 2, л.д. 210-227.

⁶⁵⁵ Приговор Московского окружного военного суда от 07.11.2016 по уголовному делу № 2-97/2016 // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

⁶⁵⁶ Голиков Л.М. Оправдание терроризма как речевое действие (на материале джихадистского текста): учебное пособие. Вологда, 2018. С. 9.

⁶⁵⁷ Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Указ. соч. С. 227-228; Радбиль Т.Б. Указ. соч. С. 237.

Тем не менее с точки зрения уголовно-правовой квалификации призыв предполагает ясно выраженное в сообщении намерение лица побудить других к преступному поведению. В случае же оправдания терроризма заявление лишено выраженного побудительного характера⁶⁵⁸, в связи с чем оно не может рассматриваться как призыв.

Как представляется, именно это имел в виду Пленум ВС РФ, давая следующее разъяснение: «... статьей 280 УК РФ предусмотрена ответственность лишь за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. Публичное распространение информации, в которой обосновывается необходимость совершения противоправных действий ... либо информации, оправдывающей такую деятельность, следует квалифицировать по статье 282 УК РФ при наличии иных признаков этого состава преступления»⁶⁵⁹.

Вместе с тем удачным назвать это разъяснение все же нельзя. Так, П.С. Яни справедливо опасается, что «высказывания, утверждающие необходимость совершения противоправных действий, и призывы к таким действиям правоприменитель различить ... не сможет, поскольку фактически это описание одних и тех же действий»⁶⁶⁰. Представляется, что причиной противоречивого характера рассматриваемых указаний Пленума Верховного Суда РФ является то, что оно игнорирует контекст, акцентируя внимание лишь на значении слов (информации). В одном контексте обоснование необходимости действовать сможет рассматриваться как призыв, в другом – нет.

С учетом предложенного в работе понимания оправдания терроризма как оправдания конкретных совершенных (совершаемых) преступлений террористической направленности, а также организаций или лиц, причастных к их совершению, полагаем, что оправдание терроризма, являясь оценкой фактически совершенных или совершаемых преступлений, тем не менее по своему объективному смыслу обращено в будущее, поскольку предполагает убеждение других в том, что террористическая деятельность соответствует норме, то есть может, а при необходимости и должна воспроизводиться.

---

⁶⁵⁸ О «ярко выраженном», «прямом побудительном характере» призывов применительно к составу преступления, предусмотренному ст. 280 УК РФ, пишет А.А. Кунашев (см.: Кунашев А.А. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности: проблемы квалификации и отграничения от смежных и конкурирующих составов // Уголовное право. 2023. №2. С. 26, 30).

⁶⁵⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», п. 5 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁶⁰ Яни П.С. Квалификация преступлений экстремистской направленности // Российская юстиция. 2011. № 10 // СПС «КонсультантПлюс».

Вместе с тем в распространяемом обращении в этом случае (в отличие от публичных призывов) отсутствует прямое (явно выраженное) побуждение других лиц к осуществлению террористической деятельности.

Если в обращении явно выражено намерение лица побудить других к совершению преступления (преступлений) террористической направленности, в том числе сопровождаемое оправданием конкретных совершенных или совершаемых преступлений, такие действия должны квалифицироваться как публичные призывы к осуществлению террористической деятельности.

Представляется неверной встречающаяся в следственно-судебной практике квалификация деяния по ст. 205² УК РФ с одновременным вменением публичных призывов к осуществлению террористической деятельности и публичного оправдания терроризма в случаях, когда побуждение к совершению преступных деяний сопровождается обоснованием правильности, допустимости или необходимости их совершения.

Так, Наж-ов был признан виновным в публичных призывах к осуществлению террористической деятельности и публичном оправдании терроризма за размещение на канале интернет-рации аудиобращения, в котором обвиняемый неоднократно убеждал пользователей указанного ресурса оказывать финансовую помощь джихаду, связавшись с указанным им лицом для получения номера киви-кошелька⁶⁶¹. При этом Наж-ов объяснял, почему эти действия являются необходимыми. В заключении экспертов указывалось: «автор считает, что оказывать финансовую помощь террористам – это хорошо, т.е. он одобряет совершение указанного действия»⁶⁶².

Подобная квалификация имела место и в деле Мещ-ва, который был признан виновным в размещении аудио-файлов, которые «содержали призывы к насильственным действиям в форме воинствующего джихада, основанным на межрелигиозной неприязни, оправдание религиозными идеями совершение насильственных действий в отношении не мусульман, вплоть до их уничтожения»⁶⁶³.

---

⁶⁶¹ Приговор Московского окружного военного суда от 20.09.2018 по уголовному делу № 2-95/2018 // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

⁶⁶² Заключение экспертов от 9 апреля 2018 г. № 8/6-1965 // Архив 2-го Западного окружного военного суда. Уголовное дело № 2-95/2018. Т. 2, л.д. 41-60.

⁶⁶³ Приговор Московского окружного военного суда от 01.08.2018 по уголовному делу № 2-68/2018. Такая же квалификация была дана и по другим изученным уголовным делам: Приговор Московского окружного военного

Характеризуя субъективную сторону публичного оправдания терроризма, напомним, что умысел при совершении этого преступного действия в специальной литературе чаще всего описывают следующим образом: «виновный осознает общественную опасность своего деяния и желает выполнить публичное оправдание терроризма»⁶⁶⁴.

В судебных актах также можно увидеть схожие формулировки, игнорирующие волевой элемент умысла, как он описан в ст. 25 УК РФ⁶⁶⁵. Суды исходят из того, что для доказывания умышленного характера рассматриваемого деяния достаточно установить, что лицо осознает, что публично распространяет, то есть делает доступным для неопределенного круга лиц информацию или материал определенного содержания. Подчеркнем и то, что это содержание чаще всего отождествляется с «лингвистическими и психологическими признаками оправдания терроризма», которые выявлены судебными экспертами в том или ином продукте речевой деятельности. Такие формулировки, на наш взгляд, не раскрывают, в чем же заключается осознание общественной опасности таких деяний, поскольку вина не может связываться лишь с осознанием наличия в публично распространяемом сообщении определенных лингвистических конструкций.

Вряд ли это затруднение преодолевается указанием в обвинительных приговорах на то, что целью действий лица являлось оправдание терроризма⁶⁶⁶. Указание на цель оправдания терроризма (цель признать идеологию и практику терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании) фактически отражает лишь тот факт, что обвиняемый желал совершить соответствующие действия – публично распространить заявление, оправдывающее терроризм, в том числе идентифицировать себя с ним, если он не являлся автором размещаемых материалов. Другими словами, речь идет о том, что

суда от 27.03.2018 по уголовному делу № 2-26/2018; Приговор Московского окружного военного суда от 22.03.2018 по уголовному делу № 2-41/2018 // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

⁶⁶⁴ Преступления террористической направленности: вопросы квалификации: учебное пособие / И.Р. Диваева [и др.]. Уфа, 2015. С. 17. См. также: Багмет А.М., Бычков В.В. Квалификация преступления террористического характера: учеб пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». М., 2018. С. 80.

⁶⁶⁵ Приговор Московского окружного военного суда от 06.08.2018 по уголовному делу № 2-67/2018; Приговор от Московского окружного военного суда 01.08.2018 по уголовному делу № 2-68/2018; Приговор от Московского окружного военного суда 01.03.2018 по уголовному делу № 2-21/2018; Приговор от Московского окружного военного суда 06.07.2018 по уголовному делу № 2-57/2018 // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

⁶⁶⁶ Приговор Московского окружного военного суда от 26.10.2016 по уголовному делу № 2-77/2016; Приговор Московского окружного военного суда 11.01.2018 по уголовному делу № 2-2/2018; Приговор Московского окружного военного суда от 15.08.2018 по уголовному делу № 2-73/2018; Приговор Московского окружного военного суда от 30.10.2018 по уголовному делу № 2-106/2018 // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

обвиняемые желали сделать публичными свои взгляды, распространяя их среди неограниченного круга лиц.

Так, по одному из уголовных дел обвиняемый дал показания, что он своим «комментарием хотел сообщить всем, что поддерживает и признает идеологию и практику осуществления вооруженной борьбы против неверных ... а также идеологию установления Халифата на территории Сирии и Ирака»⁶⁶⁷.

В деле Д-ва суд, «исходя из содержания выкладываемых Д-ым текстов, уровня его образования, социального положения его семьи, условий его жизни и воспитания, круга общения и информированности о происходящих в мире событиях», пришел к выводу, что Д-ов «понимал содержание выкладываемых им сообщений, разделял приведенные им доводы и намеренно желал ознакомления с ними иных пользователей сети «Интернет», осознавая преступность своих действий»⁶⁶⁸. Суд подчеркнул, что из размещенных Д-ым текстовых сообщений и содержания материалов, под которыми они были оставлены, «очевидно усматривается его поддержка агрессивного поведения членов МТО «ИГИЛ», в том числе связанного с физическим устранением лиц, не разделяющих взгляды указанной организации, что свидетельствует об умышленности его действий, связанных с оправданием идей терроризма».

Вместе с тем, поскольку общественная опасность публичного оправдания терроризма обуславливается не формальным нарушением установленного уголовным законом запрета на совершение определенных действий, а создаваемой ими опасностью совершения другими лицами преступлений террористической направленности, лицо должно предвидеть возможность наступления указанного общественно опасного последствия и иметь волевое к нему отношение, характерное для умысла.

В первой главе настоящей работы опасность совершения преступлений террористической направленности при публичном оправдании терроризма связывается с оказанием влияния на мировоззрение, взгляды других лиц. В связи с этим необходимо отметить, что некоторые специалисты предполагают, что оправданию терроризма присуща особая цель – оправдать совершение преступлений террористической

---

⁶⁶⁷ Обвинительное заключение по обвинению Кур-ва Н.С. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205² УК РФ // Архив 2-го Западного окружного военного суда. Уголовное дело № 2-73/2018. Т.2, л.д. 184.

⁶⁶⁸ Приговор Московского окружного военного суда от 14.09.2018 по уголовному делу № 2-90/2018 // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

направленности у неопределенного круга лиц⁶⁶⁹. А.Г. Хлебушкин отмечает наличие у рассматриваемого деяния «четкой целевой установки» – формирование у других людей отношения к террористической практике как к допустимой, нужной, целесообразной и даже необходимой⁶⁷⁰. На наш взгляд, подобная цель может выполнять важную функцию, ограничивая вину в публичном оправдании терроризма прямым умыслом, что нужно признать обоснованным. Указание на цель сформировать у других лиц убеждение в том, что практика и идеология терроризма являются правильными, заслуживающими поддержки и подражания, можно встретить и в судебных актах российских судов.

Так в обвинительном приговоре по делу Кол-ва указывается, что подсудимый в публичном оправдании терроризма действовал «с целью формирования у пользователей информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» мнения о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании»⁶⁷¹. Та же цель была установлена и в ряде других изученных уголовных дел⁶⁷².

В деле Г-вой подсудимая настаивала на том, что сделала репост с целью обсудить объективность и правдивость содержащейся в текстах информации. Тем не менее суд посчитал установленным, что она действовала «с целью признания неопределенно широким кругом лиц идеологии и практики воздействия на принятие решения органами государственной власти, связанным с устрашением населения и иными формами противоправных насильственных действий»⁶⁷³, а также в целях распространения материалов и информации, оправдывающей необходимость осуществления такой деятельности»⁶⁷⁴. Указанные судом цели, на наш взгляд, призваны подчеркнуть, что Г-ва

---

⁶⁶⁹ Шевченко И.В. Уголовная ответственность за террористическую деятельность. М., 2011. С. 101-102.

⁶⁷⁰ Хлебушкин А.Г. Квалификация публичных призывов к осуществлению террористической деятельности и публичного оправдания терроризма (ст. 205.2 УК РФ) // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 06–07 июня 2019 года. СПб., 2019. С. 221.

⁶⁷¹ Приговор Московского окружного военного суда от 17.04.2018 по уголовному делу № 2-39/2018 // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

⁶⁷² Приговор Московского окружного военного суда от 13.03.2018 по уголовному делу № 2-23-2018; Приговор Московского окружного военного суда от 21.05.2018 по уголовному делу № 2-46/2018 // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

⁶⁷³ По всей видимости, суд имеет в виду признание такой идеологии и практики правильными, нуждающимися в поддержке и подражании, хотя этих слов в приговоре не содержится.

⁶⁷⁴ Приговор Московского окружного военного суда от 18.08.2016 по уголовному делу № 2-63/2016 // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

стремилась к тому, чтобы соответствующие взгляды стали известны неопределенному кругу лиц с тем, чтобы они начали их разделять.

Кроме того, в научных исследованиях можно встретить мнение, согласно которому публичному оправданию терроризма присуща аналогичная публичным призывам цель – побудить других лиц к совершению преступления террористической направленности⁶⁷⁵. Очевидно, что такая позиция основана на определении публичного подстрекательства в Варшавской конвенции. Согласимся с тем, что окончательно разрешить вопрос об этой цели как признаке публичного оправдания терроризма можно, только если указанная цель найдет отражение в ст. 205² УК РФ, как предлагалось З.А. Шибзуховым⁶⁷⁶. Тем не менее, полагаем, что цель побудить других лиц к осуществлению террористической деятельности может выступать в качестве альтернативной в публичном оправдании терроризма. Это не влечет неразрешимой конкуренции между публичными призывами и публичным оправданием терроризма, поскольку они разграничиваются прежде всего по содержанию распространяемого сообщения.

Таким образом, субъективная сторона публичного оправдания терроризма предполагает, что лицо осознает общественную опасность совершаемого действия, что означает осознание им фактического характера и социальной значимости своего поведения, предвидит неизбежность или возможность создания опасности совершения преступлений террористической направленности другими лицами в результате совершенного им оправдания терроризма и желает наступления указанного последствия, имея целью сформировать у других лиц представление о допустимости или необходимости осуществления террористической деятельности или побудить их к осуществлению такой деятельности.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы.

Объективная сторона публичного оправдания терроризма заключается в распространении среди неопределенного круга лиц информации или материалов, содержащих заявление, объективным смыслом которого является убеждение адресатов в

---

⁶⁷⁵ Преступления террористической направленности: сравнительные аспекты: учебное пособие; под ред. И.А. Анисимовой, В.А. Мазурова. Барнаул, 2021. С. 101; Шибзухов З.А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 106-107.

⁶⁷⁶ Шибзухов З.А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 108.

том, что террористическая деятельность, являясь дозволенным, допустимым поведением, может и должна воспроизводиться. При этом следует ограничить содержание распространяемого заявления оправданием конкретных совершенных (совершаемых) преступлений террористической направленности, в том числе посредством оправдания лиц или организаций, причастных к их совершению (как будет показано в следующем параграфе, такое ограничение служит целям разграничения публичного оправдания терроризма и публичной пропаганды терроризма).

Публичное оправдание терроризма, как и публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, считаем возможным рассматривать как преступное деяние, связанное с личным заявлением виновного.

Субъективная сторона публичного оправдания терроризма предполагает, что лицо осознает общественную опасность совершаемого действия, что означает осознание им фактического характера и социальной значимости своего поведения, предвидит неизбежность или возможность создания опасности совершения преступлений террористической направленности другими лицами в результате совершенного им оправдания терроризма и желает наступления указанного последствия, имея целью сформировать у других лиц представление о допустимости или необходимости осуществления террористической деятельности или побудить их к осуществлению такой деятельности.

Оправдание терроризма, являясь оценкой фактически совершенных или совершаемых преступлений, по своему объективному смыслу обращено в будущее, поскольку предполагает убеждение других в том, что террористическая деятельность соответствует норме, то есть может, а при необходимости и должна воспроизводиться. Вместе с тем в распространяемом обращении в этом случае отсутствует прямое (явно выраженное) побуждение других лиц к осуществлению террористической деятельности, что отличает публичное оправдание терроризма от публичных призывов к осуществлению террористической деятельности.

§ 3.4. Пропаганда терроризма

Согласно примечанию 1¹ к ст. 205² УК РФ «под пропагандой терроризма понимается деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на

формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности». Таким образом, речь идет о формировании у адресата определенных установок, мнений, взглядов, мировоззрения.

В схожем ключе суть пропаганды раскрывается и в теоретических исследованиях. Так, В.А. Бурковская определяет пропаганду как «целенаправленное информационное манипулятивное воздействие одной группы населения или отдельного человека на чувства, эмоции другой группы населения или отдельного человека с целью формирования или изменения у последних существующих мнений, отношений, установок, поведения в целом»⁶⁷⁷. С.Н. Фридинский применительно к пропаганде экстремизма также указывает на то, что ее основной целью «является формирование негативного мировоззрения у масс, культивирование экстремистской идеологии»⁶⁷⁸. С.В. Борисов под пропагандой экстремистской деятельности предлагает понимать «распространение в обществе и разъяснение воззрений, идей, знаний, учений, обосновывающих целесообразность и (или) необходимость совершения деяний, относящихся к экстремизму»⁶⁷⁹.

Исходя из ранее сформулированного определения идеологии терроризма, пропаганда терроризма может пониматься как распространение информации и (или) материалов, в которых на основе той или иной системы убеждений легитимизируется осуществление террористической деятельности и которые направлены на принятие указанной системы убеждений другими лицами, на формирование у них представления о допустимости осуществления террористической деятельности. Отметим, что речь в данном случае идет об объективном смысле, содержании информации и (или) материалов, а не о целях или мотивах распространяющего их лица.

Подчеркнем, неотъемлемой чертой идеологии терроризма является положение о допустимости реализации практики терроризма, поэтому распространяемая информация должна содержать не только изложение той или иной системы убеждений, обосновывающих определенный взгляд на реальное и желаемое положение дел в

---

⁶⁷⁷ Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2006. С. 275.

⁶⁷⁸ Фридинский С.Н. Указ. соч. С. 146.

⁶⁷⁹ Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2012. С. 432.

обществе и (или) мире, но и утверждение о допустимости осуществления террористической деятельности для достижения последнего.

Законодательное определение пропаганды терроризма с этой точки зрения может показаться избыточным, поскольку содержит указание на формирование у других лиц не только «идеологии терроризма, убеждения в ее привлекательности», но и «представления о допустимости осуществления террористической деятельности». Вместе с тем можно предполагать, что такое законодательное решение основано на том, что пропаганда терроризма не обязательно должна быть связана с изложением определенной идеологии, но достаточно распространения любого сообщения, направленного на убеждение других лиц в допустимости осуществления террористической деятельности.

Отмечается, что введение в уголовный закон термина «пропаганда» предполагает учет его смыслового значения, приводимого учеными-лингвистами⁶⁸⁰. Правда, как полагают сами лингвисты, лингвистическое определение пропаганды основывается во многом на интуитивном ее понимании. Они указывают на языковую неоднозначность слова «пропаганда», отказываясь говорить о нем, как о термине (то есть слове, обозначающем строго определенное понятие), а также отмечают имеющиеся «различия в культурно-исторической трактовке и, как следствие, в академической концептуализации понятия пропаганды»⁶⁸¹.

При анализе понятия «пропаганда» лингвистами отмечается, что коммуникативной целью пропаганды является выражение положительной оценки предмета речи и убеждение адресата в необходимости поддержать, разделить эту позицию. А.Н. Баранов и П.Б. Паршин указывают, что коммуникативное намерение, которым характеризуется пропаганда, выражается в «стремлении внедрить в сознание адресата речи представление о некотором положении дел или его теоретическую рефлексию, что сопровождается их позитивной оценкой и негативной оценкой альтернатив»⁶⁸².

Эксперт-лингвист Е.В. Щенникова подчеркивает, что выражение позитивного отношения к социально порицаемым идеям или какому-либо предмету не является пропагандой (в лингвистическом ее понимании), пока не установлена цель убедить

---

⁶⁸⁰ Там же. С. 432.

⁶⁸¹ Баранов А.Н., Паршин П.Б. Категория пропаганды в лингвистической экспертизе текста // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. № 2. С. 54.

⁶⁸² Там же. С. 62.

адресата в актуальности для него подобных взглядов⁶⁸³. Раскрывая лингвистические признаки пропаганды, Т.Б. Радбиль отмечает, что речевой акт пропаганды, будучи основанным на иллюкативной цели «убеждение», предполагает обоснование, которое характеризуется наличием рациональной аргументации, апелляции к авторитетам, демонстрацией важности, полезности каких-либо действий на конкретных примерах и проч.⁶⁸⁴.

Отмеченные особенности *речевого акта* пропаганды, как представляется, являются важными для правильного уяснения и *правового значения* понятия пропаганды. Пропаганда терроризма всегда связана с распространением информации (в том числе содержащейся в материалах), которая направлена на убеждение других лиц в допустимости или необходимости осуществления террористической деятельности.

При установлении коммуникативной цели убеждения необходимо исходить не только из лингвистических (например, содержится ли в тексте аргументация, есть ли признаки эксплицитного выражения цели убеждения и проч.), но и экстралингвистических факторов (с какой коммуникативной ситуацией мы имеем дело, кто является субъектами общения, какие между ними отношения и др.)⁶⁸⁵.

В деле Хадзиева Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ исключила из обвинения в пропаганде терроризма эпизод в отношении А., поскольку было установлено, что последний имел «ярко выраженную систему взглядов и идей террористической направленности» еще до начала общения с Хадзиевым. Истолковывая примечание 1¹ к ст. 205² УК РФ, суд отметил, что описанные в нем действия направлены на лиц, у которых соответствующая идеология еще не сформирована, а потому А. не мог являться «участником данных правоотношений»⁶⁸⁶. Фактически отсутствие состава пропаганды терроризма в действиях Хадзиева в отношении А. судом увязывается с отсутствием надлежащего адресата информации. На самом же деле это означает то, что коммуникативное намерение Хадзиева в переписке с А. не соответствовало с

---

⁶⁸³ Щенникова Е.В. Когда любовь преследуется по закону? (лингвистический аспект пропаганды) // Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы: сборник научных работ по итогам Международной научной конференции «Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы» (Москва, 1–2 октября 2019 г.). М., 2019. С. 246–247.

⁶⁸⁴ Радбиль Т.Б. Указ. соч. С. 237.

⁶⁸⁵ Щенникова Е.В. Указ. соч. С. 246–247.

⁶⁸⁶ Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 03.09.2019 № 201-АПУ19-36 // Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2019) // БВС РФ. 2019. № 4.

лингвистической точки зрения речевому акту пропаганды: ведь, как установил суд, именно А. побуждал Хадзиева к преступным действиям, именно под воздействием А. у обвиняемого Хадзиева сформировалась идеология радикального ислама⁶⁸⁷.

Анализируя **субъективную сторону** пропаганды терроризма, напомним, что, на взгляд специалистов, указанное деяние характеризуется прямым умыслом: «виновный осознает общественную опасность своих действий и желает их выполнить»⁶⁸⁸. В одном из судебных актов Верховного Суда РФ подчеркивалось, что общественная опасность рассматриваемого деяния заключается «в возможности изменения мировоззрения лиц, на которых направлена пропаганда терроризма»⁶⁸⁹. Тем не менее, полагаем, что само по себе изменение мировоззрения не может рассматриваться в качестве общественно опасного последствия, обосновывающего криминализацию – им может являться, как уже указывалось, создание опасности совершения преступлений террористической направленности другими лицами.

Российский правоприменитель, устанавливая субъективную сторону пропаганды терроризма, исходит из того, что она характеризуется умыслом, содержанием которого является осознание лицом фактического содержания публикуемой информации.

Так, в деле Мусаева, разместившего видео, в котором двое детей на фоне флага ИГИЛ, высказывая угрозы в адрес России, выстрелили в голову стоявшим на коленях мужчинам, Судебная коллегия Верховного Суда РФ посчитала, что отрицательное отношение осужденного, даже если оно имело место, к происходящему в видеоролике не влияет на квалификацию. Умысел Мусаева подтверждается, по мнению суда, формой и содержанием опубликованного материала и осознанием его террористической направленности⁶⁹⁰. Кассационная инстанция указала, что нижестоящие суды «обоснованно пришли к выводу о наличии в действиях Мусаева умышленной вины», что ими была дана правильная оценка доводам, согласно которым «инкриминируемое ему деяние он совершил неумышленно»⁶⁹¹.

---

⁶⁸⁷ Там же.

⁶⁸⁸ Кунашев А.А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: уголовно-правовой анализ и вопросы квалификации // Уголовное право. 2018. № 6. С. 88; Москалев Г.Л. Указ. соч. С. 84-85.

⁶⁸⁹ Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 03.09.2019 № 201-АПУ19-36.

⁶⁹⁰ Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 26.10.2021 № 222-УД21-39-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁹¹ Там же.

В связи с аргументацией Судебной коллегии зададимся вопросом, изменилась бы ее позиция, если бы отрицательное отношение Мусаева к происходящему на видеозаписи было зафиксировано в сопутствующем публикации комментарии подсудимого? С одной стороны, коммуникативная направленность информации в размещенной видеозаписи осталась бы той же – материал по-прежнему бы имел то же содержание. С другой, – отрицательный, критический комментарий мог бы придать иной смысл публикации **в целом**. В таком случае речь должна была бы идти об отсутствии объективной стороны пропаганды терроризма, поскольку коммуникативная направленность публикации – материала и комментария к нему – не состояла бы в убеждении других лиц в допустимости осуществления террористической деятельности.

При уяснении признаков состава пропаганды терроризма возникает вопрос, не является ли признаком субъективной стороны пропаганды цель формирования у адресата соответствующих идеологии и представлений? Так, С.И. Бушмин и Г.Л. Москалев отвечают на него положительно⁶⁹², хотя нельзя не отметить, что этот вывод авторы ошибочно делают из определения пропаганды терроризма. Еще раз подчеркнем в этой связи, что содержание (коммуникативная направленность) распространяемой информации не должна отождествляться с целью лица, совершающего описанное в примечании 1¹ к ст. 205² УК РФ деяние.

С одной стороны, законодательное определение пропаганды терроризма действительно дает основания полагать, что психическое отношение лица в целях установления его вины может ограничиваться осознанием факта распространения информации и (или) материалов и их коммуникативной направленности (объективного смысла). Цели и мотивы, не находящие отражение в указанном определении, не являются обязательными признаками рассматриваемого деяния. Пропагандистский характер запрещенной деятельности, таким образом, связан с объективным содержанием распространяемой информации, а не субъективными целями лица. Осознание лицом смысла распространяемой информации дает основания полагать, что указанное лицо осознает общественную опасность ее распространения, предвидя возможность создания

---

⁶⁹² Бушмин С.И., Москалев Г.Л. Комментарий к уголовному законодательству о противодействии террористической и экстремистской деятельности: монография. Красноярск, 2018. С. 44.

опасности осуществления террористической деятельности другими лицами, желая или допуская наступление указанного общественно опасного последствия.

С другой стороны, можно предполагать, что цель как признак пропаганды терроризма не находит отражение в примечании 1¹ к ст. 205² УК РФ, поскольку в нем описываются лишь объективные признаки запрещенного деяния. А потому у правоприменителя остается возможность толковать уголовно-правовой запрет пропаганды терроризма таким образом, что обязательным признаком пропаганды является цель – формирование у других лиц идеологии терроризма или представления о допустимости осуществления террористической деятельности. Системный характер действий, который, по нашему мнению, является признаком пропаганды терроризма, также свидетельствует о правильности именно такого толкования.

Таким образом, субъективная сторона пропаганды терроризма может быть определена следующим образом. Лицо осознает общественную опасность совершаемых действий, что означает осознание им фактического характера и социальной значимости своего поведения, предвидит неизбежность или возможность создания опасности совершения преступлений террористической направленности другими лицами в результате совершенной им пропаганды терроризма и желает наступления указанного последствия, имея цель сформировать у других лиц представление о допустимости осуществления террористической деятельности.

С учетом изложенных ранее авторских позиций, можно выделить следующие **различия между публичными призывами к осуществлению террористической деятельности и публичным оправданием терроризма, с одной стороны, и пропагандой терроризма, – с другой.**

Во-первых, действия при пропаганде терроризма характеризуются системностью. В связи с этим необходимо отметить, что использование множественного числа при описании в ст. 205² УК РФ публичных призывов к осуществлению террористической деятельности не исключает квалификации однократного призыва по указанной норме⁶⁹³. Как объясняет М.Б. Кострова, не существует непреодолимых препятствий к расширению смыслового поля признаков, описанных с использованием синекдохи – стилистического

---

⁶⁹³ Эта позиция поддерживается на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ (см. абз.1 п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»).

приема, основанного на перенесении значения с одного явления на другое по признаку количественного соотношения между ними⁶⁹⁴. Эта позиция, впрочем, оспаривается другими специалистами, которые полагают, что на законодательном уровне должно использоваться понятие «призыв» – только в этом случае возможно привлечение к уголовной ответственности за однократное обращение без создания конфликта с принципом законности⁶⁹⁵.

Во-вторых, пропаганда терроризма, хотя и может быть направлена на неопределенный круг лиц, но публичность не является обязательным ее признаком в отличие от публичных призывов к осуществлению террористической деятельности и публичного оправдания терроризма.

В-третьих, пропаганда терроризма, в отличие от публичных призывов к осуществлению террористической деятельности и публичного оправдания терроризма, не требует явно выраженного одобрения лицом содержания распространяемых им информации или материалов, то есть его личного заявления.

Менее очевидным отличием пропаганды от двух других рассматриваемых форм преступного поведения, предусмотренных в ст. 205² УК РФ, оказывается коммуникативная направленность передаваемых сообщений.

Например, В.Д. Никишин полагает, что пропаганда с языковой точки зрения выступает родовым понятием и может реализовываться через призывы к осуществлению террористической деятельности и оправдание терроризма⁶⁹⁶. В связи с этим в определенной степени понятна, например, позиция Г.Л. Москалева, полагающего, что понятие пропаганды охватывает публичное оправдание терроризма, в силу чего последнее может быть исключено из ст. 205² УК РФ⁶⁹⁷. Д.А. Ковлагина, придерживаясь

---

⁶⁹⁴ Кострова М.Б. Изобразительно-выразительные средства языка в уголовном законе: о допустимости использования // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2004. С. 203, 206-207.

⁶⁹⁵ Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2012. С. 261; Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений. Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. В.Н. Кудрявцева. М., 2007. С. 90-91.

⁶⁹⁶ Никишин В.Д. Теоретические и организационно-правовые аспекты судебной экспертизы материалов религиозного характера экстремистской и террористической деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 121.

⁶⁹⁷ Москалев Г.Л. Указ. соч. С. 83.

схожего мнения, замечает, что пропаганда терроризма «могла бы «поглотить» деяние – оправдание терроризма», если «исключить из ее содержания слово «деятельность»»⁶⁹⁸.

Если придерживаться озвученного подхода, то отличия пропаганды терроризма от двух других рассматриваемых деяний могут приобрести черты, свойственные схожим уголовно-правовым запретам, предусмотренным законодательством некоторых стран.

Так, действующий в Великобритании Закон о терроризме (2006) предусматривает две самостоятельные нормы об ответственности за преступления, связанные с поощрением (*encouragement*) терроризма. Статья 1 Закона («Поощрение терроризма») устанавливает ответственность для тех, кто публикует или побуждает другое лицо опубликовать заявление, которое вероятно будет понято разумным человеком как прямое или косвенное⁶⁹⁹ поощрение или иное побуждение всех или некоторых членов общества, к которым обращено данное заявление, к совершению, подготовке или подстрекательству к актам терроризма или конвенциональным преступлениям. Статья 2 указанного Закона («Распространение террористических публикаций») касается лиц, которые распространяют террористические публикации, то есть материалы, которые содержат указанные выше заявления или могут быть полезны при подготовке или совершении соответствующих преступлений⁷⁰⁰.

В общих чертах соотношение поощрения терроризма и распространения террористических публикаций состоит в следующем. Ответственность за поощрение терроризма (ст. 1) несут авторы соответствующих заявлений и те, кто осуществляет первоначальное их опубликование. Ответственность за распространение террористических публикаций (ст. 2) несут те, кто продолжает распространять уже опубликованные заявления, причем в этом случае, в отличие от состава поощрения терроризма, действия могут и не являться публичными⁷⁰¹.

Например, Г. Степлс был признан виновным по 8 пунктам обвинения в *поощрении терроризма* (ст. 1 Закона о терроризме) в связи с размещением в *Google+* и на *YouTube*

⁶⁹⁸ Ковлагина Д.А. Актуальные проблемы квалификации и применения ст. 205² УК РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Том. 13. № 5. С. 156.

⁶⁹⁹ Указание на косвенное поощрение позволяет охватить указанной нормой прославление и оправдание терроризма.

⁷⁰⁰ Terrorism Act 2006 // URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/11/contents>

⁷⁰¹ Report on the Operation in 2010 of the Terrorism Act 2000 and of Part of Terrorism Act 2006 by David Anderson Q.C. Presented to Parliament pursuant to Section 36 of the Terrorism Act 2006. London, 2011. P. 88 // URL: <https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5a7c1db140f0b61a825d68d8/8210.pdf>

восьми видеороликов, которые представляли собой слайд-шоу, объединяющее фотографии лидеров Аль-Каиды с одобряющими комментариями, нашивы, прославляющие смерть на джихаде, и слайды с текстом, призывающим участвовать в джихаде. Как было доказано, эти видеоролики были созданы самим обвиняемым на его компьютере и опубликованы им на названных выше интернет-ресурсах. Его же признали виновным в *распространении террористической публикации* (ст. 2 Закона о терроризме) за размещение на *YouTube* видео, которое было создано в целях пропаганды ИГИЛ одним из медиа, поддерживающих указанную террористическую организацию⁷⁰².

Похожая ситуация наблюдается и в уголовном законодательстве Нидерландов. Так, в ч. 2 ст. 131 Уголовного кодекса Нидерландов предусмотрена ответственность лиц, которые публично, в устной, письменной форме или с помощью изображений подстрекают другого или других к совершению террористических преступлений, а в ч. 3 ст. 132 – тех, кто распространяет, публично демонстрирует или размещает письменные материалы или изображения, подстрекающие к совершению указанных преступлений⁷⁰³. Анализируя указанные положения, нидерландские специалисты отмечают, что в то время как ст. 131 УК Нидерландов касается в первую очередь авторов подстрекательских заявлений, в ст. 132 криминализируются действия других лиц по распространению материалов, содержащих такие заявления. Кроме того, распространение подстрекательских материалов, хоть и предполагает передачу более чем одного экземпляра более чем одному лицу, но тем не менее, в отличие от подстрекательства, не требует публичности⁷⁰⁴.

Несмотря на имеющиеся отличия, указанные нормы уголовного законодательства Нидерландов тесно связаны друг с другом и подчас неотличимы, что стало очевидным в случаях распространения подстрекательских сообщений в Интернете⁷⁰⁵. Судебная

---

⁷⁰² The Counter-Terrorism Division of the Crown Prosecution Service (CPS) - Successful prosecutions since 2016 // URL: <https://www.cps.gov.uk/crime-info/terrorism/counter-terrorism-division-crown-prosecution-service-cps-successful-prosecutions-2016>

⁷⁰³ European Judicial Training Network. Criminal Code of the Netherlands (unofficial translation in English) // URL: https://www.ejtn.eu/PageFiles/6533/2014%20seminars/Omsenie/WetboekvanStrafrecht_ENG_PV.pdf

Уголовное законодательство Нидерландов не предусматривает ответственность за публичное оправдание или прославление террористических преступлений. Тем не менее, подобные действия могут квалифицироваться по ст. 131, 132 УК Нидерландов, если доказано, что с учетом контекста они оказывают побудительное воздействие, то есть содержат подстрекательство к преступным деяниям. Это связано с тем, что согласно нидерландской судебной практике подстрекательство может быть как прямым, так и косвенным.

⁷⁰⁴ Keiler J. Terrorist Speech and the Criminal Law – A Comparative Analysis // *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*. 2017. № 5. P. 248.

⁷⁰⁵ *Ibid.* P. 251.

практика столкнулась со сложным для нее вопросом квалификации ретвитов, содержащих подстрекательство. В итоге был выработан следующий подход: поскольку сам по себе ретвит не является одобрением оригинального сообщения⁷⁰⁶, он не может преследоваться в соответствии со ст. 131 УК Нидерландов, однако подобные действия могут подпадать под ст. 132 УК Нидерландов. Вместе с тем, если из комментария обвиняемого к ретвиту следует, что он присоединяется к его содержанию, или если ретвит соответствует серии сообщений аналогичного характера самого обвиняемого в течение определенного периода, то такое действие может быть признано публичным подстрекательством в соответствии со ст. 131 УК Нидерландов⁷⁰⁷. При этом, например, транслирование в радиоэфире без каких-либо оговорок чужого выступления, содержащего подстрекательство к преступному деянию, составляет подстрекательство, поскольку это «гораздо больше, чем ретвит или размещение гиперссылки, по поводу которых нельзя уверенно утверждать, что разместивший одобряет передаваемое ими содержание»⁷⁰⁸.

Таким образом, суды Нидерландов видят разницу между двумя рассматриваемыми преступлениями не столько в самом факте происхождения заявления (исходит оно первоначально от обвиняемого или другого лица), сколько в выраженном при передаче сообщения намерении лица вызвать совершение преступных деяний другими лицами. Публичное подстрекательство, согласно судебной практике, предполагает, что преступное поведение одобряется выступающим и представляется им как такое, которому следует подражать. В вышеприведенном деле суд должен был на основе объективных обстоятельств оценить, такой ли вывод разумно сделает воспринимающая ретвит (репост) аудитория⁷⁰⁹?

Возвращаясь к вопросу разграничения пропаганды терроризма и двух других форм преступного поведения, предусмотренного ст. 205² УК РФ, отметим, что еще до введения

---

⁷⁰⁶ Отметим, что это утверждение опиралось на небесспорное само по себе представление о том, что «*RT ≠ endorsement*» (ретвит ≠ поддержка) является официальной политикой Twitter.

⁷⁰⁷ Judgement of District Court of The Hague. Criminal Law Section. 10 December 2015. Para. 11.22. (unofficial translation in English) // URL: <https://uitspraken.rechtspraak.nl/inziendocument?id=ECLI:NL:RBDHA:2015:16102>. При этом в подобных ситуациях деяние может быть квалифицировано по совокупности двух рассматриваемых преступлений. Так, в указанном решении указывается: в случаях, когда суд приходит к выводу о доказанности обвинения в публичном подстрекательстве, он тем самым считает доказанным и состав распространения.

⁷⁰⁸ Ibid, para. 12.39.

⁷⁰⁹ Keiler J. Terrorist Speech and the Criminal Law – A Comparative Analysis // European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice. 2017. Vol. 5. P. 255.

запрета пропаганды терроризма в уголовный закон Д.А. Ковлагиной и И.М. Куновым высказывались предложения по включению в ст. 205² УК РФ указания на такие действия, как распространение материалов, содержащих призывы к осуществлению террористической деятельности либо ее оправдание⁷¹⁰. В таком ключе может пониматься пропаганда терроризма сегодня: это распространение информации или материалов, содержание которых тождественно содержанию распространяемой информации или материалов при призывах к осуществлению террористической деятельности и публичном оправдании терроризма, но при отсутствии явно выраженного одобрения лицом содержания распространяемых материалов, то есть его личного заявления. В этом случае распространение материалов не обязательно должно быть публичным, но вместе с тем должно характеризоваться системностью действий.

Несмотря на понятность и удобство такого подхода, объективно (с учетом законодательного определения пропаганды терроризма) может существовать и другой, согласно которому пропаганда терроризма, как и призывы к осуществлению террористической деятельности и оправдание терроризма, характеризуется особым содержанием передаваемых сообщений.

Так, авторы Методических рекомендаций, подготовленных в РФЦСЭ при Минюсте России, различают призывы и пропаганду постольку, поскольку первые предполагают «убеждение в необходимости *совершить определенные действия*», а вторая – «убеждение в необходимости *принять, учесть точку зрения, взгляды, отношение, изменить мнение*»⁷¹¹. Речевому же акту оправдания, как полагают некоторые специалисты и о чем указывалось выше, может быть и вовсе не свойственна коммуникативная цель убеждения.

На наш взгляд, законодательное определение пропаганды терроризма ясно указывает на то, что распространяемая в его рамках информация по своему содержанию направлена на формирование у лица соответствующих представлений и идеологии. В публичных призывах же всегда выражается намерение лица побудить других к осуществлению террористической деятельности – это, как представляется, не тождественно направленности на формирование идеологии терроризма. Кроме того,

---

⁷¹⁰ Ковлагина Д.А. Информационный терроризм: понятие, уголовно-правовые и иные меры противодействия: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. С. 160; Кунов И.М. Уголовно-правовое противодействие распространению криминогенной информации: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. С. 98.

⁷¹¹ Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Указ. соч. С. 87.

призывать можно тех, у кого соответствующая идеология или представления уже сформированы. Так, представляется, что лаконичный призыв (например, «взрывайте неверных в метро!») не может расцениваться как пропаганда терроризма, поскольку в нем невозможно усмотреть коммуникативное намерение сформировать у адресата идеологию терроризма или убежденность в допустимости осуществления террористической деятельности – такой призыв, скорее, адресован к лицам, уже придерживающихся указанной системы взглядов.

Полагаем, что в случае публичных призывов распространяемая информация содержит более конкретное указание на поведение, которое ожидается от адресатов. Для пропаганды же, которая направлена на формирование у других лиц определенных взглядов, характерно обоснование допустимости и необходимости осуществления террористической деятельности в ее более общей форме.

Так, по одному из уголовных дел в заключении комиссии экспертов указывалось, что в видеозаписи, представленной на экспертизу, имеются лингвистические и психологические признаки «побуждений (призывов) к участию вооруженной борьбе за ислам, однако образ «врага» мусульман не конкретизируется». В материале содержался видеоряд с изображениями вооруженных людей, боевых сцен, знамен с текстом шахады (слова свидетельства веры) на темном фоне, которые используются различными радикальными исламистскими группировками. Диктор за кадром произносил текст на иностранном языке, в это время на экране демонстрировались титры на русском языке. Из них в частности следовало, что произносимый текст – это касыда (стихотворная форма), автор которой Саид Кутб (в заключении экспертов пояснено, что это египетский литератор, идеолог движения «Братья-мусульмане»). Побуждение к террористической деятельности было выявлено экспертами в частности в следующих высказываниях, содержащихся в титрах: «Пожертвуй же душу за эту справедливость!», «Возвысятя кровью мученичества на вечности в Раю!», «Кто же тогда пожертвует душой за честь Уммы? И кто тогда снова возвысит знамя (Ислама)?», «Я буду мстить за Господа и Религию!»⁷¹².

---

⁷¹² Заключение комиссии экспертов (комплексная психолого-политолого-лингвистическо-религиоведческая судебная экспертиза) № 032/18 от 21 февраля 2018 г. // Архив 2-го Западного окружного военного суда. Уголовное дело № 2-29/2018. Т. 2, л.д. 67-81.

Обвиняемый Тур-ов, разместивший указанную видеозапись в социальной сети, был признан виновным в публичных призывах к террористической деятельности, а также в публичном оправдании терроризма⁷¹³, так как в указанной видеозаписи эксперты обнаружили также лингвистические и психологические признаки «оправдания идеологии и практики вооруженной борьбы за ислам, действий исламских боевиков»⁷¹⁴.

Полагаем, что распространение подобных сообщений должно рассматриваться как пропаганда терроризма. Общие призывы к джихаду, вооруженной борьбе или тому подобные сообщения являются пропагандистскими по своему содержанию и отличаются от более конкретных в этом плане призывов.

Например, по другому уголовному делу, действия Хам-ва были расценены судом как публичные призывы к осуществлению террористической деятельности⁷¹⁵. Обвиняемый распространил аудиофайл, в котором говорящий, причисляющий себя к террористической организации «Исламское государство» и находящийся по его собственным словам в Ираке, обращался к адресату в частности со следующим сообщением: «Дорогой брат! Где бы ты не находился, в Англии или в другом месте, встаньте и приезжайте <...> приезжай и присоединяйся к моджахедам»⁷¹⁶.

Сложности разграничения публичных призывов к осуществлению террористической деятельности и пропаганды терроризма можно продемонстрировать на следующем деле. Бог-в признан виновным в публичных призывах к осуществлению террористической деятельности. Обвинение основывалось на размещении им в социальной сети (путем репоста) видеозаписи, в которой содержалось обращение некоего лица, выступающего от имени ячейки признанного экстремистским межрегионального национал-радикального объединения «*Misanthropic Division*». Выразив позицию о том, что при существующем режиме правления людям «становится только хуже», выступающий произнес следующие слова: «мы ... начинаем полноценную борьбу во всех

---

⁷¹³ Приговор Московского окружного военного суда от 16.04.2018 по уголовному делу № 2-29/2018 // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

⁷¹⁴ Заключение комиссии экспертов (комплексная психолого-политолого-лингвистическо-религиоведческая судебная экспертиза) № 032/18 от 21 февраля 2018 г. // Архив 2-го Западного окружного военного суда. Уголовное дело № 2-29/2018. Т. 2, л.д. 67-81.

⁷¹⁵ Приговор Московского окружного военного суда от 16.08.2018 по делу № 2-49/2018 // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

⁷¹⁶ Заключение эксперта № 3/860 от 03.11.2017 // Архив 2-го Западного окружного военного суда. Уголовное дело № 2-49/2018. Т. 4, л.д. 9-31.

направлениях – от агитационной, так и прямого действия. И призываем всех не отчаиваться и брать ситуацию под контроль».

Комплексная психолого-политолого-лингвистическо-религиоведческая экспертиза выявила в видеозаписи «побудительные высказывания» к «прямым действиям», которые могут «принимать самые различные формы – от пассивного сопротивления до террористических актов». На взгляд судебных экспертов, с которыми согласился суд, «контекст обращения ... предполагает, что концепция «прямого действия» организации, от имени которой выступает диктор, включает в себя насильственные методы борьбы за смену власти, изменение государственного строя РФ». Об этом, по мнению экспертов и суда, говорят демонстрация символики организации с изображением автоматов, символа «мертвая голова», наличие оружия у лиц, стоящих за спиной лица, произносящего речь⁷¹⁷.

Следствием и судом действия Бог-ва были расценены как публичные призывы к активному участию в вооруженной борьбе за изменение государственного строя РФ, то есть к осуществлению террористической деятельности. Призыв «брать ситуацию под контроль» был истолкован, таким образом, с учетом непосредственного контекста высказывания – автора обращения, относящего себя к экстремистской организации, и демонстрации оружия во время выступления. Полагаем, что, кроме этого, важно было учесть, к кому обращено это сообщение, для того, чтобы понять, как оно воспринимается адресатом. Если адресатом указанного обращения являются, например, члены указанного экстремистского объединения, то существует больше оснований рассматривать указанные действия как призыв к осуществлению террористической деятельности, а не пропаганду терроризма.

Разрешая вопрос о соотношении пропаганды терроризма и публичного оправдания терроризма, можно упомянуть схожую дискуссию, существующую в судебной практике Турции. Пропаганда терроризма, наказуемая на основании ст. 7 действующего в этой стране Закона о борьбе с терроризмом, совершается путем оправдания или восхваления методов (таких как насилие, принуждение, подавление) террористических организаций или путем поощрения этих методов⁷¹⁸. Уголовный кодекс Турции предусматривает также ответственность за публичные восхваление и оправдание преступлений (ст. 215 УК

---

⁷¹⁷ Обвинительное заключение и приговор Московского окружного военного суда от 08.02.2018 по уголовному делу № 2-13/2018 // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

⁷¹⁸ Cengiz I.F. Op. cit. P. 84.

Турции): под ними понимается принятие, одобрение, поддержка, представление преступлений и лиц, их совершивших, в благоприятном свете⁷¹⁹.

Высший Кассационный Суд Турции – Яргытай, возглавляющий систему судов общей юрисдикции Турции, определяет пропаганду терроризма как «использование любых психологических и материальных инструментов, которые ... влияют на людей с тем, чтобы распространить или укоренить среди них определенные взгляды, идеи и мнения»; использование методов, которые «убеждают, внушают, распространяют определенную идею среди людей и способствуют укоренению определенных идей и представлений»⁷²⁰. И хотя отмечается противоречивость и даже бессистемность судебной практики, Яргытай в ряде своих решений признавал, что в отличие от публичного восхваления и оправдания преступлений, пропаганда характеризуется «намерением распространить идею среди других с тем, чтобы привлечь сторонников в любом месте в любое время», что является, на взгляд отдельных специалистов, ключевым ее признаком⁷²¹. В силу более строгого наказания за пропаганду терроризма, по сравнению с публичным восхвалением преступлений, при наличии соответствующего намерения деяние квалифицируется по ст. 7 Закона о борьбе с терроризмом⁷²².

Такая логика может быть воспринята в рамках российского уголовного права в случае, если будет сохраняться подход, согласно которому в основе публичного оправдания терроризма может лежать заявление, направленное лишь на выражение личного отношения к практике и идеологии терроризма, но не на убеждение адресатов в правильности и актуальности для них подобных взглядов. В таких случаях действия могут квалифицироваться как оправдание терроризма, а при наличии выраженной в высказывании коммуникативной цели убеждения – как пропаганда терроризма.

Если же придерживаться обозначенной в работе позиции, согласно которой публичное оправдание терроризма предполагает распространение заявления, направленного на убеждение адресатов в том, что террористическая деятельность,

---

⁷¹⁹ Ibid. P. 104-105.

⁷²⁰ Ibid. P. 101.

⁷²¹ Ibid. P. 106.

⁷²² Ibid. P. 104. Отметим, что публичный характер, согласно сложившейся турецкой судебной практике, свойственен и пропаганде; хотя публичность в целях ст. 215 УК Турции (Восхваление преступления или лица, его совершившего) понимается широко (может констатироваться и при наличии всего одного слушателя), что нередко критикуется. Кроме того, в 2013 г. ст. 215 УК Турции была дополнена признаком создания явной и непосредственной опасности публичному порядку.

являясь дозволенным, допустимым поведением, может и должна воспроизводиться, следует заключить, что оправдание терроризма в части коммуникативного намерения совпадает с пропагандой терроризма.

В судебной практике допускается, что публикация определенной информации может быть оценена одновременно как публичное оправдание и пропаганда терроризма. Именно так были квалифицированы действия Лукичева, опубликовавшего в интернет-мессенджере *Telegram* текст, касающийся взрыва (теракта) возле здания Управления ФСБ России по Архангельской области. Согласно акту судебной экспертизы в тексте наличествовали лингвистические и психологические признаки оправдания идеологии и практики терроризма, а также формирования убежденности в допустимости осуществления террористического акта для достижения социально-политических целей анархизма⁷²³. Такая же квалификация имела место в уголовном деле по обвинению Пирва в совершении преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ⁷²⁴.

Существующая необходимость ограничивать публичное оправдание терроризма от пропаганды терроризма, совершенной публично, заставляет предложить следующий дополнительный критерий их разграничения. Под оправданием терроризма, как предложено в работе, следует понимать распространение заявлений, в которых оправдывается конкретное совершенное или совершаемое преступление террористической направленности и смыслом которых является убеждение адресатов в том, что террористическая деятельность, являясь дозволенным, допустимым поведением, может и должна воспроизводиться. Пропаганду же терроризма следует рассматривать как распространение информации и (или) материалов, смыслом которых также является убеждение других в допустимости террористической деятельности, но вне связи с оправданием конкретных совершенных или совершаемых преступлений.

Вместе с тем, когда пропаганда осуществляется непублично, она может включать в себя и заявления, содержащие оправдание конкретных совершенных или совершаемых преступлений террористической направленности. Отметим также и следующее. Когда смыслом сообщения, распространяемого непублично, является убеждение адресата в

---

⁷²³ Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 26.06.2019 № 201-АПУ19-22 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷²⁴ Приговор Московского окружного военного суда от 27.03.2018 по уголовному делу № 2-26/2018 // Архив 2-го Западного окружного военного суда.

допустимости осуществления террористической деятельности, действия лица могут квалифицироваться как пропаганда терроризма с предварительным решением вопроса о разграничении пропаганды терроризма с составом вовлечения в осуществление террористической деятельности (ч. 1 и 1¹ ст. 205¹ УК РФ).

Таким образом, полагаем, что одним из критериев (наряду с указанными ранее) разграничения пропаганды терроризма, публичных призывов к осуществлению террористической деятельности и публичного оправдания терроризма может выступать содержание распространяемых при их совершении сообщений.

Тем не менее нужно признать, что окончательное разрешение этого вопроса возможно лишь на законодательном уровне. Любые правоприменительные конструкции будут не лишены изъянов и недостатков, в том числе и предложенные выше. Законодательные дефиниции преступных действий в ст. 205² УК РФ должны предоставить правоприменителю бóльшую определенность относительно решения, в частности, следующих вопросов: каково содержание и коммуникативная направленность распространяемых сообщений в каждой их форм преступного поведения, предусмотренного ст. 205² УК РФ; охватывается ли указанной уголовно-правовой нормой запрет распространения соответствующих сообщений без цели вовлечь других лиц в осуществление террористической деятельности (если нет, то решить вопрос о признании таких действий составом иного правонарушения); характеризуется ли пропаганда терроризма системностью преступных действий?

В заключение настоящего параграфа можно сделать следующие выводы.

Объективная сторона пропаганды терроризма состоит в распространении информации и (или) материалов, содержащих обращение к другим лицам, убеждающее их в допустимости осуществления террористической деятельности, в том числе с изложением той или иной системы идей, обосновывающих определенный взгляд на реальное и желаемое положение дел в тех или иных сферах жизни общества (мира) в целях легитимации указанной деятельности.

Субъективная сторона пропаганды терроризма предполагает, что лицо осознает общественную опасность совершаемых действий, что означает осознание им фактического характера и социальной значимости своего поведения, предвидит неизбежность или возможность создания опасности совершения преступлений

террористической направленности другими лицами в результате совершенной им пропаганды терроризма и желает наступления указанного последствия, имея цель сформировать у других лиц представление о допустимости осуществления террористической деятельности.

Несмотря на то, что окончательное разрешение вопроса разграничения публичных призывов к осуществлению преступной деятельности, публичного оправдания и пропаганды терроризма, позволяющее свести к минимуму число правоприменительных ошибок, возможно лишь на законодательном уровне, можно предложить следующие критерии разграничения указанных преступных действий.

В отличие от публичных призывов к осуществлению террористической деятельности и публичного оправдания терроризма, пропаганда терроризма характеризуется системой действий по распространению информации и (или) материалов; не содержит в качестве обязательного признака публичность распространения информации и (или) материалов; не требует явно выраженного одобрения лицом содержания распространяемых им информации и (или) материалов, то есть его личного обращения (заявления).

Кроме того, разграничивающим критерием может являться содержание распространяемых сообщений:

1) в отличие от публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, которые содержат прямое побуждение других лиц к совершению соответствующих преступлений, при пропаганде терроризма коммуникативная направленность распространяемого сообщения состоит в формировании у адресата идеологии терроризма или убежденности в допустимости осуществления террористической деятельности;

2) в отличие от публичного оправдания терроризма, которое связывается с оправданием конкретных совершенных или совершаемых преступлений террористической направленности, пропаганда терроризма, когда она совершается публично, заключается в распространении информации и (или) материалов, которые по своему смыслу так же, как и оправдание терроризма, состоят в убеждении других лиц в допустимости осуществления террористической деятельности, но вне связи с конкретными совершенными или совершаемыми преступлениями.

Когда смыслом сообщения, распространенного непублично, вне зависимости от указанного выше содержания сообщения, является убеждение адресата в допустимости осуществления террористической деятельности, действия лица могут квалифицироваться как пропаганда терроризма. В этом случае необходимо также разрешать вопрос о разграничении пропаганды терроризма с составом вовлечения в совершение преступления террористической направленности (ч. 1 и 1¹ ст. 205¹ УК РФ).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 205² УК РФ, является неоднородной в том смысле, что она объединяет традиционный для уголовного законодательства многих стран запрет публичных призывов к осуществлению преступной (в данном случае террористической) деятельности и зачастую имеющие лишь «временную прописку» в уголовных законах запреты публичного оправдания и пропаганды преступной деятельности и запрещенных идеологий (в данном случае террористических).

Введение уголовной ответственности за публичное оправдание терроризма около двадцати лет назад было встречено представителями уголовно-правовой науки если не с критикой, то с разумными опасениями, не нарушает ли указанный запрет не только сложившиеся принципы криминализации, но и гарантированную международными и конституционно-правовыми нормами свободу выражения мнения. Оценки нового закона тогда носили перспективный характер, и ответить на вопрос, насколько обоснованы указанные опасения, можно было лишь со временем по мере появления правоприменительной практики.

В определенной степени обоснованными оказались прогнозы, согласно которым широта уголовно-правового запрета и недостаточная определенность законодательных формулировок будут вызывать правоприменительные проблемы. Отсутствие указаний в ст. 205² УК РФ на общественно опасные последствия, неясное содержание субъективной стороны указанного преступления, которое с учетом законодательной формулировки зачастую ограничивается на практике осознанием лицом фактического характера распространяемой информации и ее доступности другим лицам, чрезмерная зависимость решений, принимаемых следственно-судебными органами, от результатов судебных психолого-лингвистических экспертиз в ряде случаев действительно приводят к правоприменительным ошибкам.

Широкие уголовно-правовые запреты публичного оправдания терроризма считаются исключительными, чрезвычайными законодательными мерами, оправдываются их направленностью на связанную с терроризмом деятельность, что облегчает их принятие на уровне национальных правовых порядков. Вместе с тем со временем они институализируются как часть обычной системы уголовного правосудия, диктуют новые подходы к криминализации и становятся в некотором смысле образцом для

разработки будущей уголовной политики⁷²⁵. Во многом это подтверждается немалым числом впоследствии принятых российским законодателем уголовно-правовых норм, запрещающих распространение той или иной информации под угрозой уголовного наказания: введение уголовной ответственности за пропаганду терроризма в этом смысле стало далеко не единственным примером.

Необходимость соблюдения подчас хрупкого баланса между свободой выражения мнения и обеспечением общественной безопасности требует в первую очередь разумного законодательного подхода к конструированию соответствующих уголовно-правовых норм. Разработчики Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма (2005) старались не допустить избыточности уголовно-правового запрета, включив в определение публичного подстрекательства к совершению террористического преступления два требования: намерение подстрекать к такому преступлению и создание угрозы его совершения.

В отсутствие указанных признаков в российском уголовном законе взвешивание конкурирующих конституционно значимых ценностей приходится осуществлять на ином, то есть правоприменительном уровне. При этом нужно признать, что суды, ориентированные в первую очередь на решение вопроса о наличии в действиях обвиняемых признаков состава преступления, оказываются перед непривычной для них необходимостью оценки соразмерности ограничения конституционных прав и свобод. Разрешение этого вопроса серьезно затрудняется тем, что единой непротиворечивой методики оценки пропорциональности такого ограничения не существует. Даже Конституционный Суд РФ испытывает сложности при разрешении этих вопросов, о чем свидетельствует, как отмечают специалисты, тот факт, что в своих решениях он чаще заявляет, а не демонстрирует и доказывает соразмерность или несоразмерность того или иного ограничения⁷²⁶.

Тем не менее Конституционный Суд РФ требует от судов оценивать необходимость и соразмерность вмешательства в свободу выражения мнения при привлечении к

---

⁷²⁵ Stubbs K., Galli G. Inchoate offences. The sanctioning of an act prior to and irrespective of the commission of any harm // EU counter-terrorism offences. What impact on national legislation and case-law? / Edited by F. Galli, A. Weyembergh. Bruxelles, 2012. P. 301-302. О подобном эффекте процесса криминализации автор настоящего диссертационного исследования писала в 2015 г.: Костылева О.В. Криминализация как метод уголовно-правовой политики: теория и практика принятия законодательных решений // Закон. 2015. № 8. С. 60-71.

⁷²⁶ Troitskaya A. The Proportionality Principle in the Jurisprudence of the Russian Constitutional Court // Review of Central and East European Law. 2021. № 2. P. 228.

уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст. 205² УК РФ, а также напоминает, что одного лишь нарушения прав и свобод других лиц недостаточно для того, чтобы привлечь лицо к уголовной ответственности – необходимо, чтобы совершенное деяние представляло общественную опасность. Он ориентирует суды на учет фактических обстоятельств конкретного дела: форму и содержание информации, ее адресатов и целевую направленность, общественно-политический контекст, наличие реальной и серьезной угрозы провоцирования терроризма вследствие содеянного⁷²⁷.

Полезными для российской правоприменительной практики могут стать и правовые позиции, выработанные Европейским Судом по правам человека, в частности следующие:

- спорное высказывание должно оцениваться в целом: не только отдельные слова, фразы, но его и непосредственный, и более широкий контекст;
- оцениваться должно потенциальное воздействие спорного сообщения на состояние безопасности и порядка;
- резкая публичная критика государственной политики, даже переданная враждебным тоном по отношению к национальным властям, сама по себе не может оправдывать ограничения свободы выражения мнения.

Даже если попытки выявить принципиальные для права отличия между речью и действием или обосновать в целом безвредность речи терпят неудачу, основная проблема, подлежащая разрешению при криминализации и привлечении к уголовной ответственности за деяния, в основе которых лежат те или иные высказывания, заключается в необходимости провести границу между речевым поведением, которое в причинном отношении к вредному результату является бездеятельным, и тем, которое носит каузальный характер. Основываться при решении этого вопроса исключительно на содержании высказывания недопустимо хотя бы потому, что уголовно-правовому запрету подлежат не сами по себе речевые акты, лингвистическая характеристика

---

⁷²⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 21.09.2017 № 1797-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дильмухаметова Айрата Ахнафовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 47 и частью первой статьи 205² Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 31.03.2022 № 804-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Прокопьевой Светланы Владимировны на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 205² Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

которых дается в заключениях судебных экспертов, а те действия, которые совершаются посредством таких речевых актов.

Несмотря на то, что общественно опасные последствия, являющиеся связующим звеном между деянием и непосредственным объектом преступления, в диспозиции ст. 205² УК РФ не указаны, суды не могут полностью устраниваться от их установления не только в силу требований п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ и ч. 2 ст. 14 УК РФ, но и потому, что в каждом конкретном случае приходится оценивать, не является ли преследуемое поведение реализацией свободы выражения мнения. Лишь в этом случае указанная свобода будет не только гарантироваться нормами международного и национального права, но и обеспечиваться на правоприменительном уровне.

Криминализация действий, предусмотренных ст. 205² УК РФ, обусловлена прежде всего порождаемой ими угрозой совершения преступлений террористической направленности отдельными лицами или в составе преступных организаций. Публичный же характер, свойственный некоторым из них, в свою очередь предопределяет и то, что в результате все население или определенные его группы теряют уверенность в своей безопасности.

Посягательство на общественную безопасность происходит посредством распространения сообщений, которые способны оказать воздействие на адресатов, мотивируя их если не совершить преступления террористической направленности, то хотя бы воспринять соответствующую идеологию, которая в конечном итоге может стать одним из факторов, способствующих вовлечению в террористическую деятельность.

Распространение информации и (или) материалов, являющееся признаком объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, означает любое расширение круга лиц, которые потенциально могут попасть под воздействие соответствующих сообщений (публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания и пропаганды терроризма), что предполагает, что информация и (или) материалы передаются как неопределенному, так и определенному кругу лиц. В тех случаях, когда речь идет о публичном распространении информации и (или) материалов необходимо установить их адресованность и доступность неопределенному кругу лиц.

Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности предполагают распространение обращения, в котором прямо (явно) выражено намерение виновного побудить других лиц к совершению преступлений террористической направленности; публичное оправдание терроризма – распространение обращения виновного, убеждающего других лиц в том, что конкретные совершенные или совершаемые преступления террористической направленности должны рассматриваться как дозволенное, допустимое поведение, то есть такое, которое при необходимости может или должно воспроизводиться; пропаганда терроризма – распространение обращения, убеждающего других лиц в допустимости осуществления террористической деятельности, в том числе с изложением той или иной системы убеждений, обосновывающих определенный взгляд на реальное и желаемое положение дел в тех или иных сферах жизни общества (мира) в целях легитимации указанной деятельности.

Поскольку определяющим для квалификации на практике оказывается смысл распространяемого сообщения, важно подчеркнуть, что установлению подлежит его объективный смысл, то есть тот, которым оно обладает в восприятии непредвзятой и понимающей публики. Объективный смысл высказывания определяется, исходя из употребляемых слов, языкового контекста, сопутствующих высказыванию обстоятельств, в той мере в которой они были доступны адресатам, а также характеристик самого адресата. Если высказывание многозначно, то толкование его в ущерб обвиняемому возможно лишь в том случае, если все иные варианты понимания обоснованно исключены. С учетом того преувеличенного значения, которое придается правоприменительной практикой заключениям судебных экспертов, перед последними необходимо ставить вопросы обо всех объективно возможных, альтернативных смыслах текстов, являющихся объектом судебной экспертизы.

При оценке общественной опасности совершенного деяния, содержащего признаки состава преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, суды должны учитывать не только содержание распространяемого сообщения, но и его контекст (форму и способ передачи сообщения, значимость, известность автора сообщения, характеристики адресата, ситуацию, сложившуюся в области безопасности во время опубликования сообщения и проч.) для того, чтобы определить, способно ли то или иное передаваемое сообщение оказать опасное воздействие на слушателей.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, характеризуется прямым умыслом, который предопределяется в том числе присущей каждому из них конечной целью вовлечь других лиц в осуществление террористической деятельности. Указанная цель может в зависимости от конкретного вида действий выражаться в цели побудить других лиц к осуществлению террористической деятельности, сформировать у них идеологию терроризма или представление о допустимости осуществления террористической деятельности.

Рассмотренные в диссертационном исследовании проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, и предложенные варианты их разрешения могут способствовать дальнейшему развитию теоретико-правовой дискуссии по указанным вопросам. Полагаем, что проблематика ограничения свободы выражения мнения уголовно-правовыми средствами нуждается в участии в ней представителей уголовно-правовой науки, а не только специалистов в области конституционного права и международного права в области прав человека, и ждет своих исследователей. Наблюдающаяся чрезмерная зависимость правоприменительной практики по делам о преступлениях, связанных с речью (или шире – коммуникативными действиями), от заключений судебных экспертов (прежде всего лингвистов и психологов), безусловно, требует анализа со стороны уголовно-правовой науки, которой, как представляется, придется более глубоко погрузиться в междисциплинарные исследования и в этих областях, в том числе с тем чтобы оценить необходимость и действительную значимость подобных заключений при расследовании и разрешении уголовных дел. Отдельные поднимаемые в настоящей диссертации вопросы использования средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей при совершении преступлений свидетельствуют о важности и перспективах уголовно-правовых исследований и в этой сфере.

Необходимо отметить, что целый ряд правоприменительных проблем вряд ли может быть окончательно разрешен без помощи законодателя, если учесть противоречивость и неопределенность законодательных формулировок, используемых при описании рассматриваемого уголовно-правового запрета. В первую очередь это касается вопроса разграничения на законодательном уровне трех видов действий, запрещенных ст. 205² УК РФ, а также более четкого определения признаков субъективной стороны указанного

преступления. Полагаем, что совершенствование уголовного законодательства в этой области может сопровождаться рассмотрением вопроса о возможности внесения изменений и дополнений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, если законодатель сочтет необходимым дифференцировать ответственность за распространение высказываний, связанных с терроризмом, с учетом тех или иных обстоятельств, влияющих на степень общественной опасности запрещаемых деяний.

Несмотря на отмеченное, представляется, что в рамках уголовно-правовой науки и правоприменения возможна выработка правил квалификации преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ, с опорой на уголовно-правовые принципы и выработанные наукой и практикой способы толкования уголовно-правовых норм. В конечном счете именно развитая правовая теория и квалифицированное правоприменение способствуют совершенствованию законодательства.

БИБЛИОГРАФИЯ

Нормативно-правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202007040001>
2. Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (CETS №196) (заключена в г. Варшаве 16.05.2005) // Собрание законодательства РФ. 18.05.2009. № 20. Ст. 2393.
3. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 28.04.1976. № 17, ст. 291.
4. Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpro1.shtml
5. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. Федерального закона от 22.04.2024 № 86-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://actual.pravo.gov.ru/list.html#date_period=%2C08.06.2024&kinds=70&sort=type&hash=6639c6c6580e8aa0bdf84170d25823669dfb6a4144b03da245ef4889f24765c0
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (в ред. Федерального закона от 30.01.2024 № 4-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102110716>
7. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (в ред. Федерального закона от 06.04.2024 № 74-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://actual.pravo.gov.ru/list.html#date_period=%2C08.06.2024&kinds=70&sort=type&hash=6639c6c6580e8aa0bdf84170d25823669dfb6a4144b03da245ef4889f24765c0
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 23.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. Федерального закона от 12.06.2024 № 133-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891>
9. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (в ред. Федерального закона от 11.03.2024 № 42-ФЗ) «О средствах массовой информации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102013812#10
10. Федеральный закон от 21.12.1994 № 69-ФЗ (в ред. Федерального закона от 19.10.2023 № 506-ФЗ) «О пожарной безопасности» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033559>
11. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (в ред. Федерального закона от 10.07.2023 № 287-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102105192>
12. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (в ред. Федерального закона от 12.12.2023 № 588-ФЗ) «Об информации, информационных технологиях и о защите

информации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=8&nd=102108264&intelsearch

13. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (в ред. Федерального закона от 06.02.2023 № 8-ФЗ) «О персональных данных» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102108261>

14. Федеральный закон от 27.07.2006 № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»» // Российская газета. № 165 от 29.07.2006.

15. Федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ (в ред. Федерального закона от 24.07.2023 №387-ФЗ) «О транспортной безопасности» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102111823>

16. Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ (в ред. Федерального закона от 14.07.2022 № 337-ФЗ) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102126522>

17. Федеральный закон от 27.07.2010 № 224-ФЗ (в ред. Федерального закона от 25.12.2023 № 631-ФЗ) «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102140499>

18. Федеральный закон от 02.11.2013 № 302-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201311030012>

19. Федеральный закон от 06.07.2016 № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201607070042>

20. Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры в Российской Федерации» 26.07.2017 № 187-ФЗ (в ред. Федерального закона от 10.07.2023 № 312-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102439340>

21. Федеральный закон от 29.12.2017 № 445-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования мер противодействия терроризму» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201712290061>

22. Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202302280017>

23. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685) // СПС «КонсультантПлюс».

24. Указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202005290036>
25. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024 - 2028 годы (утв. Президентом РФ 30.12.2023 № Пр-2610) // СПС «КонсультантПлюс».
26. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Rome, 4.XI.1950 // URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_eng
27. Directive (EU) 2017/541 of the European Parliament and of the Council of 15 March 2017 on combating terrorism and replacing Council Framework Decision 2002/475/JHA and amending Council Decision 2005/671/JHA // URL: <http://data.europa.eu/eli/dir/2017/541/oj>
28. Resolution CM/Res (2022)2 on the cessation of the membership of the Russian Federation to the Council of Europe (Adopted by the Committee of Ministers on 16 March 2022 at the 1428th meeting of the Ministers' Deputies) // URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=0900001680a5da51
29. Code pénal de la République Française (Version au 01 janvier 2024) // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGISCTA000006149845>
30. Counter-Terrorism Law of Israel, 5776-2016 (English version, unofficial translation) // URL: https://www.gov.il/BlobFolder/dynamiccollectorresultitem/counter-terrorism-law-2016-english/he/legal-docs_counter_terrorism_law_2016_english.pdf
31. Criminal Code of Spain (English version, unofficial translation) // URL: https://www.mjusticia.gob.es/es/AreaTematica/DocumentacionPublicaciones/Documents/Criminal_Code_2016.pdf
32. Ley Orgánica 10/1995, de 23 de noviembre, del Código Penal Español // URL: <https://www.boe.es/eli/es/lo/1995/11/23/10/con>
33. Loi du 29 juillet 1881 sur la liberté de la presse // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGITEXT000006070722>
34. Loi n° 82-652 du 29 juillet 1982 sur la communication audiovisuelle // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/article_lc/LEGIARTI000020740559/2009-06-14/#LEGIARTI000020740559
35. Terrorism Act of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland (2006) // URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/11/contents>
36. United States Code // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text>

Материалы подготовки и обсуждения законопроектов

37. Пояснительная записка к законопроекту № 230595-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования мер противодействия терроризму» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/230595-7>.
38. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» // URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/282601-4>.
39. Стенограмма пленарного заседания Государственной Думы РФ от 14.12.2017 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/230595-7>.

40. Таблица поправок к проекту федерального закона № 282601-4 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму», рекомендованных Комитетом по безопасности к отклонению // URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/282601-4>.

41. Экспертное заключение по проекту Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»» (принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 16.03.2009 (протокол № 68)) // СПС «КонсультантПлюс».

Иные документы

42. Замечания общего порядка №34. Статья 19: Свобода мнений и их выражения (принято Комитетом по правам человека на его 102-й сессии 11-29 июля 2011 г.) // URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2FC%2FGC%2F34&Lang=ru

43. Защита прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом: Доклад Генерального секретаря, 28.08.2008, A/63/337 // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N08/493/05/pdf/N0849305.pdf>

44. Комитет по правам человека ООН. Соображения, принятые Комитетом в соответствии с пунктом 5 статьи 4 Факультативного протокола относительно сообщения № 2809/2016, представленного Ли Сок Ки, Ким Хон Ёлом, Ли Сан Хо, Хон Сун Соком, Хан Тон Куном, Чжо Лян Воном и Ким Кын Рэ, от 17 июля 2021 г. № CCPR/C/130/D/2809/2016 // URL: <https://juris.ohchr.org/casedetails/3279/en-US>

45. Меры по ликвидации международного терроризма: Доклад Генерального секретаря, 27.06.2024, A/79/99 // URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n24/187/20/pdf/n2418720.pdf>

46. Committee of Expert on Terrorism. 3rd Meeting. Strasbourg. 6-8 July 2004. Apologie du terrorisme and incitement to terrorism. Analytical Report // URL: https://www.researchgate.net/profile/Olivier-Ribbelink/publication/284176612_Apologie_du_terrorisme_and_Incitement_to_terrorism_A_report_for_the_Committee_of_Experts_on_Terrorism_CODEXTER_of_the_Council_of_Europe_2004/links/564df86708aeafc2aab12fc8/Apologie-du-terrorisme-and-Incitement-to-terrorism-A-report-for-the-Committee-of-Experts-on-Terrorism-CODEXTER-of-the-Council-of-Europe-2004.pdf

47. Committee of Experts on Terrorism (CODEXTER) – Abridged report of the 3rd meeting (Strasbourg, 6-8 July 2004). Appendix II. Results of the meeting of the Working Party CODEXTER-APOLOGIE of 7 July 2004 // URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805dc839

48. Explanatory Report to the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism (2005) // URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016800d3811>

49. European Judicial Training Network. Criminal Code of the Netherlands (unofficial translation in English) // URL:

https://www.ejtn.eu/PageFiles/6533/2014%20seminars/Omsenie/WetboekvanStrafrecht_ENG_PV.pdf

50. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of human rights and fundamental freedoms while countering terrorism on her visit to Belgium. 8 May 2019. A/HRC/40/52/Add.5 // URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g19/134/55/pdf/g1913455.pdf?token=W6tuFZazODzE1lnFz4&fe=true>

51. Report of Spain on the implementation of Security Council resolution 1624 (2005) on further measures to combat terrorism // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N07/309/63/pdf/N0730963.pdf>

52. Response of the United States of America to the Counter-Terrorism Committee: United States implementation of Security Council resolution 1624 (2005) // URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n06/395/24/pdf/n0639524.pdf?token=g0H3XUYCIUCAT3Klcy&fe=true>

53. The Consultation of the Parties to the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism (CETS No. 196) and its Additional Protocol (CETS No. 217). 7 th Meeting Strasbourg (France), 29 November 2022 // URL: <https://rm.coe.int/cop-2022-07-eng-list-of-decisions-fin/1680aa90f7>

Утратившие силу документы

54. Постановление Временного Правительства от 6 июля 1917 г. // Право. Еженедельная юридическая газета. 1917. № 27-28. С. 1084-1085.

55. Постановление 3 Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. «Об условиях применения давности и амнистии к делящимся и продолжаемым преступлениям» // СПС «КонсультантПлюс».

56. Уголовный кодекс Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Издание Военной коллегии Верх. Трибун. В.Ц.И.К., 1922.

57. Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 декабря 1963 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. М., 1964.

Судебная практика

58. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2011 № 3-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.В. Капорина, И.В. Коршуна и других» // СПС «КонсультантПлюс».

59. Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 № 1248-О «По жалобе гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 статьи 403, частью четвертой статьи 413 и частями первой и пятой статьи 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

60. Определение Конституционного Суда РФ от 06.10.2015 № 2444-О «По жалобе гражданина Дворяка Владимира Геннадьевича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 3 части второй статьи 38, части третьей статьи 53, статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 310 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

61. Определение Конституционного Суда РФ от 19.07.2016 № 1746-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Королева Дмитрия Ивановича на

нарушение его конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 242 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

62. Определение Конституционного Суда РФ от 21.09.2017 № 1797-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дильмухаметова Айрата Ахнафовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 47 и частью первой статьи 205² Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

63. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.М. Деменьшиной» // СПС «КонсультантПлюс».

64. Определение Конституционного Суда РФ от 31.03.2022 № 804-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Прокопьевой Светланы Владимировны на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 205² Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

65. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 29.06.2021) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // СПС «КонсультантПлюс».

66. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // СПС «КонсультантПлюс».

67. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 (ред. от 09.02.2012) «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»» // СПС «КонсультантПлюс».

68. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // СПС «КонсультантПлюс».

69. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // СПС «КонсультантПлюс».

70. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 15.12.2022) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // СПС «КонсультантПлюс».

71. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 №16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // СПС «КонсультантПлюс».

72. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // СПС «КонсультантПлюс».

73. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»» // СПС «КонсультантПлюс».

74. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях,

предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

75. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях» // СПС «КонсультантПлюс».

76. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 31.03.2011 № 56-О11-20 // СПС «КонсультантПлюс».

77. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 06.07.2021 по делу № 222-УД21-22-А6 // URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2013734

78. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10.07.2019 № 16-УД19-7 // СПС «КонсультантПлюс».

79. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 11.08.2021 № 225-УД21-8-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

80. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 26.10.2021 № 222-УД21-39-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

81. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 11.11.2021 № 222-УД21-45-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

82. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 10.02.2022 № 222-УД22-1-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

83. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 12.09.2023 №222-УД23-50-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

84. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 28.12.2017 № 203-АПУ17-34 // СПС «КонсультантПлюс».

85. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 15.03.2018 № 201-АПУ18-8 // СПС «КонсультантПлюс».

86. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 03.07.2018 № 203-АПУ18-12 // СПС «КонсультантПлюс».

87. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 17.07.2018 по делу 201-АПУ18-25 // СПС «КонсультантПлюс».

88. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 02.08.2018 № 205-АПУ18-16 // СПС «КонсультантПлюс».

89. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 13.09.2018 № 205-АПУ18-23 // СПС «КонсультантПлюс».

90. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 26.06.2019 № 201-АПУ19-22 // СПС «КонсультантПлюс».

91. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 15.10.2019 № 203-АПУ19-15.

92. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 225-АПУ19-1 // СПС «КонсультантПлюс».

93. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 03.09.2019 № 201-АПУ19-36 // Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2019) // БВС РФ. 2019. №4.

94. Определение Верховного Суда РФ от 10.05.2011 № 58-Впр11-2 // СПС «КонсультантПлюс»

95. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 24.03.2020 № 77-291/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
96. Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 16.03.2023 № 77-670/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
97. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 19.08.2021 № 77-3994/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
98. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 02.03.2021 № 77-995/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
99. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22.04.2021 № 77-1259/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
100. Кассационное определение Омского областного суда от 21.07.2011 по делу № 22-3277/11 // СПС «КонсультантПлюс».
101. Апелляционное постановление Камчатского краевого суда от 10.04.2018 по делу № 22к-255/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
102. Приговор Ленинского районного суда г. Кирова от 05.10.2010 по делу № 1-586/2010 // СПС «КонсультантПлюс».
103. Приговор Центрального районного суда города Хабаровска от 19.09.2014 по делу № 1-367/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
104. Постановление Европейского Суда по правам человека от 07.12.1976 по делу «Handyside против Соединенного Королевства» (жалоба № 5493/72) // СПС «КонсультантПлюс»
105. Постановление Европейского Суда по правам человека от 15.10.2015 «Перинчек (Perincek) против Швейцарии» (жалоба № 27510/08) // СПС «КонсультантПлюс».
106. Постановление Европейского Суда по правам человека от 27.01.2015 по делу «Рохлена против Чешской Республики» // СПС «КонсультантПлюс».
107. Cour européenne des droits de l'homme, Affaire «Gürbüz et Bayar c. Turquie» (requête no. 8860/13), 23 juillet 2019, Opinion Dissidente du Jude Pavli // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-194948>
108. Cour européenne des droits de l'homme, Affaire «Erkizia Almandoz c. Spain» (requête no. 5869/17), 22 juin 2021. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-210492>
109. Cour européenne des droits de l'homme, Affaire «Z.B. c. France» (requête no. 46883/15), Arrêt, 2 septembre 2021 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-211600>
110. European Court of Human Rights, Case «Karataş v. Turkey» (application no. 23168/94), Judgment, 8 July 1999 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58274>
111. European Court of Human Rights, Case «Sürek v. Turkey» (№1) (Application № 26682/95), Judgment, 8 July 1999 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58279>
112. European Court of Human Rights, Case «Özgür Gündem v. Turkey» (Application № 23144/93), Judgment, 16 March 2000 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58508>
113. European Court of Human Rights, Case «Kiliç and Eren v. Turkey» (application no. 43807/07), Judgment, 29 November 2011 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-107591>
114. European Court of Human Rights, Case «Otegi Mondragon v. Spain» (application no. 2034/07), Judgment. 15 March 2011 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-103951>
115. European Court of Human Rights, Case «Dmitriyevskiy v. Russia» (application no. 42168/06), Judgment, 3 October 2017 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-177214>

116. European Court of Human Rights, Case «ROJ TV A/S against Denmark» (application no. 24683/14), Decision, 17 April 2018 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-183289>
117. European Court of Human Rights, Case «Stomakhin v. Russia» (application no. 52273/07), Judgment, 9 May 2018 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-182731>
118. European Court of Human Rights, Case «Savva Terentyev v. Russia» (application no. 10692/09), Judgment, 28 August 2018 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-185307>
119. European Court of Human Rights. Case «Sanchez v. France» (application no. 45581/15), Judgment, 2 September 2021 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-211777>
120. European Court of Human Rights, Case «Saúl Jorge Lopez against Spain» (application no. 54140/21), Decision, 20 September 2022 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-220219>
121. European Court of Human Rights, Case «Pablo Rivadulla Duró against Spain» (application no. 27925/21), Decision, 12 October 2023 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-229004>
122. Brandenburg v. Ohio, 395 U.S. 444 (1969) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/395/444/#tab-opinion-1948083>
123. Constitutional Council of France. Decision 2018-706 QPC of 18 May 2018 (English version), para. 19-20 // URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/en/decision/2018/2018706QPC.htm>
124. Judgement of District Court of The Hague. Criminal Law Section. 10 December 2015. (unofficial translation in English) // URL: <https://uitspraken.rechtspraak.nl/inziendocument?id=ECLI:NL:RBDHA:2015:16102>
125. Hess v. Indiana, 414 U.S. 105 (1973) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/414/105/>
126. Holder v. Humanitarian Law Project 561 U.S. 1 (2010) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/561/1/>
127. The U.S. District Court for the Northern District of Ohio. Second Superseding Indictment. Case No. 5:15CR00046 // URL: <https://www.investigativeproject.org/case/812/us-v-mcneil>
128. United States v. Williams, 553 U.S. 285 (2008) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/553/285/>
129. Whitney v. California, 274 U.S. 357 (1927) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/274/357/>

Материалы уголовных дел, рассмотренных Московским окружным военным судом (2-ым Западным окружным военным судом)

130. Уголовное дело № 2-13/2015 по обвинению Сил-ка К.В. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205² УК РФ.
131. Уголовное дело № 2-2/2016 по обвинению Рад-ва Б.Р. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 282 УК РФ, ч. 1 ст. 205² УК РФ.
132. Уголовное дело № 2-34/2016 по обвинению Тар-ва В.С. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205² УК РФ, ч. 1 ст. 282 УК РФ.
133. Уголовное дело № 2-20/2017 по обвинению Баг-ва в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 280 УК РФ, ч. 1 ст. 205² УК РФ, ч. 1 ст. 30, ч. 2 ст. 205.5 УК РФ.

134. Уголовное дело № 2-63/2016 по обвинению Гад-вой П.Ш. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205² УК РФ, ч. 1 ст. 282 УК РФ.
135. Уголовное дело № 2-77/2016 по обвинению Мус-ва С.С. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205² УК РФ.
136. Уголовное дело № 2-97/2016 по обвинению Бес-ва Б.В. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205² УК РФ.
137. Уголовное дело № 2-48/2017 по обвинению Яс-ва З.С. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205² УК РФ.
138. Уголовное дело № 2-31/2017 по обвинению Вел-ва в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205² УК РФ.
139. Уголовное дело № 2-72/2017 по обвинению Чер-ва Д.А. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 280 УК РФ, ч. 1 ст. 205² УК РФ.
140. Уголовное дело № 2-79/2017 по обвинению Кар-ва В.А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205² УК РФ.
141. Уголовное дело № 2-85/2017 по обвинению Маг-вой в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205² УК РФ.
142. Уголовное дело № 2-89/2017 по обвинению Хал-ва С.Р. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205¹, ч. 1 ст. 205² УК РФ, ч. 1 ст. 280 УК РФ, ч. 1 ст. 282 УК РФ.
143. Уголовное дело № 2-100/2017 по обвинению Жол-ва в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205¹ УК РФ, ч. 2 ст. 205² УК РФ, ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 205 УК РФ.
144. Уголовное дело № 2-2/2018 по обвинению Бой-ва Д.К. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205¹ УК РФ, ч. 1 ст. 205² УК РФ, ч. 1 ст. 282 УК РФ.
145. Уголовное дело № 2-3/2018 по обвинению Ис-ва в совершении преступления, предусмотренного
146. Уголовное дело № 2-13/2018 по обвинению Бог-ва В.С. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205² УК РФ.
147. Уголовное дело № 2-21/2018 по обвинению Пив-ка в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 282 УК РФ, ч. 2 ст. 280 УК РФ, ч. 2 ст. 205² УК РФ, ст. 222.1 УК РФ.
148. Уголовное дело № 2-23/2018 по обвинению Вах-ва в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205² УК РФ, ч. 1 ст. 205² УК РФ.
149. Уголовное дело № 2-24/2018 по обвинению Вай-са В.Р. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205² УК РФ, ч. 1 ст. 205² УК РФ, ч. 1 ст. 205² УК РФ, ч. 1 ст. 205² УК РФ
150. Уголовное дело № 2-26/2018 по обвинению Пир-ва М.Р. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205² УК РФ.
151. Уголовное дело № 2-28/2018 по обвинению Ю-на в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205² УК РФ.
152. Уголовное дело № 2-29/2018 по обвинению Тур-ва А.А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205² УК РФ.
153. Уголовное дело № 2-39/2018 по обвинению Кол-ва М.А. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205² УК РФ, ч. 1 ст. 205² УК РФ.

154. Уголовное дело № 2-40/2018 по обвинению Зам-ва в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 282 УК РФ, ч. 2 ст. 205² УК РФ.
155. Уголовное дело № 2-41/2018 по обвинению Ул-ва С.Ф. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205² УК РФ.
156. Уголовное дело № 2-46/2018 по обвинению Пет-го А.Е. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205² УК РФ.
157. Уголовное дело № 2-49/2018 по обвинению Хам-ва А.М. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 282 УК РФ, ч. 2 ст. 205² УК РФ, ч. 1 ст. 222.1, ст. 223.1 УК РФ.
158. Уголовное дело № 2-50/2018 по обвинению Хам-ва Р.Б. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205² УК РФ, ч. 1 ст. 205² УК РФ.
159. Уголовное дело № 2-53/2018 по обвинению Хал-ва А.Т. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205² УК РФ.
160. Уголовное дело № 2-57/2018 по обвинению Абд-ды А.С. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205² УК РФ.
161. Уголовное дело № 2-64/2018 по обвинению Ал-ва М.А. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 280 УК РФ, ч. 1 ст. 282 УК РФ, ч. 1 ст. 205² УК РФ.
162. Уголовное дело № 2-67/2018 по обвинению Дж-ва М.Д. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 282 УК РФ, ч. 2 ст. 205² УК РФ.
163. Уголовное дело № 2-68/2018 по обвинению Мещ-ва в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 280 УК РФ, ч. 1 ст. 205² УК РФ, ч. 2 ст. 205² УК РФ.
164. Уголовное дело № 2-70/2018 по обвинению Заур-ва А.Х. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205² УК РФ, ч. 1 ст. 205² УК РФ, ч. 1 ст. 205² УК РФ, ч. 1 ст. 205² УК РФ.
165. Уголовное дело № 2-72/2018 по обвинению Мур-на А.С. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205² УК РФ.
166. Уголовное дело № 2-73/2018 по обвинению Кур-ва Н.С. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205² УК РФ.
167. Уголовное дело № 2-74/2018 по обвинению Стр-ва В.С. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 205² УК РФ, ч. 2 ст. 280 УК РФ.
168. Уголовное дело № 2-88/2018 по обвинению Шар-ва Р.Р. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205² УК РФ.
169. Уголовное дело № 2-90/2018 по обвинению Дав-ва Д.А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205² УК РФ.
170. Уголовное дело № 2-94/2018 по обвинению Эль-ва А.С. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 280 УК РФ, ч. 1 ст. 205.2 УК РФ.
171. Уголовное дело № 2-95/2018 по обвинению Наж-ва С.С. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 205² УК РФ, ч. 1 ст. 205¹ УК РФ.
172. Уголовное дело № 2-106/2018 по обвинению Бор-ва С.А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205² УК РФ.
173. Уголовное дело № 2-14/2019 по обвинению Бай-ва Г.Б. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205² УК РФ.
174. Уголовное дело № 2-52/2020 по обвинению Прок-ой С.В. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205² УК РФ.

Информация о решениях Европейского Суда по правам человека и судов зарубежных государств

175. Информация о постановлении ЕСПЧ от 02.10.2008 по делу «Леруа (Leroy) против Франции» (жалоба № 36109/03) // СПС «Консультант Плюс»
176. Centre for Judicial Cooperation. Belgium, Constitutional Court, n°31/2018, March, 15th 2018. // URL: <https://cjc.eui.eu/data/data/data?idPermanent=449>
177. Conviction of man for giving his three-year-old nephew a T-shirt, worn at nursery school, with the slogans «I am a bomb» and «Jihad, born on 11 September»: no violation of Article 10 of the Convention. Press Releases issued by the Registrar of the Court. ECHR 258 (2021). 02.09.2021 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=003-7106070-9621500>
178. Legal Summaries. Gürbüz and Bayar v. Turkey, Judgment 23 July 2019 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=002-12572>
179. Constitutional Court. Cabinet of President. Press Office. Informative note №72/2016. // URL: https://www.tribunalconstitucional.es/NotasDePrensaDocumentos/NP_2016_072/Nota%20Informativa%20n_%2072-2016_EN.pdf
180. The Counter-Terrorism Division of the Crown Prosecution Service (CPS) - Successful prosecutions since 2016 // URL: <https://www.cps.gov.uk/crime-info/terrorism/counter-terrorism-division-crown-prosecution-service-cps-successful-prosecutions-2016>

Монографии, учебники, учебные пособия, комментарии

181. Арямов А.А., Пономаренко В.С. Механизм уголовно-правовой защиты чести и достоинства. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 369 с.
182. Багмет А.М., Бычков В.В. Квалификация преступления террористического характера: учеб пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. – 167 с.
183. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика: учеб. пособие. 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 591 с.
184. Бойко А.И. Преступное бездействие. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. – 318 с.
185. Будзинский С. Уложение о наказаниях с комментарием, заключающим толкование важнейших статей неразработанных кассационною практикой, дополнения, объяснения и изменения в применении к Варшавскому судебному округу. – Варшава: Главный склад в Книжном магазине В. М. Истомина, 1892. – 489 с.
186. Бурковская В.А., Маркина Е.А., Мельник В.В., Решетова Н.Ю. Уголовное преследование терроризма. – М.: Издательство Юрайт, 2008. – 160 с.
187. Бурчак Ф.Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву. – Киев: Наукова думка, 1969. – 216 с.
188. Бушмин С.И., Москалев Г.Л. Комментарий к уголовному законодательству о противодействии террористической и экстремистской деятельности: монография. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. – 172 с.
189. Вроблевский А.Б., Утевский Б.С. Уголовный кодекс редакции 1926 г. Комментарий под общей редакцией Е.Г. Ширвиндта. – М.: Изд-во НКВД, 1927. – 431 с.
190. Голиков Л.М. Оправдание терроризма как речевое действие (на материале джихадистского текста): учебное пособие. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2018. – 70 с.

191. Головненков П.В. Уголовное Уложение Федеративной Республики Германия – Strafgesetzbuch (StGB) – Научно-практический комментарий и перевод текста закона. – Potsdam, 2021. – 489 с.
192. Гостькова Д.Ж., Далгалы Т.А. Преступления против общественной безопасности: уголовно-правовой аспект: учебное пособие. М.: Юрлитинформ, 2021. – 176 с.
193. Гринберг М.С. Преступления против общественной безопасности: Часть Особенная: Учебное пособие. – Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1974. – 176с.
194. Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1974. – 243 с.
195. Долгова А.И. Избранные труды / [сост. В.В. Меркурьев, О.А. Евланова, А.С. Васнецова, Д.А. Соколов; вступит. ст. М.П. Клейменова, В.А. Номоконова, Э.Ф. Побегайло, В.Е. Эминова]; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2017. – 423 с.
196. Дьяков С.В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовое и криминологическое исследование. 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2012. – 265 с.
197. Есаков Г.А. Экономическое уголовное право: Общая часть. – М.: Издательский дом Высш. шк. экономики, 2019. – 356 с.
198. Злобин Г.А., Никифоров Б.С. Умысел и его формы. – М.: Юрид. лит., 1972. – 261 с.
199. Иванчин А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика: монография / отв. ред. Л.Л. Кругликов. – М.: Проспект, 2014. – 352 с.
200. Избранные решения Федерального Конституционного Суда Германии / сост. Ю. Швабе, Т. Гайсслерю. – М.: Инфотропик Медиа, 2018. – 1028 с.
201. Клепицкий И.А. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). – 8-е изд. – М.: РИОР: ИНФРАМ-М, 2015. – 674 с.
202. Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. Часть 2: Виды соучастников и формы участия в преступной деятельности. Свердловск, 1962. – 276 С.
203. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2010. – 992 с.
204. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 3 т. Т. 3. Особенная часть. Разделы IX-XII / под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова – 10-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 481 с.
205. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Особенная часть. Раздел IX (постатейный) (том 3) (отв. ред. В.М. Лебедев). – М., 2017 // СПС «КонсультантПлюс».
206. Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. – М.: Госюриздат, 1963. – 324 с.
207. Кузнецова Н.Ф. Избранные труды. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 832 с.
208. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений. Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. В.Н. Кудрявцева. – М.: Городец, 2007. – 332 с.
209. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. – М., 2011. – 330 с.

210. Курс советского уголовного права (Часть Особенная). Т. 3. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973.
211. Курс советского уголовного права. В шести томах. Часть Особенная. Том IV. М.: Наука, 1970. 432 с.
212. Лист Ф. Учебник уголовного права. Особенная часть / перевод Ф. Ельяшевич. – М.: т-во тип. А.И. Мамонтова, 1905. – 409 с.
213. Малинин В.Б., Парфенов А.Ф. Объективная сторона преступления. – СПб.: Изд-во Юрид. ин-та (Санкт-Петербург), 2004. – 299 с.
214. Малков В.П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. – 174 с.
215. Милль Дж. Ст. О свободе. «Public Domain», 1859 // URL: <https://www.litres.ru/book/dzhon-stuart-mill/o-svobode-8521374/>
216. Никифоров Б.С. Избранное. – М.: Юридическая фирма "Контракт": Ин-т закон-ва и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2010. – 221 с.
217. Ной И.С. Охрана чести и достоинства личности в советском уголовном праве. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1959. – 125 с.
218. Особо опасные государственные преступления / общая редакция В.И. Курляндского и М.П. Михайлова. – М., 1963. – 216 с.
219. Остин Дж. Л. Слово как действие. Перевод с английского А.А. Медниковой // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Пер. с англ. / Сост. и вступ. ст. И.М. Кобозевой и В.З. Демьянкова. Общ. ред. Б. Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22-130.
220. Ошибки в квалификации преступлений: Монография / В.К. Андрианов, Д.А. Дорогин, Д.С. Корсун и др.; Под ред. Ю. Е. Пудовочкина. – М.: РГУП, 2020. – 422 с.
221. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права. Общая часть. – М., 1961. – 668 с.
222. Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов старого и нового Уложений. – М.: Г.А. Леман, 1912. – 499 с.
223. Предупреждение терроризма и борьба с насильственным экстремизмом и радикализацией, ведущими к терроризму. Подход, основанный на взаимодействии полиции с населением. Руководство Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. – Вена, 2014. – 238 с.
224. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / отв. ред. А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 141 с.
225. Преступления террористической направленности: вопросы квалификации: учебное пособие / И.Р. Диваева [и др.]. – Уфа: УЮИ МВД России, 2015. – 62 с.
226. Преступления террористической направленности: сравнительные аспекты: учебное пособие / И.А. Анисимова [и др.]; под ред. И.А. Анисимовой, В.А. Мазурова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021. – 122 с.
227. Пудовочкин Ю.Е. Преступления против безопасности государства. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 330 с.
228. Рарог А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: монография. – М.: Проспект, 2015. – 229 с.
229. Рарог А.И., Палий В.В. Уголовно-правовое противодействие терроризму и экстремизму: учебное пособие. – М.: Проспект, 2024. – 96 с.

230. Расследование преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: научно-практическое пособие / под ред. докт. юрид. наук А.И. Бастрыкина. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 176 с.
231. Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1905 год. – Екатеринослав: тип. И. Когана, 1911. – 35 с.
232. Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1906 год. – Екатеринослав: тип. И. Когана, 1911. – 52 с.
233. Савельев А.И. Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (постатейный). – М.: Статут, 2015. – 320 с.
234. Серков П.П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 479 с.
235. Стернин И.А. Выявление признаков возбуждения расовой и национальной вражды в лингвистической экспертизе текста: методическое пособие. – Воронеж, 2010. – 20 с.
236. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 1994. – 380 с.
237. Терроризм в современном мире / научн. ред. Ю.М. Антонян, В.Л. Шульц. – М.: Наука, 2008. – 358 с.
238. Тимашев Н.С. Преступное возбуждение масс по действующему русскому праву (статьи 129-132 угол. улож.). – Петроград: Сенатская тип., 1915. – 64 с.
239. Трайнин А.Н. Избранные труды. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 896 с.
240. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: Учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 285 с.
241. Уголовное право зарубежных стран. В 3 т. Том 1. Общая часть. Англия. США: учебник для бакалавриата и магистратуры / отв. ред. Н.Е. Крылова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – 240 с.
242. Уголовное уложение. Объяснения к проекту Редакционной комиссии. Т. II. Гл. 2-я – 7-я. – СПб.: Гос. тип., 1895. – 582 с.
243. Уголовное уложение. Объяснения к проекту Редакционной комиссии. Т. III. – СПб.: Гос. тип., 1897. – 445 с.
244. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. с мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Мин. Юстиции в Государственный Совет и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. Издание Н.С. Таганцева. – СПб.: Гос. тип., 1904. – 1122 с.
245. Уголовный кодекс. Научно-популярный практический комментарий. Под редакцией М.Н. Гернета и А.Н. Трайнина. – М.: Право и жизнь, 1927. – 390 с.
246. Уголовный кодекс. Практический комментарий под редакцией профессоров М.Н. Гернета и А.Н. Трайнина. – М.: Право и жизнь, 1925. – 460 с.
247. Филиппов П.А. Преступления против порядка управления: закон, теория, практика. – М.: Зерцало-М, 2017. – 512 с.
248. Филиппов П.А. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности: монография. – М.: Проспект, 2022. – 677 с.

249. Фристер Г. Уголовное право Германии. Общая часть = Strafrecht. Allgemeiner Teil: пер. с нем. 5-е изд. – М.: Инфотропик Медиа, 2013. – 712 с.
250. Хлебушкин А.Г. Преступления экстремистской направленности в системе посягательств на основы конституционного строя Российской Федерации. Вопросы квалификации и судебная практика: монография / под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Проспект, 2020. – 192 с.
251. Чередниченко Е.Е. Клевета и оскорбление: уголовно-правовой анализ. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 141 с.
252. Чучаев А.И., Грачева Ю.В., Задоян А.А. Преступления против общественной безопасности: учебно-практическое пособие. – М.: Проспект, 2010. – 256 с.
253. Шевченко И.В. Уголовная ответственность за террористическую деятельность. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 175 с.
254. Энциклопедия уголовного права. Т. 4. Состав преступления. – СПб.: Изд-во профессора Малинина, 2005. – 796 с.
255. Ashworth A., Zedner L. Preventive Justice. Oxford, 2014.
256. Belavusau U., Boutin B., Grozdanova R., Noorloos M., Paulussen Ch. A Comparative Research Study on Radical and Extremist (Hate) Speakers in European Member States. Hague, 2019.
257. Cram I. Terror and the War on Dissent. Freedom of Expression in the Age of Al-Qaeda. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2009.
258. Emerson T. The System of Freedom of Speech. New York, 1970.
259. Fischer T. Strafgesetzbuch: mit Nebengesetzen. 65. Auflage. 2017.
260. Fraleigh D.M., Tuman J.S. Freedom of Speech in the Marketplace of Ideas. Boston, N.Y., 1997.
261. Genocide, War Crimes and Crimes against Humanity. A Digest of the Case Law of the International Criminal Tribunal for Rwanda. New York, 2006.
262. Keiler J. Actus reus and participation in European criminal law. Cambridge – Antwerp – Portland, 2013.
263. Kremnitzer M., Ghanayim Kh. Incitement, Not Sedition. Jerusalem, 2002.
264. Radicalisation in the digital era. The use of the internet in 15 cases of terrorism and extremism / Ines Von Behr, Anaïs Reding, Charlie Edwards, Luke Gribbon. RAND Europe, 2013.
265. Sottiaux S. Terrorism and the Limitation of Rights. The ECHR and the US Constitution. Oxford-Portland (Oregon), 2008.
266. Tedford T.L. Freedom of speech in the United States. Second Edition (1993).
267. Wilson R.A. Incitement on Trial: Prosecuting International Speech Crimes. Cambridge, 2017.

Диссертации и авторефераты диссертаций

268. Антипов А.И. Уголовно-правовое значение использования средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей при совершении преступлений с признаками призывов, склонения, незаконного оборота предметов и материалов: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2022. – 248 с.
269. Бадамшин С.К. Преступления террористической направленности, совершаемые с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. – 275 с.

270. Балашов А.А. Уголовная ответственность за публичные призывы к совершению противоправных действий: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. – 194 с.
271. Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2012. – 484 с.
272. Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2006. – 469 с.
273. Гутник С.И. Уголовно-правовая характеристика преступных посягательств в отношении персональных данных: Дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2017. – 241 с.
274. Дрожжина Е.А. Общественная безопасность как объект преступления: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. – 188 с.
275. Есаков Г.А. Учение о преступлении в странах семьи общего права: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2007. – 459 с.
276. Ефремова М.А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2017. – 427 с.
277. Зазирная М.М. Преступления в сфере оборота порнографических материалов и предметов: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. – 213 с.
278. Ивлев С.М. Уголовно-правовые средства противодействия терроризму: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. – 210 с.
279. Ковлагина Д.А. Информационный терроризм: понятие, уголовно-правовые и иные меры противодействия: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. – 270 с.
280. Кулагин А.Н. Продолжаемые преступления: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. – 208 с.
281. Кунов И.М. Уголовно-правовое противодействие распространению криминогенной информации: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. – 208 с.
282. Некоз А.С. Уголовная ответственность за подстрекательство к преступлению: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. – 253 с.
283. Никишин В.Д. Теоретические и организационно-правовые аспекты судебной экспертизы материалов религиозного характера экстремистской и террористической деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. – 276 с.
284. Осокин Р.Б. Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления против общественной нравственности: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2014. – 581 с.
285. Очередыко В.А. Уголовно-правовое значение прикосновенности к преступлению: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2020. – 234 с.
286. Субачев А.К. Институт соучастия в преступлении и его отражения в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2018. – 215 с.
287. Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизма) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2011. – 366 с.
288. Хлебушкин А.Г. Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере охраны основ конституционного строя: Дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2016. – 480 с.
289. Чернявский Д.О. Уголовно-правовая характеристика публичных призывов к нарушению территориальной целостности Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. – 214 с.

290. Чикин Д.С. Сложные единичные преступления (уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации и законодательного регулирования): Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. – 34 с.

291. Шибзухов З.А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. – 175 с.

292. Cengiz I.F. Legal Response to Terrorist Speech: a Critical Evaluation of the Law in Turkey in Light of Regional and International Standards / submitted for the degree of Doctor of Philosophy University of East Anglia UEA Law School, 2016.

293. Simon J. Preventive Terrorism Offences (The Extension of the Ambit of Inchoate Liability in Criminal Law as a Response to the Threat of Terrorism). DPhil Thesis. Oxford, 2015.

Научные статьи

294. Агапов П. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: анализ законодательной новации // Уголовное право. 2007. № 1. С. 4-7.

295. Агапов П.В. О роли судебной экспертизы в процессе доказывания по делам о преступлениях экстремистской направленности // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 1 (33). С. 50-53.

296. Анисимова И.А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: особенности предмета и объективной стороны преступления // Российско-Азиатский правовой журнал. 2020. № 4. С. 3-8.

297. Араева Л.А., Осадчий М.А. Судебно-лингвистическая экспертиза по криминальным проявлениям экстремизма // Уголовный процесс. 2006. № 4. С. 45-56.

298. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Феномен риска в контексте криминологической профилактики (криминальная рискология) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. № 1. С. 136-148.

299. Бабич О.В. Диагностика речевых действий по оправданию терроризма и идеологии экстремизма: Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. Материалы V-й Международной научно-практической конференции / Отв. ред. В.Ю. Меликян. Вып. 5. Ростов н/Д: Донское книжное изд-во, 2015. С. 332-339.

300. Баранов А.Н., Паршин П.Б. Категория пропаганды в лингвистической экспертизе текста // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. № 2. С. 53-65.

301. Баринов С.В. Распространение сведений о частной жизни как способ совершения преступления // Российский следователь. 2015. № 8. С. 15-19.

302. Безверхов А.Г. О проблеме конструирования составов преступлений по моменту окончания // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2012. № 1 (11). С. 70-78.

303. Белецкий И.А., Вишнякова Н.В. Распространение, одобрение или отрицание информации в сети «Интернет»: единичное или сложное преступление? // Уголовное право. 2023. № 7. С. 9- 18.

304. Боков Д.К. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма и пропаганда терроризма: трудности доктринального понимания // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 5 (97). С. 124-131.

305. Борисов С.В. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Российский следователь. 2007. № 19. С. 10-12.
306. Борисов С.В. Роль Верховного Суда Российской Федерации в формировании практики противодействия распространению идеологии терроризма // Уголовная ответственность и наказание: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., посвященной памяти профессоров кафедры уголовного права Рязанской высшей школы МВД СССР В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова (Рязань, 17 февраля 2017 г.) / под ред. В.Ф. Лапшина. Рязань: Академия ФСИН России, 2017. С. 12-18.
307. Васнецова А.С. Идеология терроризма // Социодинамика. 2014. № 12. С. 36-58.
308. Волосюк Е.А. Установление признаков призыва к действиям экстремистского характера: юридические и лингвистические аспекты // Проблемы теории и практики борьбы с экстремизмом и терроризмом: матер. науч.-практ. конф. М.: Российская криминологическая ассоциация; Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. С. 266-269.
309. Галяшина Е.И. Криминогенные речевые действия, посягающие на мировоззренческую безопасность в интернет-среде, в аспекте судебной лингвистической экспертизы // Судебная экспертиза. 2020. № 1 (61). С. 34-43.
310. Галяшина Е.И. Экспертиза экстремистских материалов: проблемы методического и информационного обеспечения // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 7 (47). С. 25-41.
311. Галяшина Е.И., Богатырев К.М. Идеология терроризма в Российской Федерации: понятийный аппарат и особенности противодействия // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2023. № 2. С. 77-82.
312. Глухов Е.А. Публичное оправдание терроризма: направленность умысла, целей и самооценка со стороны преступника // Уголовное право. 2024. № 9. С. 30-40.
313. Голиков Л.М. Оправдание терроризма как речевое действие // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. № 1. С. 106-112.
314. Головненков П. Легитимация и границы наказуемости приготовления тяжкого государственно опасного деяния в положения Уголовного Уложения Германии // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Восьмой международной научно-практической конференции 27-28 января 2011 г. М.: Проспект, 2011. С. 589-602.
315. Гордин А.В., Киселев А.В. Анализ идеологии терроризма в контексте современных вызовов и угроз // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2021. № 6. С. 37-42.
316. Гоциридзе Д., Алексидзе М. Концепт «призыв» с позиции теории речевых актов // Russian Language Journal. 2009. № 59. С. 135-148.
317. Димитрова Е.А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской и террористической деятельности как средство противодействия экстремизму и терроризму // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2012. № 1 (10). С. 175-178.
318. Жарков И.В., Колтунова Е.А. Оппозиция речевых актов одобрения и оправдания в сфере судебной лингвистической экспертизы // Юрислингвистика. Legal Linguistics. 2020. № 15. С. 17-21.
319. Зателепин О.К., Борисов С.В. Новые позиции Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности // Уголовный процесс. 2018. № 11. С. 24-33.

320. Зигура Н.А. О правовом определении носителей компьютерной информации // Вестник ЮУрГУ. 2006. № 13. С. 82-83.
321. Зимненко Б.Л. О значении для судов Российской Федерации практики международных договорных органов ООН // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5. № 1. С. 55-90.
322. Иванцов С.В., Борисов С.В. Актуальные вопросы уголовно-правового противодействия распространению экстремистской идеологии в Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2022. № 2 (58). С. 50–57.
323. Игнатов А.Н., Сапрунов А.Г. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности: совершенствование законодательной регламентации // Общество и право. 2018. № 2 (64). С. 39-45.
324. Каразия Н.А. Методика прагмалингвистического исследования: основные подходы и категории // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2006. № 1 (7). С. 27-43.
325. Касьянов Р.А. Понятие публичного порядка в правовых системах государств (на примере России и Франции) // Цивилист. 2013. № 4. С. 23-33.
326. Кибальник А., Соломоненко И. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Законность. 2007. № 2. С. 14-16.
327. Кибальник А.Г. Уголовная ответственность за публичное распространение фейков об использовании Вооруженных Сил РФ. Как применять новую статью УК // Уголовный процесс. 2022. № 5. С. 62-69.
328. Кибальник А.Г. Судебная практика применения нормы о реабилитации нацизма (чч. 1, 2 ст. 354¹ УК РФ) // Уголовное право. 2023. № 10. С. 32-43.
329. Книжная торговля и ст. 129 уг. ул. // Право. Еженедельная юридическая газета. 1908. № 16. С. 934-943.
330. Князькина А.К. Международный договор как основание криминализации деяний // Lex Russica. 2007. № 2. С. 73-86.
331. Кобозева И.М. Две ипостаси содержания речи: значение и смысл // Язык о языке: Сб. статей / под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 303-359.
332. Кобозева И. М. К распознаванию интенционального компонента смысла высказывания // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Международной конференции «Диалог-2003». Протвино: Наука, 2003. С. 267-271.
333. Кобозева И.М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности. // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Пер. с англ. / Сост. и вступ. ст. И.М. Кобозевой и В.З. Демьянкова. Общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 7-21.
334. Ковлагина Д.А. Актуальные проблемы квалификации и применения ст. 205² УК РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Том. 13. № 5. С. 153-159.
335. Комиссаров В.С. Комментарий к ст. 11 ФЗ № 153-ФЗ от 25.07.2006 // Терроризм. Правовые аспекты противодействия: нормативные и международные правовые акты с комментариями, научные статьи / под ред. И.Л. Трунова и Ю.С. Горбунова. – изд. 2-е, переработ. и доп. М.: Эксмо, 2007.
336. Комиссаров В.С. Общественная безопасность как объект уголовно-правовой охраны // Пробелы в законодательстве и пути их преодоления: Сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции 14-15 сентября 2007 года / под ред. В.И. Каныгина, С.В. Изосимова, А.Ю. Чупровой. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. С. 268-275.

337. Кострова М.Б. Изобразительно - выразительные средства языка в уголовном законе: о допустимости использования // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 201-213.
338. Костылева О.В. Уголовная ответственность за возбуждение ненависти или вражды: новые разъяснения Пленума Верховного Суда и международные стандарты в области прав человека // Уголовное право. 2018. № 6. С. 66-80.
339. Костылева О.В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и оправдание терроризма с использованием сети Интернет: к вопросу о делящихся и продолжаемых преступлениях // Уголовное право. 2021. № 4. С. 7-18.
340. Костылева О.В. Пределы уголовно-правового запрета публичной аполгии терроризма: опыт конституционного контроля во Франции и в Испании // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2021. № 5. С.70-97.
341. Костылева О.В. Признак публичности призывов к осуществлению террористической деятельности и оправдания терроризма (ст. 205² УК РФ) в сравнительно-правовом контексте // Уголовное право. 2023. № 10. С. 44-60.
342. Костылева О.В. Разграничение подстрекательства и публичных призывов к совершению преступлений в уголовном праве России XX-XXI веков // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2024. № 1. С. 159-178.
343. Кроз М.В., Ратинова Н.А. История и современное состояние экспертных исследований экстремистских материалов // Теория и практика судебной экспертизы 2016. № 3 (43). С 146-154.
344. Крылова Н.Е. Материальные, формальные и усеченные составы преступлений: дискуссия с продолжением // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2017. № 6. С. 15-28.
345. Кульнев А. Свобода выражения мнения: обзор основных теорий // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 2 (129). С. 92-104.
346. Кунашев А.А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: уголовно-правовой анализ и вопросы квалификации // Уголовное право. 2018. № 6. С. 81-89.
347. Кунашев А.А. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности: проблемы квалификации и отграничения от смежных и конкурирующих составов // Уголовное право. 2023. № 2. С. 25-37.
348. Кунов И.М. Проблемные вопросы квалификации оправдания терроризма // Уголовная политика и культура противодействия преступности: Материалы научно-практической конференции. Краснодар, 2016. С. 207-213.
349. Лаврик Э.П. Специфика лингвистической экспертизы текстов, содержащих оправдание террористической деятельности // Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы: сборник научных работ по итогам Международной научной конференции «Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы» (Москва, 1–2 октября 2019 г.). М.: Гос. ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 2019. С. 142-149.
350. Лагодин А.В. Объективная сторона публичных призывов к осуществлению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма // Общество и право. 2009. № 1 (23). С. 181-183.
351. Лобач Д.В. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма:

проблемные аспекты регламентации в фокусе критического анализа // Черные дыры в Российском законодательстве. 2017. № 5. С. 71-75.

352. Макаров В.И., Макарова О.С. Оправдание терроризма: вопросы лингвистической экспертизы // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2020. № 8 (33) // URL: <https://portal.novsu.ru/file/1682337>

353. Максимов С.В., Павлинов А.В. Проект Модельного закона СНГ «Об общественной безопасности»: недостатки и предложения по доработке // Международное публичное и частное право. 2023. № 1. С. 12-17.

354. Маторин М.А., Маторина Ю.Н. Проблемы квалификации публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма или пропаганды терроризма // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 3 (52). С. 71-78.

355. Михайлов В.И. Противодействие терроризму и совершенствование уголовного закона // Российский ежегодник уголовного права. 2006. № 1. С. 513-530.

356. Мокринский С. Покушение и приготовление в советском праве // Советское право. 1927. № 1 (25). С. 56-81.

357. Москалев Г.Л. Пропаганда терроризма (ст. 205² УК РФ) // Национальная безопасность / nota bene. 2018. № 6. С. 79-87.

358. Набоков В. Уголовная ответственность книгопродавца // Право. Еженедельная юридическая газета. 1908. № 18. С. 1128-1136.

359. Назарова Т.В., Громова А.В. Возможности современной лингвистической экспертизы, проводимой в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации // Эксперт-криминалист. 2017. № 4. С. 26-28.

360. Ображиев К.В. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2010. № 3. С. 167-171.

361. Ображиев К.В. Юридическая природа и признаки длящегося преступления // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 4. С. 442-455.

362. Ображиев К.В., Петренко В.В. Длящиеся преступления в уголовном праве Германии и Франции: доктрина, законодательство, практика // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 1. С. 117-127.

363. Ображиев К.В., Шуйский А.С. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией: понятие, сущность и виды // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 12. С. 116-122.

364. Осадчий М.А. Использование лингвистических познаний в расследовании преступлений, предусмотренных статьей 282 Уголовного кодекса РФ // Право и безопасность. 2007. № 3-4 (24-25) // URL: https://dpr.ru/pravo/pravo_21_17.htm.

365. Осадчий М.А. Судебно-лингвистическая параметризация экстремистского призыва // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 11 (19). С. 65.

366. Петрищев В.Е. Некоторые проблемы противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2013. № 2. С. 28-31.

367. Пионтковский А.А. Контр-революционные преступления в Уголовном Кодексе РСФСР // Советское право. 1924. № 2 (8). С. 7-39.

368. Плешкевич Е.А. Новая редакция федерального закона об информации: терминологический аспект // Научно-техническая информация. Серия 1. Организация и методика информационной работы. 2007 № 6. С. 14-15.
369. Плошкина Я.М. Возможность прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон и компенсацией вреда при совершении многообъектного уголовно наказуемого деяния по законодательству Российской Федерации и Федеративной Республики Германия // Вестник Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (48). С. 92-101.
370. Помнина С.Н., Вахонина Е.Б. Особенности определения признаков объективной стороны публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма или пропаганды терроризма // Социально-политические науки. 2018. № 3. С. 137-142.
371. Радбиль Т.Б. Постклассическая теория речевых актов в производстве лингвистической экспертизы по делам об экстремизме // Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сборник докладов Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Нижний Новгород, 20-21 мая 2021 г.). Н. Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2021. С. 231-244.
372. Рарог А.И. Неосторожность в уголовном праве: пределы наказуемости // Уголовное право. 2022. № 8. С. 51-56.
373. Рарог А.И. Уголовный кодекс России против терроризма // Lex Russica. 2017. № 4. С. 155-178.
374. Резник Г.М. Предисловие к кн.: Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие. М., 2018. С. 3-5.
375. Рябчук В.Н. Уголовная ответственность за публичные призывы к насильственным действиям против советского государственного и общественного строя // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1992. № 2. С. 91-96.
376. Саженин И.И. Проблема диагностирования оправдания в экстремистском тексте // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления: материалы Межд. науч. конф. (Екатеринбург, 26-30.2016) / гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург: Уральский гос. педаг. ун-т, 2016. С. 181-184.
377. Салихова Э.А. К вопросу о вербальной реализации призыва // Политическая лингвистика. 2019. № 2 (74). С. 167-176.
378. Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Пер. с англ. / Сост. и вступ. ст. И.М. Кобозевой и В.З. Демьянкова. Общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 192-225.
379. Смушкин А.Б. О необходимости закрепления в уголовно-процессуальном законе трактовки основных информационных категорий // Криминалист. 2022. № 1 (38). С. 99-104.
380. Соболева А. Дело Sanchez v. France: защита от разжигания вражды или очередной шаг ЕСПЧ на пути к ограничениям свободы слова в Интернете? // Международное правосудие. 2021. № 4 (40). С. 3-18.
381. Тарбагаев А.Н., Москалев Г.Л. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст. 205² УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 14. Право. 2016. Вып. 2. С. 28-39.

382. Тимашев Н.С. Преступные призывы по новелле 6 июля 1917 года // Право. Еженедельная юридическая газета. 1917. № 33-34. С. 1207-1216.
383. Тяжкова И.М. Критерии наказуемости преступной неосторожности // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2007. № 4. С. 32-42.
384. Тяжкова И.М. Экстремистские преступления как посягательства на внутреннюю безопасность государства // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2012. № 4. С. 83-100.
385. Формановская Н.И. Соотношение интенционального и пропозиционального компонентов в высказывании // Русский язык за рубежом. 1996. № 1-2-3. С. 42-47.
386. Хлебушкин А.Г. Квалификация публичных призывов к осуществлению террористической деятельности и публичного оправдания терроризма (ст. 205.2 УК РФ) // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 06–07 июня 2019 года. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. С. 219-223.
387. Хлебушкин А.Г. Особенности квалификации преступлений террористической и экстремистской направленности, совершаемых с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей // Криминалистика. 2024. № 2 (47). С. 136-142.
388. Хлебушкин А.Г. Установление умысла при квалификации преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2024. № 3. С. 64-72.
389. Чернышева Т.В. Метод анализа речевых актов: возможности и проблемы использования в лингвоэкспертной и судебной практике / Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2019. Т. 15, ч. 1. С. 217-238.
390. Чуклина Э.Ю. Судебная практика по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 205.1 и ст. 205.2 УК РФ (по материалам Южного окружного военного суда) // Право и политика. 2019. № 12. С. 82-93.
391. Чуклина Э.Ю. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией: понятие, механизм превентивного воздействия и виды // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 5 (150). С. 107-122.
392. Чуклина Э.Ю. Проблемы законодательной конструкции и применения нормы, предусмотренной ст. 205² Уголовного кодекса Российской Федерации // Фундаментальные исследования, инновационные технологии и передовые разработки в интересах долгосрочного развития Юга России. материалы Международного научного форума, посвященного 20-летию ЮНЦ РАН. Ростов-на-Дону: Фед. исслед. центр Южный научный центр Российской академии наук, 2023. С. 398-402.
393. Шевченко И.В. Уголовно-правовая характеристика публичного призыва к осуществлению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма // Вестник Саратовской государственной академии права. 2009. № 1 (65). С. 133-136.
394. Шибзухов З.А. Проблемы квалификации публичных призывов к осуществлению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма, совершенного в соучастии // Общество и право. 2011. № 2 (34). С. 184-187.
395. Шишков С.Н., Полубинская С.В. Проблемы установления признаков состава преступления с использованием специальных знаний // Уголовное право. 2018. № 5. С. 114-123.

396. Ширков В.П. Преступные деяния печати по уголовному уложению // Журнал Министерства юстиции. 1905. № 7 (сентябрь). С. 167-206.
397. Штаге Д. Уголовная ответственность за призыв к самосуду в соответствии с уголовным законодательством Германии // Союз криминалистов и криминологов. 2013. № 1. С. 101-104.
398. Щенникова Е.В. Когда любовь преследуется по закону? (лингвистический аспект пропаганды) // Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы: сборник научных работ по итогам Международной научной конференции «Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы» (Москва, 1–2 октября 2019 г.). М., 2019. С. 238-249.
399. Юрченко И.А. Нарушение неприкосновенности частной жизни // Черные дыры в российском законодательстве. 2002. № 2 // URL: <http://www.kpress.ru/bh/2002/2/ryurchenko/ryurchenko.asp>
400. Яни П.С. Вопросы квалификации половых преступлений // Законность. 2013. № 5. С. 16-21.
401. Яни П.С. Квалификация преступлений экстремистской направленности // Российская юстиция. 2011. № 10. С. 11-16.
402. Яни П.С. Сложные вопросы субъективной стороны преступления // Российская юстиция. 2002. № 12. С. 47-49.
403. Aguerri J.C. Freedom of Speech and Media Coverage of Glorification of Terrorism Case // The Presumption of Innocence and the Media Coverage of Criminal Case. Center for the Study of Democracy, 2021. P. 93-109.
404. Barak-Erez D., Scharia D. Freedom of Speech, Support for Terrorism, and the Challenge of Global Constitutional Law // Harvard National Security Journal // 2011. Vol. 2. P. 1-30.
405. Benesch S. Dangerous speech // Challenges and perspectives of hate speech research / C. Strippel, S. Paasch-Colberg, M. Emmer, & J. Trebbe (Eds.). Berlin, 2023. P. 185-197.
406. Boles J.F. Easing the Tension Between Statutes of Limitations and the Continuing Offense Doctrine // Northwestern Journal of Law and Social Policy. 2012. Vol. 7. P. 219-256.
407. Brabandere E. The Regulation of Incitement to Terrorism in International Law // Balancing Liberty and Security: The Human Rights Pendulum / Eds.: Hennebel L., Tigroudja H. Nijmegen: Wolf Legal Publishers, 2012. P. 221-240.
408. Brahim A. Ideology and Terrorism // The Oxford Handbook of Terrorism / Edited by E. Chenoweth, R. English, A. Gofas, S.N. Kalyvas. Oxford, 2019. P. 298-315.
409. Buyse A. Dangerous expressions: the ECHR, violence and free speech // The International and Comparative Law Quarterly. 2014. Vol. 63. № 2. P. 491-503.
410. Buyse A. Tacit citing: The Scarcity of Judicial Dialogue between the Global and the Regional Human Rights Mechanisms in Freedom of Expression Cases // The United Nations and Freedom of Expression and Information: Critical Perspectives / Edited by T. McGonagle and Y. Donders. Cambridge, 2013. P. 443-465.
411. Chen A. Free Speech and the Confluence of National Security and Internet Exceptionalism // Fordham Law Review. 2017. Vol. 86. Issue 2. P. 379-399.
412. Cole D. The First Amendment's Borders: The Place of Holder v. Humanitarian Law Project in First Amendment Doctrine // Harvard Law & Policy Review. 2012. Vol. 6.P. 147-177.

413. De Coensel S. Incitement to Terrorism: the Nexus between Causality and Intent and the Question of Legitimacy: a Case Study of the European Union, Belgium and the United Kingdom // *Human dignity and human security in times of terrorism* / Editors: C. Paulussen, M. Scheinin. Hague, 2020. P. 269-298.
414. Duffy H., Pitcher K. Inciting Terrorism? Crimes of Expression and the Limits of the Law // *Grotius Centre Working Paper Series*. 2018/076-HRL. Leiden, 2018.
415. Eser A. The law of Incitement and the Use of Speech to Incite Others to Commit Criminal Acts: German Law in Comparative Perspective // *Freedom of speech and incitement against democracy* / Editors: David Kretzmer, Francine Kershman Nazan. The Hague, 2000. P. 119-146.
416. First Amendment — Freedom of Speech — Criminal Solicitation — United States v. Sineneng-Smith // *Harvard Law Review*. 2020. Vol. 134, Issue 1. P. 480-489.
417. Fuchs A. New Terror – The Israel Case // *Democracy and Terrorism – Experiences in Coping with Terror Attacks. Case Studies from Belgium, France, Israel and Norway* / A.M. Kellner (ed.). Berlin, 2017. P. 31-36 // URL: <https://library.fes.de/pdf-files/id/ipa/13552-20171023.pdf>
418. Gur-Arye M. Can Freedom of Expression Survive Social Trauma: The Israeli Experience // *Duke Journal of Comparative and International Law*. 2003. Vol. 13. P. 155-202.
419. Hafez M., Mullins C. The Radicalization Puzzle: A Theoretical Synthesis of Empirical Approaches to Homegrown Extremism // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2015. Vol. 38. Issue 11. P. 958-975.
420. Han D.S. Terrorist Advocacy and Exceptional Circumstances // *Fordham Law Review*. 2017. Vol. 86. Issue 2. P. 487-507.
421. Harel A. The regulation of Speech: A Normative Investigation of Criminal Law Prohibition of Speech // *Freedom of Speech and Incitement against Democracy* / Editors: David Kretzmer, Francine Kershman Hazan. Hague, London, Boston, 2000. P. 247-274.
422. Hoffman D. Online Terrorism Advocacy: How AEDPA and Inchoate Crime Statutes Can Simultaneously Protect America's Safety and Free Speech // *National Security Journal*. 2014. Vol. 2. P. 200-250.
423. Hörnle T. Legal Regulation of Offence // *Incivilities: Regulating Offensive Behavior* / Edited by A. von Hirsch and A. Simester. Oxford and Portland, Oregon, 2006. P. 133-148.
424. Hunt A. The Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism // *European Public Law*. 2006. Vol. 12. Issue 4. P. 603-628.
425. Keiler J. Terrorist Speech and the Criminal Law – A Comparative Analysis // *European Journal of crime, criminal law and criminal justice*. 2017. Vol. 5. P. 230-259.
426. Laborde J.-P., DeFeo M. Problems and Prospects of Implementing UN Action against Terrorism // *Journal of International Criminal Justice*. 2006. Vol. 4. Issue 5. P. 1087-1103.
427. Leader Maynard J., Benesch S. Dangerous Speech and Dangerous Ideology: An Integrated Model for Monitoring and Prevention // *Genocide Studies and Prevention: An International Journal*. 2016. Vol. 9. Issue 3. P. 70-95.
428. Loof J.-P. Restricting Free Speech in Times of Terror: An ECHR Perspective // *Freedom of speech under attack* / Editors: Afshin Ellian and Gelijn Molier). Hague, 2015. P. 185-216.

429. Marsili N. Retweeting: its linguistic and epistemic value // *Synthese*. 2021. Vol. 198. P. 10457–10483.
430. Mendel T. Does International Law Provide for Consistent Rules on Hate Speech? // *The content and context of hate speech: rethinking regulation and responses* / [edited by] Michael Herz, Peter Molnar. Cambridge University Press, 2012. P. 417-429.
431. Montgomery C. Can *Brandenburg v. Ohio* Survive the Internet and the Age of Terrorism? The Secret Weakening of a Venerable Doctrine // *Ohio State Law Journal*. 2009. Vol. 70. P. 141-194.
432. Morrison S.R. The System of Modern Criminal Conspiracy // *Catholic University Law Review*. 2014. Vol. 63. Issue 2. P. 371-422.
433. Napolitano A.P. Protecting Hatred Preserves Freedom: Why Offensive Expression Command Constitutional Protection // *Journal of Law and Policy*. 2016. Vol. 25. Issue 1. P. 160-184.
434. Nesbitt M, West L., Amarasingam A. The Elusive Motive Requirement in Canada's Terrorism Offences: Defining and Distinguishing Ideology, Religion, and Politics // *Osgoode Hall Law Journal*. 2023. Vol. 60. Issue 3. P. 549-595.
435. Oetheimer M. Protecting Freedom of Expression: The Challenge of Hate Speech in the European Court of Human Rights Case Law // *Cardozo Journal of International and Comparative Law*. 2009. Vol. 17. P. 427-444.
436. Padan E. Fighting Incitement: The Work and Practice of the Israeli Prosecution 2014–2016 // *Incitement to terrorism* / Edited by Anne Bayefsky, Laurie Blank. Leiden, 2018. P. 80-87.
437. Pasquet L. The French State of Emergency: From Crime Repression to the Protection of Public Order // *Austrian Review of International and European Law*. 2017. Vol. 22 (1). P. 67-99.
438. Petzsche A. The Penalization of Public Provocation to Commit a Terrorist Offence – Evaluating Different National Implementation Strategies of the International and European Legal Framework in Light of Freedom of Expression // *European Criminal Law Review*. 2017. Vol. 7 № 2. P. 241-257.
439. Redish M.H. Advocacy of Unlawful Conduct and the First Amendment: in Defense of Clear and Present Danger // *California Law Review*. 1982. Vol. 70. P. 1159-1200.
440. Reinares F., García-Calvo C., Vicente Á. Differential Association Explaining Jihadi Radicalization in Spain: A Quantitative Study // *CTC Sentinel*. 2017. Vol. 10. Issue 6. P. 29-34.
441. Retweeting a message with a terrorist content // *Terrorism Convictions Monitor*. 2018. Issue 32. P. 36-42.
442. Ronen Y. Incitement to Terrorist Acts and International Law // *Leiden Journal of International Law*. 2010. Vol. 23. P. 645-674.
443. Ronen Y. Terrorism and Freedom of Expression // *Research Handbook on International Law and Terrorism* / Edited by B. Saul. Second Edition. Edward Elgar Publishing, 2020. P. 399-410.
444. Schauer F. On the Distinction between Speech and Action // *Emory Law Journal*. 2015. Vol. 65. P. 427-454.
445. Schlanger S. French Law and EU Rules in the Fight Against Incitement to Terrorism or Violent Extremism // *Incitement to Terrorism*. Editors: Anne F. Bayefsky and Laurie R. Blank. Leiden; Boston, 2018. P. 46-55.

446. Schmid A.P. The Definition of Terrorism // The Routledge Handbook of Terrorism Research / Edited by A.P. Schmid. London, 2011. P. 39-98.
447. Schulte Ph., Kanz K.-M. Daumen hoch?! – Die Like-Funktion im sozialen Netzwerk Facebook aus strafrechtlicher Perspektive // Zeitschrift für das Juristische Studium. 2013. №1. S. 24-35.
448. Sottiaux S. «Bad Tendencies» in the ECtHR's «Hate Speech» Jurisprudence // European Constitutional Law Review. 2011. Vol. 7. P. 40-63.
449. Stubbs K., Galli G. Inchoate offences. The sanctioning of an act prior to and irrespective of the commission of any harm // EU counter-terrorism offences. What impact on national legislation and case-law? / Edited by F. Galli, A. Weyembergh. Bruxelles, 2012. P. 291-304.
450. Taylor M., Ramsay G. Violent Radical Content and the Relationship between Ideology and Behaviour: Do Counter- Narratives Matter? // Countering Violent Extremist Narratives / Ed.: E. Kessel. Breda: Koninklijke Broese & Peereboom, 2010. P. 94-111.
451. Timmermann W.K. International Speech Crimes following the Šešelj Appeal Judgment // Propaganda and International Criminal Law: From Cognition to Criminality. Routledge, Abingdon, 2020. P. 105-123.
452. Tsesis A. Terrorist Speech on Social Media // Vanderbilt Law Review. 2017. Vol. 70. P. 651-708.
453. Troitskaya A. The Proportionality Principle in the Jurisprudence of the Russian Constitutional Court // Review of Central and East European Law. 2021. № 2. P. 203-233.
454. Volokh E. The Speech Integral to Criminal Conduct Exception // Cornell Law Review. 2016. Vol. 101. P. 981-1052.

Словари

455. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998.
456. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том IV. М., 1995.
457. Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь. М., 2000.
458. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003.
459. Словарь русского языка Ефремовой // URL: <https://www.efremova.info/word/publika.html#.ZEwoMHZBxPY>
460. Толковый словарь Ожегова онлайн // URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=26428>
461. Толковый словарь Ушакова онлайн // URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=64638>
462. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний. М., 2008.

Иные источники

463. Верховный Суд Российской Федерации признал «Колумбайн» террористической организацией // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=70034347>
464. Выступление вице-председателя Комитета экспертов Совета Европы по борьбе с терроризмом (CODEXTER) А.В. Змеевского на политической конференции

ОБСЕ по партнерству государств, гражданского общества и бизнеса в противодействии терроризму (Вена, 31 мая - 1 июня 2007 г.) // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1692342/

465. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими // URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>

466. Министерство иностранных дел РФ. В связи со вступлением в силу Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 года. Сообщение для СМИ // URL: <https://www.mid.ru/tv/?id=1727363&lang=ru>

467. Семь лет за пропаганду терроризма. В Госдуме подготовили поправку в антитеррористическое законодательство // URL: <https://iz.ru/660798/marina-iurshina/sem-let-za-propagandu-terrorizma>

468. Статистика числа осужденных лиц за 2007-2023 гг. на сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ (отчеты №10-а) // URL: <http://www.cdep.ru/?id=79>

469. Baseline Studies on the Legislative implementation and application of Directive 2017/541 (Belgium, Spain, Germany, The Netherlands and Italy). Background research material. Justice project. June 2019 // URL: https://www.icj.org/wp-content/uploads/2020/11/Summary-Baseline-Studies_6_2019.pdf

470. Council of Europe: European Court of Human Rights, Guide on Article 10 of the European Convention on Human Rights - Freedom of Expression, 31 August 2020 // URL: https://www.echr.coe.int/documents/guide_art_10_eng.pdf

471. Committee of Experts on Terrorism (CODEXTER). Profiles on Counter-Terrorism Capacity. Belgium. February 2014 // URL: https://legislationline.org/sites/default/files/documents/89/Belgium_CODEXTER_Profile_2014.pdf

472. Department of Justice. Office of Public Affairs. For Immediate Release. Wednesday, August 2, 2017. Ohio Man Sentenced to 20 Years in Prison for Soliciting Murder of U.S. Military Members // <https://www.justice.gov/opa/pr/ohio-man-sentenced-20-years-prison-soliciting-murder-us-military-members>

473. Fathaigh R.Ó, Voorhoof D. ECtHR engages in dangerous «triple pirouette» to find criminal prosecution for media coverage of PKK statements did not violate Article 10. // URL: <https://strasbourgobservers.com/2019/10/14/ecthr-engages-in-dangerous-triple-pirouette-to-find-criminal-prosecution-for-media-coverage-of-pkk-statements-did-not-violate-article-10>

474. Ginkel B. Incitement to Terrorism: A Matter of Prevention or Repression? ICCT Research Paper. Hague, 2011. // URL: <https://www.icct.nl/sites/default/files/2023-02/ICCT-Van-Ginkel-Incitement-To-Terrorism-August-2011.pdf>

475. Hamid N., Ariza C. Offline Versus Online Radicalisation: Which is the Bigger Threat? Tracing Outcomes of 439 Jihadist Terrorists Between 2014–2021 in 8 Western Countries. London, 2022 // URL: <https://gnet-research.org/wp-content/uploads/2022/02/GNET-Report-Offline-Versus-Online-Radicalisation.pdf>

476. Legal standards on glorification. Case law analysis of the offence of glorification of terrorism in Spain // URL: <http://www.rightsinternationalspain.org/uploads/publicacion/6b06a5a8ad6c2f7c9b408091b87d0b3c7dff219.pdf>

477. Macovei M. Freedom of expression. A guide to the implementation of Article 10 of the European Convention on Human Rights. Human rights handbooks, No. 2. Strasbourg, 2004 // URL: <https://www.refworld.org/docid/49f17f3a2.html>

478. Ministers' Deputies, 911 Meeting, 12 January 2004 // URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805db4e3
479. Pakistani Man Arrested on U.S. Terrorism Charges // URL: <https://www.reuters.com/article/us-pakistan-usa-arrest-idUSTRE7815M920110902>
480. Posner E. ISIS Gives Us No Choice but to Consider Limits on Speech. America faces unprecedented danger from the group's online radicalization tactics // URL: <https://slate.com/news-and-politics/2015/12/isiss-online-radicalization-efforts-present-an-unprecedented-danger.html>
481. Report on the Operation in 2010 of the Terrorism Act 2000 and of Part of Terrorism Act 2006 by David Anderson Q.C. Presented to Parliament pursuant to Section 36 of the Terrorism Act 2006. London, 2011 // URL: <https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5a7c1db140f0b61a825d68d8/8210.pdf>
482. Schmid A.P. Defining terrorism. International Centre for Counter-Terrorism Report. March 2023 // URL: https://www.icct.nl/sites/default/files/2023-03/Schmidt%20-%20Defining%20Terrorism_1.pdf
483. Sunstein C.R. Islamic State's Challenge to Free Speech. Does "clear and present danger" fit the age of terror and social media? // URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2015-11-23/islamic-state-s-challenge-to-free-speech>
484. Tenorio P. The Impact of Antiterrorist Legislation in the Freedom of Speech in Spain. P. 16 // URL: <https://www.rodriuezarribas.es/wp-content/uploads/2017/01/2.28.-The-impact-of-anti-terrorist-legislation-on-freedom-of-speech-in-spain.pdf>
485. Tulkens F. When to say is to do Freedom of expression and hate speech in the case-law of the European Court of Human Rights // European Court of Human Rights – European Judicial Training Network Seminar on Human Rights for European Judicial Trainers. Strasbourg, 3 September 2013 // URL: http://www.ejtn.eu/Documents/About%20EJTN/Independent%20Seminars/ECtHR%20for%20EU%20Judicial%20Trainers/ECHR_and_Hate_Speech_2013_Tulkens.pdf
486. Volokh E. Is it a crime to encourage an audience to physically attack hecklers? Washingtonpost. March 14, 2016 // URL: <https://www.washingtonpost.com/news/volokh-conspiracy/wp/2016/03/14/is-it-a-crime-to-encourage-an-audience-to-physically-attack-hecklers>
487. Volokh E. Brief Amicus Curiae of Professor Eugene Volokh in Support of Neither Party, 9 Dec. 2019 // URL: https://www.supremecourt.gov/DocketPDF/19/19-67/124856/20191209115753057_19-67acVolokh.pdf
488. Wann ist "Liken" strafbar? Ein fragwürdiger Beschluss des LG Meiningen / Prof. Dr. Henning Ernst Müller. URL: <https://community.beck.de/2022/08/31/wann-ist-liken-strafbar-ein-fragwuerdiger-beschluss-des-lg-meiningen>